

П. Элебрахт ТРАГЕДИЯ ПИРАМИД

Петер Элебрахт

ТРАГЕДИЯ ПИРАМИД

5000 лет
разграбления
египетских
усыпальниц

Прогресс

Петер Элебрахт

ТРАГЕДИЯ ПИРАМИД

5000 лет
разграбления
египетских
усыпальниц

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Предисловие и редакция
кандидата исторических наук
О. И. ПАВЛОВОЙ

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1984

Комментарий А. Н. ТЕМЧИНА

Редактор В. П. ТЕРЕХОВ

Peter Ehlebracht

HALTET DIE PYRAMIDEN FEST!

5000 Jahre Grabraub in Agypten

Econ Verlag

Düsseldorf — Wien, 1980

В книге прослеживается многовековая история грабежа египетских гробниц и расхищения культурных и исторических ценностей одной из древнейших цивилизаций мира.

Автор приводит свидетельства грабительских раскопок гробниц, контрабандной торговли мумиями и другими древностями.

Книга П. Элебрахта предназначена тем, кто интересуется древней историей Египта.

Редакция литературы по истории

© Econ Verlag, 1980

© Перевод на русский язык, предисловие и комментарии
издательство «Прогресс», 1984

Э 0504010000—633 23—84
006(01)—84

Предисловие

Книга Петера Элебрахта — необычное явление в современной популярной литературе о Египте и его древнем культурном наследии. Здесь нет ставших уже шаблонными описаний памятников давно исчезнувшей цивилизации, которыми пестрят многие издания о Древнем Египте, нет и восторженного тона писателя — дилетанта в египтологии, — стремящегося лишь разделить с читателем свои яркие впечатления от древней культуры и абстрактно рассуждающего по поводу гибели многих замечательных ее памятников. Эта книга — своего рода обвинительный акт всем тем, кто под предлогом любви к древностям нещадно грабил и продолжает грабить культурное достояние Египта — будь то европейские негоцианты, богатые туристы, частные коллекционеры, авантюристы всех сортов или «менсены» из высших дипломатических кругов.

Автор дает язвительные характеристики не только ныне здравствующим торговцам и грабителям предметов древнеегипетского искусства, но и авантюристам прошлых веков (к ним он относится, пожалуй, с особым презрением и ненавистью) — тем негодяям, которые в поисках сказочных сокровищ фараонов не гнушались взрывать и разбирать пирамиды и другие царские усыпальницы. П. Элебрахт беспощадно разоблачает темные махинации, связанные с продажей древнеегипетских памятников, и показывает, как еще в «золотом» XIX в. «просвещенный Запад превратил Египет в арену деятельности мафии», как из мелких воров постепенно вырастали крупные гангстеры. Это было время, когда, по словам Е. М. Форстера, «все прогрессивные правительства считали своим долгом собирать предметы древности и выставлять их в своих музеях, открытых иной раз и для широкой публики. Теперь эти коллекции называют «национальным достоянием». Правительство одной страны стремилось перещеголять правительства других стран по числу экспона-

тов — подлинных предметов древности, а не подделок, «иначе нация могла потерять престиж».

В Египет устремились всевозможные охотники за сокровищами, как правило, не имевшие ни малейшего представления об истинной научной ценности находок, одержимые лишь жадой наживы. Надо ли говорить о том, какой значительный урон нанесли они науке, сколько памятников, внешне мало примечательных, но имевших большое историческое значение, бесследно исчезло, пройдя через руки грабителей, торговцев древностями, дилетантов, а иногда и профессиональных археологов, намеренно игнорировавших научные методы изысканий. Достаточно вспомнить пресловутую «миссию Амелино» — археологическую экспедицию, с 1897 г. работавшую в районе древнего Абидоса, которая ради поднятия цен на предметы древности преступно уничтожила целый ряд памятников, превратив их в груды обломков.

Даже в XX в., когда уже стало невозможным явное разграбление памятников древнеегипетского искусства, некоторым предприимчивым и не вполне бескорыстным любителям древностей удавалось все же нарушать правила договора с египетскими властями, согласно которому лучшие из этих памятников не должны были покидать пределы страны. Так, после сенсационного открытия гробницы Тутанхамона лорд Карнарвон, на средства которого велись раскопки, вопреки мнению Г. Картера, руководителя археологических работ, настаивавшего на том, чтобы все найденные предметы остались в Египте, стал претендовать на определенную долю находок, в результате чего возникла конфликтная ситуация. Временно были лишены права продолжать раскопки на месте древней столицы Эхнатона — в Ахетатоне (современная Эль-Амарна) — немецкие ученые, которые тайно вывезли из Египта ряд скульптур, среди них уникальный портрет Нефертити.

К сожалению, подобные примеры отнюдь не единичны и многие из них, за исключением приведенных, подробно описаны в книге П. Элебрахта. И нельзя не согласиться с его безотрадным выводом: «Ложное утверждение, будто предметы древнеегипетского искусства получают шанс на спасение, если будут вывезены из страны, служило банальным оправданием для самого неприкрытого грабежа» (с. 18.).

Архивные документы, переписка ученых становятся в руках П. Элебрахта ключом к пониманию закулисных сторон египтологии, связанных главным образом с пополнением европейских музеев древнеегипетскими экспонатами, когда некоторым ученым все средства казались пригодными для того, чтобы заполучить желанные памятники. Но, явно утрируя эту теневую сторону египтологии, П. Элебрахт, к сожалению, мало обращает внимания на тех истинно преданных науке ученых, которые, часто рискуя своей жизнью,

стремились сохранить исчезающие памятники и сделать их достоянием человечества — не просто пыльными экспонатами на полках Королевского музея в Берлине или Британского музея, — а живыми свидетелями далекой, своеобразной и полной загадок культуры.

Упомянем хотя бы некоторых из них — известных ученых и скромных тружеников от науки. Человечество с благодарностью будет вспоминать бескорыстный труд английского египтолога Ф. Питри, по крупицам собравшего жалкие обломки, оставленные «миссией Амелино», и на основании их исследования реконструировавшего историю абидосских гробниц додинастического периода. Мы глубоко признательны французскому ученому Г. Легрену, который с огромным трудом восстановил рухнувшие в 1899 г. колонны гипостильного зала Карнакского храма бога Амона, где он обнаружил знаменитый тайник с посвященными статуями. Нельзя не поклоняться перед самоотверженным трудом членов экспедиции Гарвардского университета Д. Данхема, в течение двух лет реставрировавшего деревянные остовы переносного кресла, ложа, подголовника и туалетного ларца царицы Хетепхерес, и Б. Райза, потратившего целый год на восстановление шатра-балдахина царицы. В 1967 г. был создан франко-египетский центр по изучению и консервации древних памятников Карнака, благородной целью организаторов которого — археологов, архитекторов, египтологов, художников и т. д. — является сохранение для последующих поколений все более приходящего в упадок знаменитого культового центра Амона — некогда самого величественного храмового комплекса Египта. В задачу П. Элебрахта, по-видимому, не входило освещение научных методов исследования древнеегипетских памятников, которые сложились в XX в. Он невольно представляет египтологию в основном в мрачном свете как науку, способствующую ограблению египетской культуры.

Страстный любитель африканского искусства, обладатель одной из лучших в ФРГ частных коллекций, организатор собственного кинопроизводства документальных этнографических фильмов, П. Элебрахт, путешествуя по Африке, неоднократно посещал Египет. Особый интерес его книги в том, что многое в ней навеяно впечатлениями от личных встреч автора с египтянами, так или иначе причастными к добыче древнеегипетских памятников и их продаже за границу. Он не щадит тех, кто, не понимая и не принимая культуры «неверных», равнодушно расставался с сокровищами прошлого. П. Элебрахт порой оказывался в самых невероятных ситуациях, проникая в порыве своего неумолимого журналистского темперамента в воровские гнезда жителей Эль-Курны — добытчиков древностей, облюбовавших себе район некрополей древних Фив. П. Элебрахт пишет о большинстве из них с нескрываемым чувством праведного

гнева. Но в то же время он отмечает их свободолюбивый дух, нежелание подчиниться требованиям властей оставить жилища предков, изобретательность и бесстрашие, которые так часто оказывали неоценимую услугу археологам.

Египетский ученый Мухаммед Закария Гонеим, прославившийся открытием в Саккара пирамиды прежде не известного фараона III династии Сехемхета, после долгих лет работы с жителями Эль-Курны сумел очень точно оценить своеобразие их характера. В начале работы в Фивах он испытывал по отношению к ним, по его собственному признанию, лишь чувство ненависти, считая их просто ворьем. Но постепенно неприязнь сменилась симпатией, рожденной ясным ощущением живой связи обычаев современных обитателей Фив с древними традициями фараоновских времен. Он отчетливо понял, что они — «единственное живое звено, связывающее нас с древними египтянами», ибо они — «прямые потомки бальзамировщиков, ремесленников, художников и скульпторов, которые жили здесь три тысячи лет назад», и в случае исчезновения их из этих мест «некрополь поистине превратится в город мертвых».

Воздействие негативных сторон современной западной цивилизации, способствующее скорейшему разрушению древних памятников и уничтожению преемственности древних культурных традиций, многим, в том числе и П. Элебрахту, представляется едва ли не большим злом по сравнению с воровским ремеслом жителей Эль-Курны, хотя и причиняющих науке постоянный ущерб, но уже не всегда способных на крупное воровство, как в прошлом веке. П. Элебрахт всецело на их стороне, когда речь идет о бесцеремонном вторжении в их жизнь «воскресной культуры», насаждаемой концерном владельцев отелей, намеревающихся «оккупировать» западную часть Фив — горный массив с древним некрополем.

Всем своим содержанием книга П. Элебрахта, написанная непримиримо и страстно, подтверждает необходимость бережного отношения к памятникам прошлого, которые еще не потеряны безвозвратно. Эта книга носит остро злободневный характер. Она не щадит ни мелких авантюристов, ни сильных мира сего, наносивших непоправимый ущерб уникальным памятникам, — начиная с древнейшей эпохи, когда «алчность вытесняла всякий страх перед местью богов, которые охраняли умерших», и до настоящего времени, когда для спекуляций древностями не могут служить надежной преградой ни таможенные препоны, ни полиция, ни правительственные санкции.

Книга П. Элебрахта несомненно привлечет внимание всех тех, кто интересуется проблемой сохранения в современном мире культурного наследия Древнего Египта.

Кандидат исторических наук О. И. Павлова

От автора

«Кто слишком раздувает пламя,
легко может опалить бороду».

Во время моих — нередко весьма рискованных — путешествий я не всегда следовал этой арабской поговорке. Не раз я опаливал не только бороду, но и пальцы. И все же при написании этой книги мудрое изречение служило для меня своего рода предостережением. Поэтому пусть радуются те торговцы, укрыватели краденого и прочие негодяи, настоящие имена которых я вынужден скрывать. Полное, как в публикации о розыске, раскрытие лиц, принадлежащих к преступному миру, завело бы в дебри, где климат не просто нездоров, он опасен для жизни: можно очутиться в таких местах, возвращение откуда к этой прекрасной, полной неожиданностей жизни станет маловероятным.

Зап. Берлин, январь 1980 г.

Петер Элебрахт

Все началось с мумий

Большая часть обитателей деревни Саккара, которая лежит близ означенных пещерных усыпальниц, промышляет тем, что раскапывает оные пещеры и изымает набальзамированные мертвые тела, понеже бесплодные земли сего края едва могут доставить людям пропитание.

Оные мертвые тела набальзамированы крепким снадобьем, более же всего — иудейскою смолою, но не изукрашены никоими египетскими символами.

Из «Обстоятельного и достоверного Африки описания, года 1668» доктора Олферта Даттера; первый немецкий перевод 1670 г.

Двор Людовика XIV (1643—1715) — «Короля-солнца» Франции — был неравнодушен к подношениям. Толки об этом дошли до самого персидского шахиншаха Фатх-али. Когда в конце XVII в. он отправил в Париж своего дипломата Солимана Бахтиари, его снабдили ящичком розового дерева, который был передан «Королю-солнцу» в Версальском дворце.

В шкатулке Людовик XIV обнаружил серебряный флакончик; в нем находилась густая масса, которая таинственно именовалась мумиё; она незадолго до того произвела в Европе сенсацию и считалась чудодейственным лекарством. Хотя этот эликсир уже несколько веков занимал достойное место в комодах ближневосточных фармацевтов, Людовик не знал, что делать с подобным медицинским снадобьем, и поместил его в витрину курьезов — к великому сожалению своего врача и аптекаря Савари, который с удовольствием испробовал бы это вещество.

Слово «мум», заимствованное из персидского, в арабском превратилось в «мумиё»: так называлась земляная, вернее, минеральная смола, известная под греческим наименованием «асфальт». Ее очень ценили как лечебное средство от разного рода телесных недугов.

Арабский медик ибн-Бетар, умерший в 646 г. н. э., цитировал одного из своих греческих коллег, который еще в I в. н. э. подробно описывал лекарственные средства, среди которых, в частности, было и мумиё, вещество, добываемое в стране под названием Аполлония (т. е. Иллирия): «Вода, что бежит со сверкающих гор, вымывает его»

и выносит на берег, здесь оно затвердевает и становится пахучим, как смола».

Сабей — народ, обитавший в юго-западной части Аравийского полуострова, — знали толк в торговле. Их караваны, помимо различных специй, везли через пустыню к побережью Красного моря и минеральную смолу — ценное фармацевтическое средство, которое попадало ко двору египетских фараонов, где врачи постоянно занимались поисками новых лекарственных растений и минералов. Они внимательно изучили это черное вещество и стали применять его при лечении рубленых ран и тяжелых контузий. Египтяне делали также пасту против сыпи на коже и, добавляя к смоле другие неизвестные составы, в конце концов составили микстуру против любых форм телесных недугов.

Хотя позже античным путешественникам и удавалось вывозить мумиё из этих краев, редкостного сырья было явно недостаточно. Пришлось обратиться к равноценным заменителям. Ловкие экспериментаторы не затрудняли себя поисками.

* * *

Мумиё напоминает тот густой черный состав, которым египтяне с начала III тыс. до н. э. бальзамировали тела умерших¹. Поскольку спрос на это средство был очень велик, затвердевшую массу в поздние времена стали счищать с черепов и остатков костей, выскабливать из полостей тела и перерабатывать. При остром дефиците не стоило быть щепетильным: таинственное бальзамирующее средство размазывалось вместе с высохшими волокнами мышц и остатками скелета. Мумиё, полученное таким способом, можно было поставлять в большом количестве.*

Этим промыслом мумиё начался чудовищный грабеж египетских усыпальниц. Сначала речь шла об универсальном лечебном средстве, потом началась сушья чертовщина.

Согласно сообщению лекаря Абд-эль-Лятифа, датируемому примерно 1200 г., мумиё, полученное из трех человеческих черепов, продавалось за полдирхема² (дирхем — серебряная монета весом 297 грамма). Добывавшийся из мумий экстракт был недешев. Абд-эль-Лятиф говорит о свойствах земляной смолы, а также о том, что из тел мертвецов в Египте делают заменитель этого минерала, который так трудно добывать. «Он может служить в качестве заменителя!» — замечает врач.

Спрос вызвал громадное оживление торговли этим «весьма целебным снадобьем». Предприимчивые купцы Каира и Александрии позаботились о том, чтобы мумиё сделалось важной статьей

экспорта в Европу. Они нанимали целые толпы египетских крестьян для раскопок некрополей. Корпорации торгашей экспортировали размолотые человеческие кости во все концы света — и неплохо наживались. В XIV—XV вв. мумиё сделалось обычным средством, продаваемым в аптеках и лавках лекарственных трав. Когда сырьё снова стало не хватать, начали использовать трупы казнённых преступников, тела умерших в богадельнях или погибших христиан, высушивая их на солнце. Так изготовлялись «настоящие мумии»!

Но поскольку и этот способ снабжения рынка не покрывал спроса, методы изготовления мумиё приняли открыто преступные формы. Шайки грабителей похищали из могил только что похороненные тела, расчленили их и вываривали в котлах до тех пор, пока мышцы не отделялись от костей; маслянистая жидкость капала из котла и, разлитая в склянки, сбывалась за бешеные деньги купцам-франкам*. Согласно документам, в 1420 г. городской судья Каира приказал сечь нескольких осквернителей могил до тех пор, пока они не признаются, что расчленили трупы людей и в своего рода «фармацевтической салотопке» перерабатывали их в ходкое лекарственное средство.

В 1564 г. французский врач Ги де ла Фонтен из Наварры на складе одного из торговцев в Александрии обнаружил груды тел рабов, которые предназначались для переработки в пресловутое снадобье.

Джон Сандерсон, александрийский агент Турецкой торговой компании, в 1585 г. получил приказ правления включиться в торговлю мумиё. Бравый Джон не только обследовал подземелья с мумиями в Мемфисе³, но и вызнал все о процветавшей в Каире и Александрии торговле трупами. Примерно 600 фунтов мумифицированной и высушенной мертвечины отправил он морем в Англию. В 1557 г. одно из медицинских изданий того времени, «Hortus Sanitatis»**, поместило статью об этом чудодейственном средстве, а также обо всем, что связано с таинственным снадобьем, применяемом с терапевтической целью в Аравии, Иудее и Египте.

Египетские власти пытались положить конец торговле трупами, издав соответствующий закон. Однажды раб-христианин сообщил в Каир о том, что его хозяин-еврей продает мумиё. Купец попал в тюрьму, а паша⁴ приказал правителям областей обложить торгующих мумиё большими налогами. Однако никакие постановления не смогли обуздать экспорт мумиё. Прибыль была столь высока и

* В средние века на Востоке франками часто называли европейцев. — *Прим. перев.*

** «Сад здоровья» (лат.).

заманчива, что транспорты с большими грузами мумий продолжали пересекать Средиземное море и достигать Европы.

Среди распространенных на Ближнем Востоке лекарственных средств была отвратительная микстура, изготовлявшаяся из битума — смеси лекарственных углеводов и еще каких-то незначительных добавок. Существовало убеждение в том, что вывезенные с загадочного Востока мумии имеют таинственные свойства. С помощью магии стремились усилить целебное действие битума. Шарлатаны и аптекари растворяли остатки мумий в винном уксусе и растительных маслах и делали мази, которые якобы помогали при воспалении легких и плеврите.

Французский врач Савари настолько уверовал в целительную силу этого снадобья, что считал доказанным утверждение, будто лишь совершенно черные и приятно пахнущие мумии оказывают положительное терапевтическое воздействие. Многие европейские естествоиспытатели считали эту «медицину» тем, чем она была на самом деле: «шарлатанской мерзостью». Но короли, князья и простые горожане продолжали искать препарат, которому молва приписывала сказочные свойства. В 1694 г. парижский купец и торговец аптекарскими товарами Пьер Поме в своей работе «Всеобщая история аптекарского дела» предпринял попытку отбить у людей охоту к употреблению средств, изготовляемых из мумий, изобразив на гравюрах отвратительный способ переработки трупов. Однако раскрытие этой адской кухни не оказало никакого воздействия.

Люди перестали видеть различие между природным лекарственным средством античности и той отвратительной смесью, которая продавалась на рынке. Мумий сделалось синонимом мумий, а сами мумии вплоть до XIX в. оставались основой для изготовления лекарств. Покойники как простого, так и благородного звания вывозились из гробниц, разодранные на части еще в погребальных камерах; они обращались сначала в прах и пепел, а затем в опечатанных фарфоровых сосудах отправлялись на международный рынок.

Так, останки тех, кто жил в эпоху фараонов⁵, вывозились из Египта в неограниченном количестве. Они стали невольными жертвами научных поисков и связанных с магией суеверий. Возможно, подобные суеверия не изжиты и по сей день. Например, в некоторых американских аптеках до сих пор можно купить несколько унций смеси «настоящего» мумий.

В 1978 г. в Абу-Сире* мне повстречалась одна крестьянка. В платке у нее было несколько комочков похожего на чай вещества. Она предложила его мне в качестве мумий.

* Абу-Сир-эль-Мелек — знаменитый некрополь, где сделано множество археологических открытий. — *Прим. перев.*

Вместе с жителем одной из деревень я несколько дней бродил среди многочисленных гробниц Абу-Сира. Вдруг он нащупал в песке череп, смахнул с него остатки волос и истлевшую кожу, которая рассыпалась в его руке. Крестьянин поскреб указательным пальцем по черепу, заполненному песком: «Хочешь мумиё? Люди говорят, что это стоит денег!»

В 1975 г. я посетил племя сукума, обитающее у озера Виктория в Восточной Африке. На пестром, кишасем людьми базаре я заметил некоего медика, торговавшего кусочками асфальта и костной золой, выдавая их за желудочное лекарство. Он называл его *чок* и утверждал, что лекарство прибыло издалека.

Египетский аукцион

Если действует вор, укрыватель краденого не голодает.

Арабская пословица

17 июня 1978 г. в лондонском аэропорту Хитроу таможня задержала багаж каирского зубного врача доктора Мухаммеда эль-Матбули. В двух больших чемоданах и в косметическом наборе госпожи Матбули чиновники обнаружили предметы древнеегипетского искусства. Супружеская чета не смогла предъявить разрешение на их вывоз. Багаж конфисковали, но супругов не задержали, так как они путешествовали с настоящими кувейтскими паспортами.

Египетское посольство, извещенное британской таможней, привело в действие каирскую полицию и Службу древностей¹. В доме доктора Эль-Матбули, расположенном в каирском квартале Маади, обнаружили целый склад незаконно приобретенных памятников старины, стоимость которых невозможно было даже определить. Эксперты установили, что предметы имеют различную датировку, начиная примерно с 2800 г. до н. э. и кончая X в. н. э. Все ~~было~~ конфисковано.

Этот зубной врач был знаком Службе древностей. В 1977 г. он как археолог-любитель подал ходатайство о предоставлении ему лицензии на раскопки в Дашуре — поселении близ знаменитой пирамиды² и царских погребений Древнего и Среднего царства. К счастью, лицензии ему не дали. Доктор Салех из Египетского музея в Каире рассказал мне, что найденная в чемоданах Матбули доска с рельефом доставлена в музей совершенно разрушенной, причем нет сомнения, что рельеф был ранее в полной сохранности, поскольку таким он отпечатался на лежавшем сверху куске пенопласта. Когда была повреждена доска, выяснить не удалось.

Находятся ли супруги Эль-Матбули в Англии или уже снова в Каире, кто знает?

2 июля 1979 г. в печати промелькнуло следующее сообщение: «Каир. Египетская полиция обнаружила у одной супружеской пары в Каире памятники культуры времен фараонов и Ислама стоимостью в четыре миллиона западногерманских марок. Они должны поступить на распродажу».

* * *

Методы хищений произведений искусства, история которых насчитывает 5000 лет, менялись, но неизменна была притягательность наживы для воровского мира Египта. С самого начала стремление к легкой жизни привело к зловещему союзу вора и укрывателя краденого. Древние египтяне почитали своих владык, но благоговение перед умершими никогда не было столь велико, чтобы они оставили в покое их гробницы. Алчность пересиливала страх мести божеств, которые охраняли мертвых. Ни две смертоносные тысячи ударов плеткой из пальмовых листьев, ни смерть от удушья в обрушившейся погребальной камере, ни самые хитроумные предосторожности не смогли удержать грабителей.

Дело начиналось тайно, и вор вначале действовал в одиночку. Но с успехом приходило благополучие, которое не удавалось скрыть от окружающих. Завистливые братья, любопытные соседи узнавали о тайных источниках достатка и раскрывали плутни гробокопателя; в итоге он был вынужден принять соглядатая себе в компаньоны. Так учреждался союз, «оправдывавший» себя в любую эпоху вплоть до нашей.

Во времена Древнего царства (начиная с III и кончая VII династией, т. е. во второй половине III тыс. до н. э.) укрыватель, как правило, был незначительным партнером. Он получал взятку за осведомленность, и его молчание ценилось так же, как те медные инструменты, которые он изготовлял. Однако, начав со вспомогательных ролей, укрыватель мало-помалу вырастал в независимую «личность», добивался влияния и становился главной фигурой³. Вор же остался простым исполнителем.

Поначалу члены сельских управ, главы стекольных мастерских в Фивах⁴ или влиятельные горожане извлекали выгоду из сотрудничества с миром грабителей гробниц; эти видные особы заботились о безопасности воровского мероприятия и об установлении связей с покупателями. Сеть продажных помощников расширялась и становилась все прочнее. В нее входили чиновники и предводители маджаев — отряда ливийских наемников*, которых не заботила вера

* Маджаи — в египетских текстах название не только ливийских наемников, но и жителей Нубии; с эпохи Нового царства так стали именоваться стражники — «полицейские», независимо от их этнической принадлежности. — *Прим. ред.*

египтян в наказание богов за нарушение покоя умерших. «Акционерное общество» гробокопателей росло, делалось все более организованным, приобретало купеческую респектабельность⁵.

Теряющие власть фараоны, начиная с Рамсеса IV и кончая Рамсесом XI (т. е. до падения Нового царства, 1554—1080 гг. до н. э.), храмовые чиновники и жрецы все чаще стали сами осуществлять злодеяния по отношению к обожествленным мертвым и попустительствовать преступлениям⁶. В XIX в. на смену им пришли почтенные люди, состоявшие на консульской службе; в наше время это древнее «сотрудничество» продолжают значительные персоны, влиятельные благодаря своему положению или принадлежности к респектабельной семье. Таким образом, в нелегальной международной торговле произведениями искусства ничто не меняется.

Как в давние времена грабитель тащил свою золотую добычу к укрывателю, который в надежном месте переплавлял драгоценности в бесформенные слитки, как в прошлом веке крестьяне, занимавшиеся раскопками, несли найденные в Файюме⁷ папирусы знатоку, так и сегодня «ночные старатели» из Амарны⁸ — работники хлопковых плантаций Бени-Суэйфа — несут свои клады солидному торговцу⁹. Вороватый нильский паромщик, изготавливающий замшу кожевник, живущий впроголодь кочевник — все они могут быть сообщниками влиятельных укрывателей краденого, которые содержат их на доходы со своего ремесла.

Вор знает, что его постоянно обманывают, но он вынужден терпеть. Некоторое время тому назад один каирский торговец произведениями искусства заплатил служителю музея 15 египетских фунтов за украденную фигуру из обожженной глины, находившуюся среди погребальных приношений. Похититель лишился места в музее, а торговец, потомок старинного купеческого рода, и сегодня располагает лицензией. Неукоснительно соблюдается закон воровского мира: мелкую рыбешку преследуют, а крупным хищникам дают возможность скрыться.

У нас нет достоверных сведений о торговле украденными сокровищами в дохристианский период и об участии в ней египтян*. В результате известных в истории вторжений чужеземцев Египет сделался значительно беднее произведениями искусства. Персы, греки, римляне тащили понравившиеся им древности¹⁰. Когда персидский царь Артаксеркс II (конец XXX династии, около 340 г. до н. э.) вторгся в Египет, его войска громили все вокруг¹¹. Слепленный

* Это предположение автора неверно. Известны случаи продажи самими египтянами наиболее ценившихся иноземцами памятников. В этой торговле принимали участие даже египетские жрецы, не гнушавшиеся извлекать выгоду от продажи храмового имущества. — *Прим. ред.*

алчностью, он приказал отправить в Персию все сокровища, какие только можно было разыскать¹². Август, первый римский император (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), приказал перевезти из Египта, житницы своих владений, в Рим и другие города Римской империи разные редкости и даже обелиски, но в этих грабительских деяниях ни один египтянин не участвовал. Возможно, какой-нибудь сельский житель, боясь пыток, постарался умиловить персидских захватчиков, отдав им унесенную из царских гробниц вещицу; возможно, некий благородный фиванец и передал несколько слитков золота Гаю Корнелию Галлу (69—26 гг. до н. э.), римскому наместнику захваченного Египта, чтобы пощадили его жизнь и дом; но в дохристианском Египте черного рынка не было¹³.

Начало профессиональной торговли произведениями египетского искусства относится к XV в. и связано с возобновлением интереса к античному миру. Так, например, правитель Флоренции Козимо Медичи (1389—1464) собирал у себя во дворце сокровища дальних, таинственных стран, а юристы и клирики позднего средневековья хранили в своих коллекциях редкостей свитки папирусов, которые не могли прочесть, а также статуэтки с не поддающимися расшифровке надписями.

* * *

Издавна существует два вида торговли произведениями искусства. В одном случае каждый уважающий себя торговец настоятельно требует, чтобы для продажи законным образом поставлялись вещи известного происхождения и в первоизданном виде. В другом случае речь идет только о наживе. Безразлично, откуда поступила вещь — об этом предусмотрительно не спрашивают: она будет продана по частям. Если даже вор повредил произведение искусства, его все равно купят — вид «товара» особого значения не имеет.

Однажды, по-видимому, во времена XVIII династии (1552—1306 гг. до н. э.), гробокопатели во время стремительного налета разбили стеклянную вазу, и осколки «драгоценного искусственного камня» пропали¹⁴. Однако через несколько лет они были проданы как стеклянные вставки, вынутые из золоченого саркофага, начальнику стекольных мастерских фиванского некрополя, а затем сбыты под видом ляпис-лазури, благородного полудрагоценного камня, какому-то ювелиру. Именно тогда мошенник почувствовал себя независимым и из простого укрывателя краденого сделался солидным торговцем произведениями искусства.

Около 400 лет (с 30 г. до н. э. по 395 г. н. э.) Египет был римской провинцией. Морские поездки через Средиземное море положили начало туризму и сопровождающей его торговле «сувенирами».

Плывя под парусами вверх по величайшей реке мира, путешественники из Римской империи по пути восхищались старинными городами и деревнями, Долиной царей, поющим «колоссом Мемнона»*. О ярких впечатлениях от такой поездки напоминали в родном доме или дворце крохотные таинственные амулеты. То, что некогда было предано забвению под горячими песками пустыни, благодаря спросу сделалось вдруг ценным. Неустанные поиски богатого наследия предков привели сначала к небольшим сделкам с чужеземными путешественниками. Но затем раздалось раскатившееся по Нилу «грабь веселей!». Отныне одни завоеватели передавали эстафету другим, отправляя из страны бесконечные караваны со всем, что им нравилось. Египтяне не в силах были помешать императору Константину I (306—337 г. н. э.), прозванному за насаждение христианства «Великим», вывезти гранитные обелиски Тутмоса III, которые так и остались лежать на берегу моря мертвым грузом. Египтяне не могли воспрепятствовать и римскому императору Адриану (117—138 гг. н. э.), который после поездки по стране привез целый корабль «сувениров».

Египетский народ ничего не мог предпринять против зловещего союза вора и укрывателя, ставшего неофициальной частью его истории. Взаимная защита, укрывательство сторон при первой же опасности, неписанные законы преступного мира оказались более действенными и прочными, чем государственные установления. Вор сегодня, как и прежде, всего лишь жалкая пешка в цепких лапах торговцев.

* * *

Не будет преувеличением утверждение, что со времен французского кардинала и государственного деятеля Жюль Мазарини (1602—1661), отправившего в Каир своего посланника Жана де Лаэ для установления связи с достойными доверия посредниками, чтобы пополнить личное собрание произведений искусства, внешняя сторона дела практически не изменилась. Как и прежде, подобные способы приобретения памятников старины подвластны законам, которые не могут быть известны непосвященному. Новичок в этом мире чувствует себя нелегко и постоянно подвергается риску.

* «Колосс Мемнона» — одна из двух статуй Аменхотепа III, фланкировавших пилоны его заупокойного храма на западном берегу Фив. На рассвете под воздействием ветра издавал поющий звук. Греки считали его приветствием, посылаемым Мемноном, которому приписывалось изваяние, своей матери — богине утренней зари Эос. — *Прим. ред.*

Люди, причастные к нелегальной торговле предметами древности, как правило, связаны родственными узами или по крайней мере слятенными обязательствами. На рынке господствуют две группы — профессиональные коллекционеры и прошедшие огонь и воду торговцы. «Аукционы» происходят в затененных внутренних комнатах притонов крупнейших городов Египта. Если прежде стремившиеся к знаниям ученые еще находили формы законности в сомнительном деле приобретательства антиквариата, то сегодня страсть к сокровищам в витринах коллекций приводит в движение темное сообщество, численность членов которого трудно оценить даже приблизительно.

В 1798 г. император Наполеон Бонапарт прибыл с экспедиционным корпусом в Египет. Император любил, чтобы в ставке его окружали ученые. Они-то и начали систематические поиски следов минувшего. Так пробил час рождения египтологии.

Трудно себе даже представить размах сделок, касавшихся купли и продажи древних памятников в период с середины и до конца XIX в. Торговые агенты и ученые объединились в своего рода сообщество, щики с добычей словно в магическом аттракционе исчезали с глаз флегматичных господ из египетских правительственных служб. Ложное утверждение, будто предметы древнеегипетского искусства получают шанс на спасение, если будут вывезены из страны, служило янальным оправданием для самого неприкрытого грабежа. Это истина, которой не желают внимать ни в научных кругах, ни среди торговцев произведениями искусства: крапленая карта мнимого спасения древностей появилась в тот мрачный момент, когда разграбление усыпальниц достигло наибольших размеров.

Но мы отнюдь не желаем принизить «достоинств» и нашего времени! В последние десятилетия из стран бассейна Средиземного моря ежегодно вывозятся культурные ценности на сумму в 7 млн. американских долларов. Интерпол с его штаб-квартирой в Сен-Клу близ Парижа только в 1971 г. наложил арест на 110 похищенных предметов, появившихся на рынке.

Культурные ценности второй из самых древних на земле развитых цивилизаций* вошли в моду и привлекли к себе пристальное внимание. Так, на продаже каменной головы амарнской принцессы XVIII династия; высота 21 сантиметр) японский торговец Мацуока получил прибыль в 30 000 фунтов стерлингов, а его соотечественник Майсуока скупил древностей на 50 000 фунтов. Аукцион состоялся ноября 1977 г. у Сотби.

* Одни ученые считают колыбелью древнейшей цивилизации Египет, другие — Шумер. — *Прим. ред.*

Опекунское отделение «Сенчури сити бэнк» в Лос-Анджелесе подняло большой шум вокруг продажи нескольких предметов из бывшего собрания Мансура¹⁵, которые предположительно относили ко времени Эхнатона и Нефертити (о подлинности этих памятников ученые спорят уже около тридцати лет). Но подлинные или фальшивые — вещи оценены семизначной цифрой. Дж. П. Фитцджеральд, помощник вице-президента «Сенчури сити», от имени лица, не пожелавшего назвать себя, предлагает к продаже голову Эхнатона высотой 12,5 сантиметра за 1 млн. долларов и фигурку принцессы размером всего в 10 сантиметров — за 3,5 млн.; это самые крупные суммы, которые когда-либо требовали за предметы египетского искусства¹⁶.

Непомерный рост числа подобных распродаж говорит о том, что столетия грабежа почти исчерпали «источники» новых поступлений древних памятников, на горькие размышления мафию наводит тот факт, что прежние страны-поставщики проявляют теперь большую сдержанность, и добывание нового товара становится делом, требующим изворотливости. Методы приобретения антиквариата носят беззастенчивый, а нередко преступный характер. Старый, испытанный метод заключался в том, что вещь поступала на рынок с вводящим в заблуждение легальным документом о ее приобретении. Авантюра приводила к блистательным результатам, если торговцам удавалось (зачастую не без сомнительных посулов) получить благоприятный отзыв на вещь у эксперта — ученого с именем. В настоящее время тип торговца произведениями древнего искусства, который прежде с воодушевлением играл роль честного посредника, вытесняется теми, кто распродает и оригиналы и подделки — главное, чтобы вещи были в моде.

Процесс купли-продажи на черном рынке подчиняется строгому распорядку. Всякое нарушение правил игры для клиента мафии может кончиться смертью. Примеры тому имеются. Покупатель должен тщательно обдумать каждый свой шаг, начиная от осведомителя и кончая продавцом, чтобы соблюсти законы «фирмы». Если он вызовет самое легкое недоверие осведомителя или связаться с главой банды не удастся, партнеры по торговле перестанут с ним знаться. Все важные сведения мгновенно распространяются в тесном кругу агентов и торговцев. Новичок, совершивший несколько ошибок, о которых он, возможно, и понятия не имеет, будет отстранен от всех дел на долгие годы. Ничего, кроме убытка, он не получит.

Скупщики из самых разных стран, приобретающие древнеегипетские вещи, владеют, конечно, приемами своего ремесла. Это люди всеведущие, у них «хорошая репутация», их платежеспособность бесспорна. Новичок может вступить в этот круг людей, ворочающих ценностями, лишь имея рекомендацию от поручителя, который

хорошо известен банде. Самый тугой бумажник или толстенная чековая книжка не откроют здесь ни одной двери. Превыше всего здесь вера и доверие — в том смысле, в каком их понимает мафия.

* * *

Одному египтологу, долгое время скупавшему для музея египетские древности, я обязан знанием самых интимных подробностей о тех кругах, куда простой смертный едва ли проникнет. Началось все так: мой знакомец нежданно-негаданно получил письменное сообщение о том, что один каирский делец объявляет о продаже предмета, представляющего особый интерес; в письме содержалось его краткое описание. Цена не указывалась.

Мой информатор дал понять посыльному, что хочет установить связь с продавцом. Ответ из Каира гласил, что такого-то числа встреча может быть организована. Однако для этого следует сообщить адрес отеля информатора. В назначенный срок мой знакомый вылетел в Каир, где ему вручили оставленное до востребования письмо. В письме сообщалось, что на следующий день в указанное время перед отелем его будет ждать некий господин. Он представится условным именем. То, что произошло затем, выглядит как приключение, которое могло бы послужить Конан Дойлу в качестве завязки дела для его Шерлока Холмса. Поэтому я просто приведу рассказ моего знакомого-египтолога.

«Когда в указанное время, т. е. в 22 часа 30 минут, я очутился у входа в отель, ко мне подошел хорошо одетый египтянин, назвал условное имя и пригласил меня следовать за ним на такую-то улицу к такому-то дому, чтоб сесть там в ожидавшую нас машину. В машине, кроме шофера, нас ждал еще какой-то человек, который не представился. После четверти часа езды по ночному Каиру мы остановились неподалеку от вокзала Баб-эль-Луг, где к нам подсел уже знакомый мне посыльный.

Мы тепло поздоровались, однако о том, что будет дальше, не проронили ни слова. Во время езды египтяне хранили молчание, только раз один из них протянул другому пачку сигарет.

С улицы, идущей вдоль Нила, мы свернули в темный боковой квартал. Здесь, в узком, безлюдном переулке, перед каким-то скудно освещенным притоном, закончилась наша поездка. Мы вышли вместе со знакомым посыльным и тем египтянином, что зашел за мной в отель, а шофер и сопровождающий остались в машине. Втроем вошли в очень тесное помещение, освещавшееся потрескивающей в патроне тусклой желтой лампой без абажура. Убранство комнаты состояло из двух-трех стульев, скамьи, темного, в пятнах зеркала и высокого прилавка, облицованного белой и голубой плиткой.

Гостей в заведении не было, только один молодой египтянин вытирал чашки за стойкой, да еще рослый человек в серой куртке поверх бледно-голубой галабеи* сидел на корточках около стола, положив на него короткую толстую дубинку. Проходя мимо, я заметил, что на верхний конец дубинки надет обод шарикоподшипника. Через дверь, находившуюся слева от прилавка и занавешенную чем-то вроде гардины, мы прошли в следующее, также тесное помещение. Занавеска на узкой двери позади нас не опустилась, и мне бросилось в глаза, что человек с палицей занял пост на скамье перед дверью.

Торговец сидел на диване, но при моем появлении быстро встал, одной рукой дружески приветствуя меня крепким рукопожатием, а другой застегивая среднюю пуговицу хорошо сшитого бежевого пиджака. Он пригласил сесть меня и своих сотрудников, вежливо справился о моей поездке и спросил, как обстоят дела у нас в Западной Германии. Цветистая египетская вежливость не помешала ему положить рядом на тумбочку револьвер. Начиналось вполне откровенное обсуждение покупки.

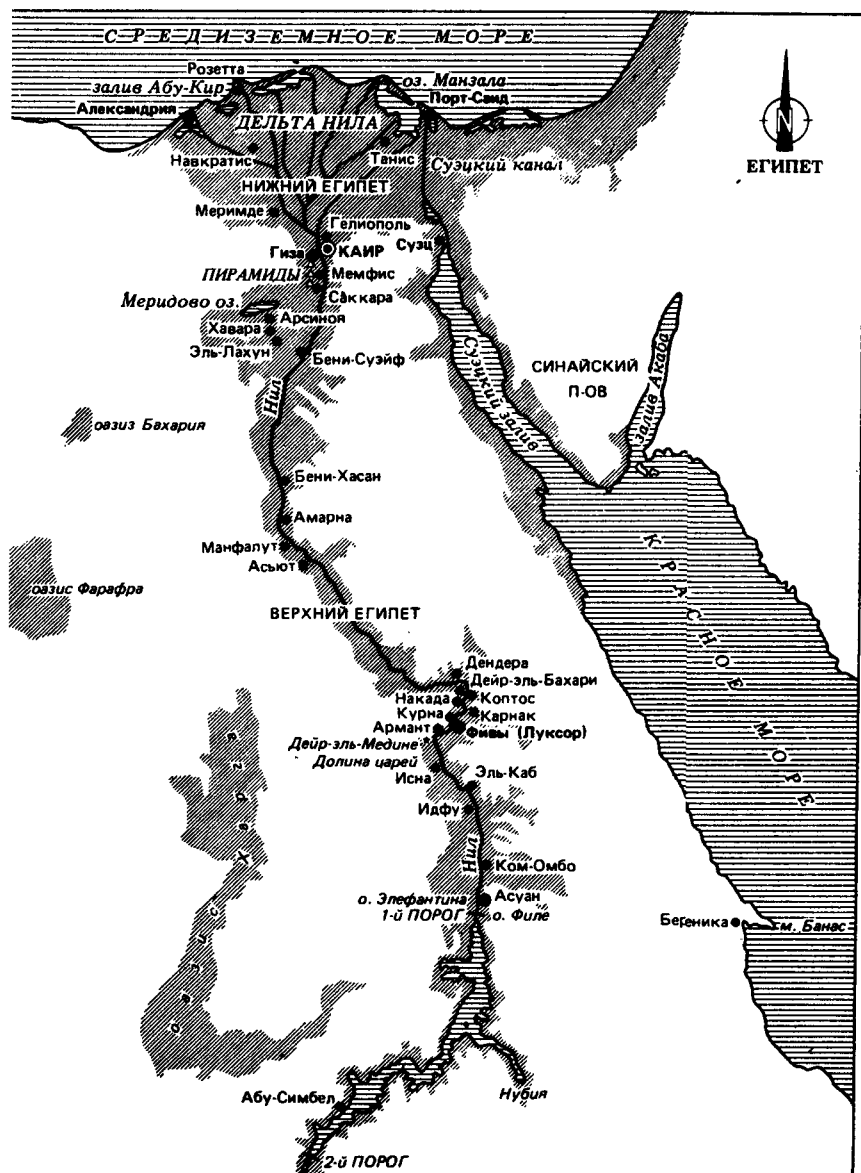
Мне предложили профессионально изготовленные фотографии предмета: вид спереди, вид сбоку. После того как я основательно изучил фотографии, меня спросили, интересует ли меня цена.

Я ответил вопросом на вопрос: нельзя ли подробнее поговорить о цене? Последовало ясное «нет», хотя продавец согласился взять на себя пересылку вещи, а также оплату стоимости таможенной декларации, в которую входила, разумеется, и сумма, предназначавшаяся для взятки надежному человеку в таможене. Расходы по доставке вещи в ФРГ также были взяты другой стороной на себя. Приобрести предложенный предмет было в высшей степени важно для моего заказчика, а его цена, при учете всех транспортных расходов, казалась вполне приемлемой. Поэтому, произведя необходимую экспертизу, я дал согласие на покупку. О процедуре оплаты не было сделано никаких записей. После обследования предмета данное мною устное согласие сочли достаточным.

Разговор длился полчаса. Мне обещали дать возможность осмотреть предмет на следующий день (в неизвестном мне месте) и в течение двух дней принять окончательное решение. Вместе со своими сопровождающими я вернулся в отель.

На следующий день около 12 часов посыльный на такси доставил меня на площадь Эль-Атаба. Среди запутанных переулков у рынка Хан-эль-Халили в мастерской гравировщика по серебру я

* Галабея — одежда крестьянина (феллаха), длинная (до лодыжек) рубаша из хлопчатобумажной ткани с широкими рукавами, без воротника и пояса. — *Прим. ред.*

имел предостаточно времени для проведения экспертизы означенного предмета. Окончательное свое согласие я сообщил посыльному. На заключительной стадии сделки торговец не появлялся.

Два месяца спустя мой заказчик получил в немецкой таможене посылку из Каира и официально оформленные бумаги. Таможенная декларация гласила: «Разрешенный к вывозу предмет египетского искусства». Эта запись позволила драгоценной вещи пересечь границу.

Оплата нового приобретения последовала лишь через полгода; о способе, каким она была осуществлена, я, разумеется, не могу распространяться».

Так изысканно торгуют в Египте наших дней.

3000-летняя культура. Сокровища в земле...

Нигде на нашей голубой планете нет такого места, где на площади в 1000 кв. километров земля скрывала бы столько ценностей, как в Египте. Нигде алчное желание людей овладеть тающимися кладами не проявлялось так коварно, беззащитно и расчетливо, как в этой стране с ее не прерывавшейся в течение 3000 лет преемственностью культур. Нигде самый кошунственный вид грабежа — гробокопательство — не сделался такой традицией, как в этой стране красных и коричневых почв, стране, которую греки называли *Aiguptos*, т. е. «Темной (страной)»¹. Если прибавить два тысячелетия новой эры, следы подлого стяжательства тянутся через 5000 лет истории человечества, истории культуры.

За период времени немногим большим столетия (около 2590—2470 гг. до н. э.) цари IV династии Снофру, Хеопс, Хефрен и Микерин воздвигли самые большие пирамиды Египта². Из двадцати миллионов тонн грубо обтесанного камня они сложили символы веры в вечность власти богов и их бессмертия. Но владыки потустороннего мира ввели в заблуждение сыновей Солнца³: уже самой ранней египетской истории известны осквернители гробниц, которые, не смущаясь соседством смерти, разрушали и разоряли погребальные камеры своих царей, даже уничтожали имена мертвых⁴. Ни грозящая земная кара, ни мифы о мести древних владык не могли вынудить злодеев оставить божественным мертвецам их сокровища... В конце концов фараоны⁵ вынуждены были капитулировать перед ними — к такому заключению пришли специалисты-египтологи.

Строители пирамид IV династии стали строить падающие

заслоны из каменных плит, ложные тоннели, маскировать вход в погребальную камеру. Но это лишь обостряло чутье осквернителя и вора, находившего, несмотря ни на что, доступ к мумиям, саркофагам и драгоценностям⁶.

С падением Древнего царства в конце VI династии (около 2157—2155 гг. до н. э.) наступило время смут*. После смерти Пиопи II страну охватил хаос. Пиопи II (которого называют иногда даже Пепи), по всей видимости, вступил на престол шестилетним ребенком и дожил примерно до 100 лет; время его правления, по мнению ученых, — 2255—2160 гг. до н. э. Потерял ли он, дряхлея, бразды правления — этого никто не знает; но, по-видимому, он держался на троне не так уверенно, чтобы отпугнуть жадных узурпаторов. Не поддерживаемое народом, сложное административное устройство приходило в упадок. В стране бродили разбойничьи шайки, чернь, для которой ничто более не было свято, бросилась на заупокойные храмы и усыпальницы.

Мастабы и погребальные камеры⁷ пирамид Древнего царства были разграблены вооруженными бандами и алчными одиночками. К началу Первого переходного периода (2250—2050 гг. до н. э.) пустовали почти все пирамиды, усыпальницы наследников престола и высоких сановников. Правда, добыча доставалась нелегко, но найти ее труда не составляло: огромные постройки указывали на местоположение манящих находок, кроме того, путь к ним знала стража.

После многих лет внутренних неурядиц основание около 2050 г. до н. э. Среднего царства привело к существенным изменениям. Около 200 лет Египет находился под владычеством Фив. Вскоре после воцарения фиванской династии царская резиденция была перенесена на север — в Иттауи (современный Лишт) — новый город, выстроенный близ древней столицы — Мемфиса, неподалеку от пирамид Древнего царства. Фараоны Среднего царства — Аменемхеты и Сенусерты — были могучими властителями. Они тоже строили пирамидальные усыпальницы, хотя и не использовали больше стотысячную армию строителей, как то делали цари эпохи Древнего царства. Для того чтобы иметь возможность осуществить свои честолюбивые строительные планы, они изобрели метод, упрощавший дело: стали использовать строения предшественников⁸. Так, пирамида Аменемхета I в Лиште (60 километров южнее Каира) выросла из материала гизехских пирамид. Гробокопатели были

* Согласно царскому списку Манефона, к эпохе Древнего царства относятся также правление так называемой VII династии — «семнадцати царей Мемфиса, которые правили 70 дней» Династию эту часто считают ложной или незаконной — *Прим. ред.*

начеку; этим временем датируются деревянные саркофаги, в которых связанные союзом с ворами ремесленники делали замаскированные отверстия. Неудивительно поэтому, что почти все пирамиды Среднего царства, начиная примерно с 1650 г. до н. э. вплоть до наступления периода Нового царства (около 1554 г. до н. э.), были опустошены⁹.

Новых властителей постоянно беспокоила мысль о том, как сделать собственные гробницы более надежными. В конце концов решили, что само расположение их должно служить защитой от ограбления: усыпальницы обожествленных царей стали высекать в скалах к западу от Фив, в уединенном, пустынном ущелье Бибан-эль-Молук*, которое нам известно как Долина царей¹⁰. На некотором, казавшемся достаточно безопасном расстоянии среди скал был сделан простой вход; сами же погребальные сооружения помещались глубоко в толще скал и уходили под землю. Над этими усыпальницами возносились вершины священных гор, подобные естественным пирамидам¹¹. Фараон Тутмос I (1508—1493 гг. до н. э.) первым из властителей Египта мудро отверг и пышное надгробие.

В Дейр-эль-Медине, на западном склоне Ливийских гор, возник небольшой город, где жили те, кто работал в некрополе — «месте красоты»¹²: подсобные рабочие, каменотесы, скульпторы и живописцы. Будучи привилегированной частью рабочего сословия, они строили на склонах, прилегающих к их городку, и собственные гробницы¹³.

XVIII династия (1552—1306 гг. до н. э.) насчитывает ряд имен великих фараонов, которым Фивы обязаны возведением необыкновенного количества культовых построек; среди них — храм Амона в Луксоре¹⁴ заупокойный храм Тутмоса III, ступенчатый храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари. С ними соперничали другие сооружения, находившиеся на левом берегу Нила, к западу от Фив. Лишенные роскошного внешнего убранства, они таили в темных подземельях невероятные сокровища.

Громадное, ослепительное богатство времен XVIII и начала XIX династий было получено в результате успешных войн и походов в близлежащие страны. Добыча и дань покоренных народов шли на сооружение непомерно пышных некрополей и храмов. Над этим работали тысячи ремесленников и ювелиров, чьи уелые руки создавали погребальные приношения. Все они знали о Граале**, находив-

* «Врата царей», или «Царский двор» (араб.)

** Грааль — в средневековых западноевропейских легендах — таинственная реликвия, иногда воспринимавшаяся как священный символ изобилия. Достижение Грааля считалось высшим проявлением рыцарской доблести. Автор употребляет здесь это слово явно в ироническом смысле. — Прим. ред.

шемся среди скал. Усердные чиновники были осторожны и молчаливы, но плоды их усилий оказывались ненадежными: слишком уж много богатств тайлось там, «внутри». Сведения о них передавались из поколения в поколение как эстафета. И лишь вопросом времени было то, когда гробокопатель начнет, вернее, продолжит свое дело.

Когда Аменхотеп IV (1365—1349 гг. до н. э.), царь-еретик¹⁵, перенес свою резиденцию из Фив в Амарну, для «стовратных Фив»¹⁶ настали черные времена: ограбление гробниц стало совершаться все чаще. Именно в этот период была вскрыта и разграблена гробница Тутмоса IV¹⁷ (1439—1403 гг. до н. э.), которую Хoremхeб (около 1332 г. до н. э.) приказал восстановить и пополнить. В гробнице Тутанхамона грабители побывали дважды уже вскоре после ее сооружения. С конца XIV в. до н. э. Египту удалось вернуть положение великой державы Ближнего Востока, но это могущество и величие было весьма недолговечным и непрочным. Маджаи (отряды наемников) не могли больше охранять некрополи. Чиновники, ведавшие «Городом мертвых», все более обнаруживали свое полное бессилие. Снабжение работников становилось нерегулярным. Обедневшие, полуголодные строители усыпальниц вспомнили о сокровищах в недрах гор, объединились с ворами и укрывателями краденного. Зловещая троица протрубила начало охоты. Никакая власть не могла помешать им проникнуть в усыпальницы царей и цариц или завладеть более легкой добычей в погребальных камерах вельмож и чиновников. То, что находилось здесь, оказывалось не столь ценным, но спросом тоже пользовалось.

Около 1070 г. до н. э., когда верховные жрецы правили «Государством бога»* Амона, произошла окончательная капитуляция перед грабителями. К этому времени относится история так называемых странствующих мумий. Чтобы спасти от преступников усопших владык, жрецы во тьме ночной перетаскивали их мумии из одного подземелья Долины царей в другое. С деревянной табличкой на худой, иссохшей шее, мумии — еще недавно «божества» — превратились в *displaced persons*** . Жрецы некрополя сделали то, чего не могли предвидеть: перепутали для нынешних археологов все датировки.

Уже по этому краткому очерку вполне можно убедиться в том, что разграбление усыпальниц имело место и в самые ранние времена. Что оно отнюдь не является «изобретением» наших дней.

* Под «Государством бога» Амона автор подразумевает владения фиванских жрецов Амона-Ра, власть которых распространялась на Юг Египта; в Нижнем же Египте в это время правила XXI, Танисская, династия. — *Прим. ред.*

** Букв. «перемещенные лица» (*англ.*).

Охота за древностями началась

Во время земляных работ у форта Сен-Жюльен, близ Розетты (небольшого портового города в 70 километрах восточнее Александрии), один из военных инженеров экспедиционного корпуса Наполеона обнаружил камень с примечательной надписью. Видимо, из-за его необычности неизвестные арабские строители не замуровали его в стены старого бастиона, хотя такой материал здесь большая редкость. Розеттский камень (рис. 7) представляет собой черную базальтовую плиту с текстом на греческом и египетском языках*, содержащим копию указа жрецов Мемфиса в честь Птолемея V Эпифана¹ (210—180 гг. до н. э.) от 196 гг. до н. э. Эту стелу можно считать самой драгоценной добычей почти трехлетнего египетского похода «корсиканца», хотя во Францию камень так и не попал. В любом труде по истории имя французского ученого Жана Франсуа Шампольона (1790—1832) стоит рядом со словами *Розеттский камень*. Но забыто имя офицера, который жарким летним днем 1799 г. нашел этот камень и сохранил для мира. Его имя должно занять достойное место в анналах истории: это был Пьер Франсуа Ксавье Бушар (1772—1832). Египтология обязана ему слишком многим**.

31 августа 1801 г. британский генерал Джон Хатчинсон передал на подпись командующему французскими силами вторжения акт о

* Надпись на древнеегипетском языке располагалась в верхней части стелы (иероглифическое письмо, 14 строк) и в среднем ее регистре (демотическое, т. е. «народное», письмо, 32 строки). — *Прим. ред.*

** О двух источниках приписывают находку Розеттского камня Додзулю, другие — Бушару, третьи — неизвестному солдату. — *Прим. ред.*

капитуляции. Египетская авантюра Великой нации окончилась, огромная армия французов была почти полностью истреблена, и лишь мелкие группы выбившихся из сил солдат плелись по направлению к Александрии. Наполеон, еще не знавший о том, что у него рак желудка, принял поражение с «достойным удивления самообладанием», как, впрочем, и муки, вызванные болезнью. Значительно легче было перенести отступление тем ученым и инженерам, которые три года вели здесь неутомимые исследования: вблизи от полей сражений, в шуме битвы, на испепеляющей жаре осматривали они сокровища искусства, собирая ценности, которые можно было увезти во Францию. Тем не менее они даже не допускали мысли о том, что плоды их усердия достанутся как дары Востока королю Георгу III. Они готовы были скорее «швырнуть в море» свои коллекции или же в качестве пленников сопровождать их в Англию...

Шляпы долой перед бригадным генералом Хатчинсоном! Он проявил понимание чувств французских ученых и дал разрешение отвезти коллекции во Францию. Хатчинсону пришлось по душе «странная» работа противника. Французские войска покидали берега Египта, увозя остатки своего имущества и реквизированные сокровища искусства.

Однако один ценный «сувенир» достался королю Георгу III. Это был найденный в Розетте камень, значение которого осознавали даже несведущие в науки военные. Французские солдаты спрятали его в своих александрийских казармах. Но прежде чем они смогли его тайком вывезти из страны, за дело взялся английский дипломат Уильям Ричард Гамильтон (1777—1859), потребовав у Хатчинсона отряд пехоты. Под горестные восклицания французских солдат британцы выволокли тяжелый камень из помещения. Франция вынуждена была довольствоваться гипсовой отливкой и черновыми оттисками рисуночных надписей, которые ученая комиссия изготовила еще во время военных действий. Предусмотрительные люди!

* * *

Расшифровка иероглифов представляла до той поры неразрешимую задачу даже для жителей Египта. Французские ученые перевели греческий текст Розеттской стелы, но все попытки истолковать египетские письма оказались безуспешными.

Томас Юнг (1773—1829) языки изучал ради собственного удовольствия. Он был физиком, и ему принадлежит объяснение природы колец Ньютона с помощью волновой теории света; он заложил основы цветовой теории зрения, на которой еще и теперь базируется телевидение. К тому, о чем сообщал Юнг, прислушивались в научном

мире. Лингвистические увлечения позволили ему расшифровать несколько иероглифов, среди них имя «Птолемей». Но затем он с горечью убедился, что не может проникнуть далее в царство непонятных письмен².

Там, где Юнг потерпел неудачу, преуспел Жан Франсуа Шампольон. Уже в возрасте одиннадцати лет он слыл лингвистическим гением, в совершенстве владел древними языками. Именно благодаря этой одаренности он получил титул патриарха той науки, которая теперь именуется египтологией. Этот вундеркинд, который в семнадцать лет стал членом Гренобльской академии, а в девятнадцать — профессором истории гренобльского университета, досконально изучил надписи Розеттского камня и других двуязычных текстов и в итоге нашел ключ к дешифровке древнеегипетской письменности. 27 сентября 1822 г. на заседании знаменитой Парижской академии надписей он сообщил о своем сенсационном открытии³.

Шампольон вызвал интерес к систематическому изучению египетской культуры. Отныне сообщения об исследованиях, которые велись в основанном Наполеоном Египетском институте, дали возможность Европе составить некоторое представление о таинственных сокровищах страны на берегах Нила. Жажда деятельности охватила ученых; они начали войну, своего рода *catch-as-catch-can**, за трофеи Мисра (арабское название Египта), в которую скоро включились и агенты европейских музеев. А нищие египтяне продолжали возделывать свои поля среди занесенных песками руин величественного прошлого. Однако вскоре они разбрелись во все стороны, как муравьи из потревоженного муравейника, подбирая все то, что лежало на поверхности, под несшиеся отовсюду крики конкурирующих покупателей: «У кого самый красивый фараон?»

Для Египта миновали благословенные времена, когда античные путешественники дивились огромным памятникам давно минувшего. Даже в эпоху Возрождения, в XV в., европейцы с их новым, практическим взглядом на мир не теряли рассудка, выколачивая прибыль из других стран, и не применяли варварских методов для того, чтобы утаить свою необузданную любознательность, интерес к древностям, какими пользовался, например, молодой халиф Абдаллах аль-Мамун, в 820 г. повелевший с помощью уксуса, огня и тарана пробить вход в пирамиду Хеопса⁴. Нет, путешественники времен Возрождения были более чем скромны, они увезли несколько статуэток, свитков папируса и совсем немного высохших человеческих останков для собраний диковинок церковных и светских владык. И больше ничего.

* Букв. «хватай его так, как сумеешь схватить» (англ.).

Даже король Франции Людовик XIV не давал еще сигнала к началу охоты. Когда он в 1672 г. посылал в Египет эрфуртского священника, отца Ванслеба, речь шла лишь о «нескольких изящных резных камнях работы лучших мастеров» для витрин Версаля, т. е. о безобидных мелочах.

* * *

«Под языком у многих бальзамированных тел находят листочек золота ценою немногим более двух венгерских золотых. Посему арабы, что обитают в Египте, все бальзамированные мертвые тела на части раздирают», — писал путешественник XVI в. Для шотландца Джеймса Брюса речь шла о большем, нежели листок золота! В июле 1768 г. после тщательных раскопок в уединенном ущелье Бибан-эль-Молук ему удалось расчистить вход в гробницу Рамсеса III. Шотландец исполнил это так умело, что потомки платят ему благодарностью: до сих пор склеп Рамсеса III называется попросту «гробница Брюса». Спасибо тем, кто достоин благодарности!

Лишь немногим позже Брюса за исследование египетских усыпальниц взялся итальянец Джованни Баттиста Бельцони (1778—1823). Легкомысленный, пышущий здоровьем отпрыск почтенного семейства, родом из Падуи, которому семья прочила карьеру священнослужителя, у себя в стране оказался замешанным в политическую интригу и бегство на Британские острова предпочел неуютной — хоть и родной — тюрьме. Двадцати пяти лет от роду, в самом расцвете сил он завоевал популярность у лондонцев, выступая в труппе «Сэдлерс-Уэллс» как рвущий цепи атлет. Бельцони демонстрировал свои мускулы на ярмарках всех европейских стран, а в самом начале XIX в. — даже в жарком Египте. Он был одним из самых известных, не знавших удержу авантюристов, которым прощается почти все. Если б мне был известен его почтовый адрес в потустороннем мире, я с удовольствием написал бы ему; иначе он никогда не узнает, какую роль сыграл на египетском аукционе. Мое письмо началось бы со слов: «*Le domando scusa Giovanni Battista*,* если на краткий миг я снова выведу тебя из тьмы на любимое тобой египетское солнце. Не удостоенный быть бальзамированным, отправился ты в мир иной, и я вижу, как своим громадным тюрбаном из персидского шелка ты рвешь и разгоняешь огромные гряды облаков. Храни тебя аллах!

Сам я профан в царстве физики и тем более удивляюсь твоему

* «Прошу прощения, Джованни Баттиста!» (итал.)

раннему интересу (тебе ведь было тогда лишь 17 весен) к «Учению о законах движения жидкости». Я хотел бы спросить тебя — раз точных сведений получить неоткуда, — действительно ли ты изучал устройство машин или нечто подобное. Был ли чистым обманом показ в 1815 г. хедиву Мухаммеду-Али⁵ водяного насоса, с помощью которого ты задумал сделаться его любимцем? Или ты действительно был убежден в том, что твой водяной насос вчетверо производительнее колеса с черпаками, какие используют феллахи? Или хедив оказался слишком недалководиден, чтобы понять твоё изобретение? В твоей истории, что известна нам, нет сведений об этом. А жаль! Я, например, в общем, верю тебе, хотя ты никогда своего не упустил!

Ты подарил англичанам — и весь остров благодарен тебе за это — многотонную гигантскую статую Рамсеса II из Луксора, ныне пребывающую в Британском музее. Одной перевозкой этой громадины ты заслужил вечную славу. Я вижу тебя среди твоих помощников, вижу, как ты работаешь за десятерых, чтобы увезти свою добычу. Ты услужил стране, гостем которой стал.

Ты знал их всех — этих героев прежних дней, и поэтому я завидую тебе. Ты добывал товар для скаредного британского генерального консула Генри Солта (1780—1827), пока не начал вести дело самостоятельно. Своего соперника, доверенного лица французского консула Бернардино Дроветти (1776—1852), ты постоянно водил за нос. Ты был бы рад узнать, что свои древности он с большим трудом продал королю Сардинии за 13 000 фунтов; тем не менее тебя опечалит, что твоего «коллег» егеря затравили где-то между Абу-Симбелом и Каиром и он самым жалким образом окончил свои дни в заведении для умалишенных.

Ты подарил потомкам гробницу Сети I. Всякий раз, когда в музее Джона Соуна в Лондоне я люблюсь его пустым алебастровым саркофагом, я вспоминаю о тебе с чувством благодарности. Мне не хотелось бы досадить тебе, но довожу до твоего сведения, что консул Генри Солт обманул тебя. Он получил от сэра Джона Соуна 2000 фунтов, продав ему саркофаг, а тебе не досталось ни пенни из этой суммы. Поверь мне, Генри Солт поступил не по-джентльменски.

Спасибо тебе за то, что ты в марте 1818 г. раскрыл тайну пирамиды Хефрена! Знаешь ли ты, что найденные в саркофаге Хефрена кости, которым ты не придал никакого значения, в том же году были вывезены в Англию? Майор Фитцкларенс переслал их личному врачу британского принца-регента. Не горюй! Сэр Эверед Хоум установил, что это был коленный сустав какого-то крупного рогатого животного⁶. Смейся, старый пройдоха! Ты по крайней мере эти кости ни в грош не ставил. А о том, что именно ты открыл обитель

Хеффена, и сегодня каждый турист может прочитать над входом в пирамиду. Это должно порадовать тебя.

Если когда-нибудь я окажусь в Западной Африке, то в древнем городе Гвато я справлюсь о могиле, в которую ты сошел 3 декабря 1823 г. Уже через 40 лет после твоей смерти, в 1863 г., британский исследователь Ричард Бартон не обнаружил и следа ее. Быть может, счастье улыбнется мне.

Ты был замечательным человеком: собрал в стенах Британского музея огромное количество египетских древностей. Ты был великий коллекционер перед господом⁷, ты распахнул врата Египта — и для науки тоже. Золотое время, наступившее после тебя, могло стать и твоим временем. Но аллах призвал тебя.

Шампольону было уже 33 года, когда твои мускулы обрели покой. После него начался тот великий цирк, который ты словно предсказал, выступая в лондонском «Египетском зале»^{*}.

Не могу простить тебе — если верить слухам, — что ты впал в грех, приказав выбить свое имя на троне Рамсеса II в Фивах. Если так, пусть аллах покарает тебя за это!»

* * *

Пляска вокруг золотого тельца началась!

«Мне очень не повезло, что я попал в Фивы сразу после Шампольона, поскольку там уже все скуплено!» Эту неутешительную весть о положении дел осенью 1829 г. дармштадский архитектор Фриц Макс Гессемер передал своему покровителю, дипломату и коллекционеру Георгу Августу Кестнеру (1777—1853), основавшему Немецкий археологический институт в Риме. «Я не нашел в Верхнем Египте ничего, кроме нескольких скарабеев⁸», — жаловался Геосемер в другом письме. Неудивительно, так как попал он туда во время бума, вызванного открытием Шампольона. Что же сделал повсюду превозносимый Шампольон?

Гессемер — Кестнеру: «Ученость Шампольона я всячески почитаю, однако должен сказать, что как человек он вызывает такой характер, какой может весьма сильно повредить ему в глазах людей! Найденная Бельцони гробница в Фивах была одной из лучших; по крайней мере она полностью сохранилась и нигде не была повреждена.

Теперь же, из-за Шампольона, лучшие вещи в ней уничтожены. Прекрасные, в натуральную величину росписи лежат, разбитые, на

^{*} Речь идет о выставке египетских древностей, которую открыл Бельцони в 1821 г. на Пикадилли. — *Прим. ред.*

земле. Чтобы вырезать одно изображение, решили пожертвовать двумя другими. Но разрезать камень оказалось невозможным, и все было испорчено.

Из-за тщеславного намерения перевезти эти удивительные работы в Париж они теперь навсегда уничтожены. Однако неудачного опыта оказалось недостаточно; тот, кто видел эту гробницу прежде, не может теперь узнать ее.

Я был до крайности возмущен, когда увидел такое святотатство».

Побуждаемый министерством иностранных дел генеральный консул Генри Солт начиная с 1816 г. применяет в деле приобретения памятников искусства как законные, так и незаконные средства. Английские агенты охотились за древностями, а заодно выслеживали французских и немецких агентов. В Лондоне в 1845 г. был снесен так называемый дом Монтегю; его заменило новое здание музея. Теперь нашлось куда складывать сокровища.

Обстоятельства создают не только воров, но и различного рода торговцев произведениями искусства. Жан-Жак Рифо (1786—1845), например, собирался совершить кратковременную поездку из Марселя на Нил, однако надолго задержался в стране, где сделки, подобно фокусам, давали возможность мгновенно обращать древние камни в чистое золото. Рифо, в жилах которого текла кровь рыцаря-разбойника, принялся за дело, снабжая как частные коллекции, так и королевские собрания древностей всем, чем угодно. Марселец с темным прошлым добывал и сбывал подлинный антиквариат, а также всякую хорошо сработанную вещь. Он был одним из тех, кто ставил силки в каирских джунглях. Тут проворные левантийцы из портовых городов восточного средиземноморья наступали на пятки флегматичным шведам, хитроумные французы безбожно надували состоятельных голландцев, внешне холодные, горячие по натуре англичане наперебой обыгрывали хватких немцев. Способ и манера действия менялись в зависимости от обстоятельств в этом сплетении наций. Египетские торговцы, обмениваясь хриплыми возгласами «сса'й-да!» («добрый день!»), тут же вытаскивали из глубоких карманов галабеи раздобытые ими древности. С веком торговли на берега Нила пришли тяжкие времена и грубые нравы, каких никогда прежде не знали. Те, кто внимательно следят за своей внешностью и демонстрируют принадлежность к кругу преуспевающих, не стыдясь, дружески пожимают грязные руки гробокопателей и курят с ними наргиле, чтобы в конце концов еще глубже затянуть в свои сети простодушных.

Джованни д'Атанази (1780—1857) был потомком армейских поставщиков из Армении. Верность семейным традициям быстро принесла ему процветание и большой торговый оборот. Ли Сотби в 1837 г. выставил на продажу на лондонском аукционе более 900 ве-

щей, добытых д'Атанаси. Египетские «трофеи» д'Атанаси извлекали из крепко сколоченных ящиков в Амстердаме и Стокгольме. А поставщик делал маникюр и тонким пером вписывал в тетрадочку круглые, радовавшие его душу суммы прибыли.

Элегантные, с изысканными манерами дипломаты смешивались с фалангой торговцев, глядя сквозь пальцы на то, чего не следовало видеть, но улавливая цепким взглядом выгодную сделку. Так, Джузеппе ди Ниццоли (ум. в 1828 г.), итальянский дипломат, служащий австрийского консульства в Каире, усердно пересылал множество приобретенных в Египте вещей в Венское императорское собрание монет и древностей, помещение которого едва смогло вместить плоды его «дипломатических успехов». Их разместили в доме Гарраха, что по Иоганнову переулку. *Tu felix Austria...** А вот Джузеппе Пассалакве (1797—1865), дипломату высокого класса, повезло меньше: задумав сбыть свою богатую коллекцию, он встретил некоторые затруднения. Он потребовал от французского правительства 400 000 франков. Не то чтобы государственная казна не располагала такой суммой, но благодаря приобретениям Шампольона Лувр был уже переполнен. Весьма разочарованный, Пассалакве встретил однажды путешествующего Александра фон Гумбольдта, который, бросив на сокровища взгляд знатока, принялся за дело. Используя свои связи при дворе прусского короля Фридриха Вильгельма IV, он раздобыл для совершенно удрученного Пассалаквы 100 000 франков. Чтобы смягчить для попавшегося на удочку дипломата удар — такое понижение цены, — его пригласили в Берлин на должность куратора музея.

«Наш хедив — человек, что вредить способен век!»

Если бы ученые XIX в. относились бы к невзгодам с юмором, они непременно выкрикивали бы этот стишок где-нибудь среди ночных каирских проулков. Но столь веселы были тогда лишь сами египтяне. Дела плохи? Инш'аллах! Так угодно аллаху! Завтра все может для нас обернуться к лучшему! Их не беспокоило, что страна теряет свои главные сокровища.

А чужестранцы? Разве на них не была возложена моральная обязанность сохранить египетскую культуру? Разве еще в 1356 г. султан Хасан не ограбил пирамиду Хеопса, используя полированные известняковые плиты ее покрытия при строительстве новой мечети? И не сам ли хедив приказал часть из них взять для строительства фабрики, производящей селитру? Разве не легли плиты гер-

* Счастливая Австрия... (лат.).

монтского храма Монт⁹ в стены сахарного завода? Феллахи из крепких досок саркофагов сооружали мостки через канавы на полях; кузнецы превращали в наковальни драгоценные капители колонн храмов. И неужели вице-королю Мухаммеду-Али не хватало каменоломен, откуда он мог бы взять материал для своих царских построек?

Разумеется, шейхи управленческого аппарата хедива получили повеление следить за экспортом древностей, но они были бессильны исполнить его. Мумии, например, рассматривались как трупы неверных, и поэтому их можно было вывозить за пределы страны. Согласно же введенному хедивом в 1835 г. шаткоу закону все, что было приобретено ранее, разрешалось экспортировать. В Александрии скопилось огромное количество египетских древностей, и странным образом они не убывали, хотя ежедневно корабли с грузами покидали порт. Бакшиш обращал людей в слепцов. А так как хедив не отказывал себе в удовольствии делать дипломатические подношения из фонда предметов древней культуры, все скоро стало на свои места. Бен акиба — все это уже было. Инц'аллах!

Во времена потрясений всегда являются мнимые апостолы. Это худшее из зол. Один из них, герцог Нортумберлендский, барон Алджернон Перси (1792—1865), протестовал против опустошения египетских некрополей... однако приобрел более 200 старинных вещей для своей родины. Французский консул в Александрии Жан Франсуа Мимо (1774—1837) не уступал своему английскому коллеге. Он самым резким образом осудил расхищение драгоценных памятников культуры, а у себя хранил 588 предметов древнего искусства!

Если достопочтенный Эмиль Присс д'Авенн ради приобретения нескольких памятников намеревался когда-то взорвать Карнакский храм с помощью порохового заряда, то теперь взрывали египетскую культуру и тлеющие фитили держали в руках искатели счастья, спекулянты от искусства и ученые, обуреваемые мыслью о прогрессе.

18 сентября 1842 г. Карл Рихард Лепсиус (1810—1884) прибыл в Александрию вместе с прусской научной экспедицией, Фридрих Вильгельм IV поддержал значительной суммой «путешествие к обломкам египетской и коптской¹⁰ культур». Лепсиус отмечает: «Мы путешествовали под мощным и во всех отношениях действенным покровительством вице-короля. Мы получили неограниченное право на любые раскопки там, где сочтем их желательными, и использовали их для того, чтобы приобрести некоторое количество интересных памятников для Королевского музея в Берлине».

Число «интересных памятников», добытых для этого музея в Египте, Нубии и на Синайском полуострове, оказалось не столь малым. Что произошло далее? В порыве щедрости вице-король шлет

все это собрание своему великому «коллеге» в Берлин как дар Востока. Когда в 1845 г. Лепсиус возвращался из Каира на родину, специально присланные из Берлина рабочие упаковали в крепко сложенные ящики 15 000 предметов. Предусмотрительность — закон для исследователей древности, а на прусских ремесленников можно было положиться.

«Ого, да тут что-то лежит», — сказал себе в 1899 г. английский собиратель бабочек, ковылявший с сачком и ботанизированной за каким-то мотыльком по берегу Нила близ нубийской Семны*. Странно, этого человека совершенно не интересовали древности, иначе он внимательно осмотрел бы занесенный песком предмет. Тем не менее он поставил в известность полицию, и ящик отправили в Каир. Что же обнаружили в нем? Верхнюю часть памятника победы фараона Сенусерта III! 54 года тому назад Лепсиус нашел его в древней крепости Семны и забыл забрать с собой. 54 года ящик пролежал в неизвестности на берегу Нила. Когда Адольф Эрман¹¹ (1854—1937), директор Египетского музея древностей в Берлине смог, к счастью, получить этот ящик, в Египте настали куда худшие времена.

*«Сколь ценен подарок!
Как все почитаемо в дружбе!»
Феокрит (около 270 г. до н. э.)*

Подарки, прибывающие с берегов Нила, всегда считались ценными. Но почитаемыми ли? Не знаю. В стране, где на бакшиш смотрели благосклонно, подарки никогда не были предметом обсуждения. Просвещенный Запад превратил Египет в арену деятельности заправил черного рынка, скромных воров сделал настоящими гангстерами. И все это в золотом XIX в.

«Мне больно смотреть на только что выкопанную черную мумию, брошенную у входа в какую-нибудь скальную гробницу, среди наполовину развороченных пелен и с перекрученной шеей. Сердце мое замерло. Я наглядно убедился, как шаги нашей современной цивилизации бесцеремонно потревожили покой мертвого тела, и все это ради того, чтобы раздобыть хотя бы голову мумии для какого-нибудь провинциального музея...» — писал некий Людвиг Мертенс, путешествовавший по стране пирамид с 30 января по 7 марта 1891 г.

Кто хотел получить египетские древности, должен был красть.

* Семна, расположенная у 2-го нильского порога, известна целым рядом археологических находок. Здесь располагалась египетская крепость, в мероитскую эпоху — поселение с некрополем. На территории Семны обнаружены развалины храмов Тутмоса III и эфиопского царя Тахарки. — *Прим. ред.*

Шейх-Абд-эль-Курна

Прямо против Луксора, на западном берегу Нила, между древним причалом парома в Маади и каналом Эль-Фадля расположена группа строений, фасады и сводчатые крыши которых напоминают скорее средиземноморские поселения, чем дворы египетских феллахов. Ряд домов с осыпавшейся штукатуркой окружает совершенно пустое пространство. Это остатки Новой Курны, тщеславный строительный проект которой возник еще в 30-е годы при короле Фуаде I (1922—1936) и стал осуществляться при сыне его, короле Фаруке. Строительством этой образцовой деревни на западном берегу занимался Хасан Фатхи, архитектор, доцент каирской Академии искусств.

Правители стремились к тому, чтобы скрыть от посторонних глаз социальные бедствия. По их мнению, путешественникам с киноаппаратами, всегда готовыми для съемки, не следует обращать внимание на причины этих бедствий, умаляющие славу Египта. В основе проекта строительства деревни лежала еще одна мысль: расколоть и рассеять адское сообщество, не оставляющее в покое некрополи фараонов; надо было положить конец воровской деятельности жителей Эль-Курны.

Для образцовой деревни Хасан Фатхи спроектировал две школы, спортивную площадку, ремесленную мастерскую. Несмотря на войны, смены правительств и революции, Фатхи осуществил часть своей программы, но закончено строительство Новой Курны так и не было. Переселение обитателей старого разбойничьего гнезда не удалось: план натолкнулся на сопротивление жителей Эль-Курны. Когда в плодородной нильской долине были возведены первые

постройки, они отказались в них жить. Старейшины деревни указывали на отсутствие стойл для волов и не могли представить себе, как на крышах нового поселения будут пастись козы и утки. В действительности же это были нелепые отговорки жуликов, которые увидели, что лишаются завещанного предками нелегального дохода. Жители Эль-Курны ни словом не обмолвились с господами из Каира, они инстинктивно поняли, что их гнездо собираются разорить. Современные здания — как они повлияют на устоявшийся быт, характер мужчин, на патриархальные привычки стариков, уходящие корнями в фараоновские времена; как скажутся нововведения на облике женщин с их очаровательным лукавством, на занятиях юрких и ловких парней, которые не только спят и видят клады, скрытые в земле, но и не прочь извлечь их оттуда. Нет, упрямые старожилы грязно-рыжих холмов над Нилом не соглашались и не согласятся, чтобы их выжили оттуда.

Сообщение, появившееся в западногерманском журнале «Шпигель» 18 апреля 1977 г., будто Анвар Садат снова обратился к этим планам, не нашло подтверждения в официальных кругах Каира. Луксорский адвокат и муниципальный деятель Абузеед сказал мне: «Осуществление этого предприятия просто невозможно!» Причина тому — упорство жителей Эль-Курны. Как любит свое покрытое илом поле уставший феллах, как никогда не захочет покинуть свой многонаселенный город каирец, так и обитатели Западных Фив держатся за свое разбойничье гнездо между Ком-эль-Самаком и Эль-Тарифом.

* * *

Гюстав Флобер (1821—1880), два года путешествовавший по Египту, сделал следующее замечание о Западных Фивах: «Сколько далеко может зайти отвращение к растительности, если люди селятся тут. Вся эта местность — сушая печь!» Здесь Флобер ошибся: теми, кто селились на склонах Ливийских гор, двигало нечто иное, нежели отвращение к плодородным землям, — «печь» была своего рода землей обетованной для темных личностей, занимавшихся торговлей египетскими древностями! Клан Расулов в этой «печи» уже с XIII в. до н. э. варит свою «похлебку». Здесь, в глинобитной башне Дра абуй-Негга царил эффенди Идрис, пока 24 ноября 1898 г. апоплексический удар не прервал его жизнь, целиком посвященную черному рынку. Воры и скупщики, укрыватели и фальсификаторы находятся вне досягаемости на западном фиванском берегу, где еще в XVIII в. в поисках выгодных сделок окопались и «пионеры» просвещенного Запада. Уволенный за растрату из афинского торгового дома, здесь,

в своей лавке древностей, хозяйничал грек Роза, и среди мумий и гробов из усыпальниц Дейр-эль-Медине перед его слезящимися глазами возникал в грезах родной Лемнос. Если бы стены глинобитных крепостей Эль-Курны могли поведать обо всех, кто здесь гостил, большая часть чистых страниц истории гробокопательства оказалась бы заполнена.

Когда в первой трети XIX в. европейские ученые бросились на штурм египетских древностей, фиванский некрополь сделался магазином самообслуживания, где поставками в ночи и уединении занимались жители Эль-Курны. Все было не так просто: из-за наследства происходили распри между семьями, их стравливала между собой безжалостная конкуренция, они дрались с одиночками, забредшими на их территорию. Все обманывали всех! Впивались в горло, если право разработки «новых залежей» казалось спорным. В погоне за выгодой каждый видел в соседе врага, но все стояли стеной, немой стеной, когда являлись блюстители закона. Предателя и шпика, согласно неписаному правилу воровского братства, клеймили на веки вечные; этот давний обычай мафии некрополя действует и по сей день. Вот что выяснилось, например, в апреле 1978 г. Один человек из Дра абу-ль-Негга целыми днями следил за голландской супружеской четой Таадмаспор, вероятно, чтобы вступить с ней в торговую сделку. Между тем в Луксоре голландцев арестовали. На человека из Дра абу-ль-Негга пало подозрение в предательстве. Через три дня на западной окраине Фив несчастный отец семейства был так избит неизвестными, что охромел навсегда.

«Кулумумкин» («все может быть») — как бы начертано над величественными скальными пирамидами Бибан-эль-Молука, Долины царей. «Кулумумкин, — говорят молодчики из Фив, — если ты покажешь мне свой бумажник». Все возможно!

Чиновников Службы древностей особенно беспокоит и возмущает, что обитатели этого селения построили над погребальными сооружениями свои дома-башни и стойла для скота. Погребальные же камеры они используют в качестве прохладных погребов, где благодаря подходящей температуре хорошо свертывается козье молоко и где удобно хранить кукурузу и лук. Кроме того, они представляют собой надежное место для занятия таинственным побочным промыслом. Ни рьяный блюститель закона, ни завистливый сосед не увидят, как там в совершенной безопасности из стены вырубают рельеф или роспись¹; люди буквально ступают в подземельях по сокровищам. Глава семейства распределяет между детьми и стариками посильную домашнюю работу. Пока дедушка в «погреб» работает как забойщик, старший сын у дома предлагает туристам, трясущим на осликах мимо, маленькие недорогие сувениры.

Несколько лет тому назад Ибрагим Джабер эль-Тахеф поставил

своего рода рекорд. Под домом своего деда он за короткий срок разорил три погребальных сооружения. Тот антиквариат, который нельзя было выгодно продать, Эль-Тахэф припасал как материал для изготовления изысканного «ассортимента» вещей, которые могли конкурировать с продукцией деревенских жителей западного берега Нила².

Лишь изредка представляется возможность заглянуть в эти овеянные легендами погребальные камеры. Такой шанс появился у меня осенью 1978 г. В Шейх-Абд-эль-Курне, поблизости от так называемого Немецкого дома, где расположен Немецкий археологический институт, мы вместе с телевизионной группой посетили погребальное сооружение около двадцати метров длиной. Оно находится во дворе одной из самых больших усадеб, и над его входом высится двухэтажный глинобитный дом. Предыдущие владельцы дома, по-видимому, уже основательно обчистили эти погребальные камеры. Два ряда мощных четырехгранных колонн, высеченных из цельного камня древними строителями, поддерживают потолок; у цоколей они местами отбиты, и добытые таким образом части их использованы кое-где в новых строениях. Входной портал украшен замечательными рельефами, покрытыми копотью от очага. Из прохладного склепа сделан склад овощей; в камере, где когда-то находился саркофаг, десяток овец роется в груде сухих кукурузных стеблей. Хозяин дома сказал нам, что чересчур жаркими летними днями сюда, вниз, забираются его бабка и дети. Тут они пережидают зной.

Пещерные гробницы некрополя служат не только кондиционерами, но и жилыми помещениями. Их владельцы избегают знакомить иностранцев со своими жилищными условиями. Я часто бывал в некрополе и много дней прожил в Эль-Курне, но только раз мне удалось посетить в Дра абу-ль-Негга жилую пещеру одной семьи (рис. 9). Из каждой ниши, из-за каждой колонны меня разглядывали члены этого большого семейства. Переносной телевизор — символ зажиточности клана и его относительно высоких жизненных потребностей — придавал гротескный оттенок этой камере, где прежде покоилась мумия времен ранних династий.

Чистейшая утопия предполагать, будто городское строительство, планируемое в Курне, приведет когда-нибудь к переменам. Мысль о том, что не все запланированное можно осуществить, кое-кого здесь наполняет даже торжеством. Ценности, которые агенты музеев, охотящиеся за сувенирами туристы и разноплеменные торговцы вывезли из страны, в значительной части были добыты заговорщиками западного берега — своего рода синдикатом, не терпящим постороннего вмешательства. Определенные территории по негласному соглашению стали собственностью отдельных кланов. Если

кто-либо без согласия главы клана вторгнется на его территорию, то вызовет большое недовольство. Чужака припугнут выстрелом в воздух, и он будет рад, что ему чудом удалось спасти свою жизнь. Одного чересчур любопытного непрошеного гостя негодяи заманили в глухую тишину подземелий и там либо замучили, либо оставили одного, так что тот после попыток найти спасительный выход впал в безумие и умер. Власть обитателей Эль-Курны велика. Лишь тот, кто сможет поладить с ними, достигнет своей цели.

Сэр Джон Гарднер Уилкинсон (1797—1875) как раз относился к тому типу людей, какой по душе жителям Эль-Курны. Английский археолог с пышными усами нравился им не только потому, что предлагал выгодную работу; еще больше их привлекало то, что человек такой утонченной культуры уважал их разбойничьи представления о чести. Именно поэтому, когда в апреле 1824 г. после раскопок в фиванских гробницах сэр Джон возвратился к своему баркасу на Ниле, его ожидал приятный сюрприз. Некий житель Эль-Курны с полной корзинкой за плечами явился на лодку и разложил перед англичанином более сотни восхитительных скарабеев, выточенных из зеленого стеатита³. На жуках-амулетах стояло имя и титулатура Тутмоса III, фараона XVIII династии. «Я желаю продать их только тебе, нашему английскому другу», — произнес этот человек и сообщил, что нашел скарабеев под мумией в одной из фиванских гробниц. Сэр Джон порывлся в этой энтомологической роскоши и купил горсть скарабеев за несколько фунтов стерлингов Его Величества короля Британии. И Уилкинсон, и его партнер прекрасно знали, что в Каире каждый из таких скарабеев можно законным путем продать за два с половиной английских фунта. Этот пример — свидетельство того, что разбойникам с западного берега Нила не чуждо великодушие, что и они способны за бесценно сбытый настоящий товар.

С помощью одного лишь «фирмана» — разрешения производить раскопки и скупать древности — агенты музеев или ученые не могли приобрести благосклонность жителей Западных Фив. С самого начала разбойники заметили, что более всего шансов получить фирман имеют подданные тех стран, которые умеют найти подход к правительству в Каире. Поэтому они предпочитали продать свои услуги тем, кто щедро платит. Если же представители любой, самой великой нации не устраивали их, они объявляли им бойкот, несмотря на угрозы чиновников из провинциального управления повысить штрафы. Они чувствовали, что чиновники так рьяно вступаются за некоторых иностранцев потому, что здесь, право же, не обошлось без звонкой монеты.

Взаимоотношения фиванских кланов и торговых кругов иногда приобретают оригинальные формы. Так, одна шайка предпочитает работать с французами, другая — с немцами, третья — с англича-

нами. Столь же тонкую разборчивость проявляют жители западного берега и тогда, когда ученые набирают подсобную рабочую силу. Чрезвычайно падкие на подобные заработки разбойники желают тем не менее выбрать себе по душе тех, кому они станут служить верой и правдой.

И сегодня старики из Эль-Курны приходят в восторг, рассказывая, как они работали у *«very strong and really good Doctor»**, высмеивая тем не менее каждый по-своему этого профессора, который, по их мнению, нехорошо обращался с ними. Обитатели Эль-Курны, годами таскавшие корзины с песком для одного берлинского археолога, неохотно вспоминают об этом времени: *«This professor is foxy! He does not like Egyptian people — only his work»***. Профессор Мухаммед Бакр из Университета Загазиг хорошо представляет себе следующую ситуацию: «Если ученый не ладит со своей подсобной бригадой египтян, он не должен удивляться тому, что гафиры*** и рабочие с удовольствием уведут у него из-под носа и прикарманят древние мелочи». Уже много лет я знаком с Маарбудом Нагди, главой гафиров западного берега. К сожалению, он один из тех сторожей, которым не хватает строгости; больше всего он любит шагать, подобно везиру⁴ фараона, по округе, грозя на всякий случай каждому двухметровым посохом. Однажды я привез для его отца мазь от ревматизма. Когда я захотел сделать снимки в гробнице № 12, принадлежавшей Сети II, Нагди раздобыл ключ от запертых ворот. Я получил возможность работать в гробнице без помех два часа. Как же легко могут добиться того же самого любезные посетители, которые предложат нечто большее, чем продающуюся без рецепта мазь за 4 марки 20 пфеннигов!

Кто сегодня — из азарта или ради темных торговых махинаций — пожелает начать охоту за древностями на западном, фиванском, берегу Нила, ему придется не так легко, как то было еще несколько лет тому назад. Это надо знать каждому новичку. Крупные разбойничьи налеты, подобные тем, что бывали в дикие времена прошлого столетия, теперь уже невозможны. Но и мелких услуг жителей Эль-Курны довольно, чтобы нанести ущерб Египту и науке.

Эль-Курна по-арабски означает «развалины». К обломкам мира фараонов присматриваются, чтобы осуществить план строительства Новой Курны. Но Новая Курна пока остается сном, сном кошмар-

* «Очень строгого, на самом деле доброго доктора» (англ.).

** «Этот профессор — хитрый лис! Он не египтян любит, а только их работу!» (англ.).

*** Гафиры — сторожа, охраняющие в Египте кладбища.

ным, таящим в себе угрозу. Западная часть Фив должна быть застроена отелями — так постановили осенью 1978 г.; зона отдыха должна возникнуть под сенью горного массива с его древним некрополем. Хватит ли сил у жителей Эль-Курны выстоять против концерна владельцев отелей с его «воскресной культурой» — я сомневаюсь в этом. Но «кулумумкин!» — «все может быть!». Именно в этом случае я желаю старым разбойничьим бандам всего наилучшего в деле защиты своих гнезд.

«Мы проезжали через деревню Курна. Когда мы приблизились к подземным жилищам, упрямые обитатели их трижды выстрелили в нас из огнестрельного оружия», — писал Доминик Виван Денон⁵ (1747—1825) в своей книге «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту». Много изменилось с тех пор, но неизменен инстинкт жителей Эль-Курны защищать свое разбойничье гнездо.

«Месье, привезите мне из Египта обелиск!»

Обелімохос — по-гречески означает «вертел»¹. Такое название более всего подходит для этих высоких и стройных четырехгранных колонн. Украшенные рельефами каменные обелиски (преимущественно из розового гранита) стали возводить в Египте начиная примерно с 2500 г. до н. э. как символы солнечного божества. Когда в 1500—1200 гг. до н. э. их начали строить в Карнаке и Луксоре, большей частью попарно, перед фасадами храмов, никому в голову не могла прийти мысль, что эти фиванские каменные «кегли» когда-нибудь станут увозить из страны — на память. Дело стало лишь за проблемой доставки. Но она была успешно решена с помощью могущественных разбойников по приказу муфтия*.

(*Muftis* — по-арабски «повелители».)

Не ассирийский ли царь Ашшурбанапал² (669—626 гг. до н. э.) положил начало собиранию обелисков? Известно, что два из них он приказал отправить в свою столицу Ниневию. Особое рвение проявили римляне. Император Феодосий Великий в 381 г. повелел доставить обелиски Тутмоса III на ипподром Константинополя — как раз к началу Второго вселенского собора. За полстолетия до этого один из его предшественников, Константин I, оставил тяжелые «сувениры» в песках близ Александрии. Оплата расходов по доставке их застряла где-то в глубинах римского бюрократического аппарата.

* Муфтий — духовное лицо на мусульманском Востоке, соответствующее епископу христианской церкви. Обычно главный судья, назначаемый правительством. — *Прим. ред.*

Несмотря на все препятствия, более дюжины языческих культовых символов попали в Вечный город. Рим располагает сегодня тринадцатью прекрасными обелисками. Самый большой из «вертелов», находившийся в *Circus Maximus**, рухнул в XVI в. со своего цоколя. Папа Сикст V, питавший слабость к языческим древностям, в 1587 г. приказал установить обелиски на площади Сан-Джованни, в Латеране. Самый маленький из «вертелов», всего 2 метра 65 сантиметров высотой, пребывает перед виллой Челимонтана.

На центральных площадях столиц Европы и Америки гордо красуются десятка два обелисков *made in Egypt*. Перед нью-йоркским Метрополитен-музеем возвышается обелиск под названием «Игла Клеопатры» — как отблеск далекого древнего мира в молодом городе. Этот монумент из Гелиополя, возраст которого 3500 лет, живой свидетель древней культуры, пересек Атлантический океан в 1880 г., для того чтобы быть изъеденным смогом.

В самом же Египте, где были созданы эти памятники, я знаю пять стоящих каменных колонн и незаконченный колосс более 1000 тонн весом, лежащий в древних каменоломнях Асуана.

Обелиски обладают всеми преимуществами и в то же время недостатками привлекательного товара: они необычны и число их ограничено. Подобный товар вызывает алчность. К счастью, эти каменные глыбы крепко сидели в земле, их нельзя было просто так, между прочим, забрать с собой, перевозки были тяжелы и дорогостоящи. Если бы не эти затруднения, в Египте сегодня вряд ли остался хоть один такой памятник.

Обратимся к наиболее известному обелиску на парижской площади Согласия, поднимающемуся в небо на высоту 29,5 метров (рис. 12). Славой он обязан не только своему эффектному виду. Приобретение этого обелиска связывали с именем Наполеона. Было ли это в действительности так? Наполеону ведь приписывают столь много неблагоприятных поступков. Нам хотелось бы освободить его от печальной славы, будто это он привез обелиск в качестве военной добычи.

Как обелиск попал на площадь Согласия? В 1801 г., после окончания египетской кампании, победителям и побежденным пришла в голову сумасбродная идея соорудить памятник в честь своих военных походов. Англичане желали прославить свои победоносные войска, французы же намеревались увековечить научные достижения экспедиционного корпуса. Какого рода аллегорическое чествование имели в виду англичане, осталось неизвестным... Как, впрочем, и вопрос о том, действительно ли Наполеон заинтересовался каким-то

* Большой цирк (лат.).

обелиском. Известно лишь, что новый французский король Людовик XVIII (1735—1824) дал указание своему атташе в Александрии поторговаться с хедивом и вице-королем Мухаммедом-Али относительно того, чтобы тот уступил один из обелисков. Это подтверждают документы, и, следовательно, Наполеон тут ни при чем.

Мухаммед-Али, искушенный торговец, девизом которого было «Бери и владей», был предан европейским интересам больше, чем сохранению сокровищ культуры собственной страны. В бурном порыве великодушия он немедленно пообещал французскому королю обелиск Тутмоса III из Александрии. Франция благосклонно расписалась в получении египетского дара, однако много утекло воды из Нила и Сены, прежде чем его доставили на место. Технические трудности перевозки и денежные затраты кружили головы, затрудняя принятие какого-либо решения.

Прошли годы. И вот на сцену явился барон Исидор Жюстен Северен Тейлор (1789—1879). Барон Тейлор, англичанин по происхождению, был французским писателем и графиком. Он решил вывести из тупика запутанные переговоры относительно перевозки обелиска. С этой целью он отправляется в Морское министерство, которое совершенно увязло в проблеме перевозки. Он справился о положении дел и настоял на принятии окончательного решения. С ловкостью дипломата он дал понять, что англичане проявляют необычайный интерес к подарку хедива. Моряки оживились и обещали немедленно обсудить этот вопрос.

Барон Тейлор пребывал в добром расположении духа и уже видел александрийский обелиск на борту корабля; но тут произошло нечто совершенно неожиданное.

Египтолог Жан Франсуа Шампольон поздней осенью 1829 г. возвращался из Египта, произведя весьма успешные исследования. В Каире он беседовал с хедивом и настоятельно указывал на то, сколь важно для обеих стран поставить в Париже достойный памятник наполеоновским войскам. Знаток египетского искусства, Шампольон сообщил морскому министру, сколь жалким кажется александрийский обелиск в сравнении с теми, что находятся в Фивах, и что Великая нация должна непременно получить экземпляр из Луксорского храма. Совет выдающегося человека произвел глубокое впечатление, планы изменились, и, еще не заручившись обещанием относительно луксорского обелиска, французы полагали, что Мухаммед-Али, несомненно, удовлетворит и новое пожелание.

Барон Тейлор, посланный с миссией в Египет, изучал один обелиск за другим. Обелиск как будто уже лежал на письменном столе нового короля Карла X, недавно занявшего трон брата. Он также придавал большое значение деятельности, развернувшейся вокруг обелиска, и распорядился отправить подношения хедиву,

чтобы барону Тейлору оказали хороший прием.

Когда Тейлор 23 мая 1830 г. прибыл в Египет, политический климат не был особенно благоприятным для французов. Мухаммед-Али недвусмысленно выражал благосклонность к англичанам, промышленные успехи которых импонировали ему. На аудиенции Тейлор проявил редкое самообладание, узнав о том, что два обелиска из Луксора недавно обещаны англичанам. Желая выйти из затруднения, Мухаммед-Али мгновенно пересмотрел свое решение и с истинно восточным великодушием обещал оба луксорских обелиска французам. Англичане же должны были удовлетвориться «Иглой Клеопатры». Шедевр из розового гранита, который прибыл в Лондон в 1878 г. и до сих пор стоит на набережной королевы Виктории, не был всего лишь наградой во утешение! От радости, что все три обелиска доставят удовольствие кому-то, хедив отдал французам и александрийский обелиск.

Поистине слишком много щедрости, перевозка же столь трудна! Барон Тейлор думал с беспокойством о том, что ни строящийся в порту Тулона корабль «Луксор», ни тот конвой, который снаряжался близ Александрии, не смогут доставить к французскому берегу три увесистых подарка. Тейлор поделился своими сомнениями с Шампольоном, который предложил сначала вывезти самый красивый из трех обелисков, а именно обелиск с западной стороны луксорского храма; если это смелое предприятие удастся, две другие «иглы» последуют за первой.

Министерство командировало в Египет морского инженера Жана Баттиста Аполлинера Леба (1797—1873). Он, по-видимому, был человеком больших способностей; хотя рост его вместе со шляпой составлял ровно полтора метра, при осуществлении этого предприятия он выказал себя воистину гигантом среди карликов — энергичным, смелым, решительным. Шутка Мухаммеда-Али на аудиенции, данной французскому генеральному консулу, где присутствовал и невысокий Леба: «Ну а где же ваш инженер?» — забылась довольно быстро, как и дерзкое утверждение одного луксорского великана-феллаха: «Мой самый короткий посох больше этого француза-мусье!» Скоро по Нилу прокатилось: «*Monsieur Lebas? Petit, mais extraordinaire!*»*

5 мая «Луксор» прибыл в Александрию. Мухаммед-Али обещал со своей стороны любую помощь в осуществлении грандиозной затеи в честь Франции и его собственной державы. Экспедиционный корпус, отправлявшийся в июне вверх по Нилу, он снабдил рекомендациями во все ведомства страны.

* «Господин Леба? Ростом мал, да удал!» (франц.).

Июнь выдался необычайно жарким даже для Египта. Нил был маловодным, поэтому, чтобы добраться до Каира, кораблям понадобилось десять дней. Леба был предупрежден о неблагоприятных обстоятельствах навигационным инспектором Крали-беем, считавшим перевозку неосуществимой; он же сообщил ему не без злорадства, что в обелиске имеется трещина — от основания и до трети длины. Однако оба известия не лишили мужества Леба; он отдал приказ продолжать плавание. В 68 километрах от Луксора, в городе Кена, Леба погрузил на борт пальмовые стволы, на которых намеревался везти обелиск.

Новость о конвое быстро распространилась вверх по Нилу. Когда корабли бросили якорь в Луксоре, на берегу уже толпились жители окрестных деревень, которые желали увидеть эту грандиозную затею, нарушившую монотонность течения их жизни.

В составе экипажа находился мастер-каменотес Мазаккви. С ним Леба и отправился в Луксорский храм. Обследование обелиска показало, что он действительно имеет трещину.

Всю трудность предприятия можно постичь, если иметь представление о том, как выглядел Луксор 1831 года. На территориях, примыкающих к Луксорскому храмовому комплексу, и на руинах самого храма Амона вырос невероятно грязный городок. Из-за многометровой толщи мусора невозможно было представить себе прекрасное храмовое сооружение в целом. Между величественными колоннами лепились жалкие глинобитные хижины; по улочкам, пересекавшим священную обитель, неспешно текла повседневная деревенская жизнь. Более тридцати домов и стоял для скота, окружая обелиски, стояли на пути транспорта — их нужно было снести. Город взял на себя эвакуацию «жителей храма»; стены домов падали под ударами кирок феллахов, нанятых Леба. В неподвижности летнего зноя плотники сооружали леса, землекопы освобождали цоколь обелиска. Леба невольно думал о временах, когда строили фараоны³. Это была тяжелая работа, но понемногу она продвигалась вперед.

Неожиданно разразилась катастрофа. В Нижнем Египте началась эпидемия холеры; смертоносная болезнь с быстротой призрака устремилась вверх по Нилу. Европейцы бежали из Луксора. Нанятых феллахов охватила паника, и они бросили работу. Средства больше не поступали из Каира.

В столь безысходном положении маленькому Леба удалось так воодушевить небольшую группу помощников, что эти немногие энтузиасты сами завершили дело. Ранним утром 23 октября 1832 г. обелиск, обвитый канатами, повис на лесах. Через полчаса он уже наклонился на 25 градусов. Три недели спустя монумент лежал на земле. Люди в изнеможении опустили на песок...

Три недели понадобилось Леба, чтобы — во славу Франции, на горе Египту — доставить его на борт «Луксора». 19 декабря его укрепили на палубе. Леба дождался разлива Нила, так как из-за чудовищного веса камня корабль едва возвышался над водой. Прошло целых восемь месяцев, прежде чем Нил стал достаточно полноводным. 25 августа 1832 г. мутно-зеленый поток уже нес «Луксор» к Средиземному морю. Три следующих месяца корабль простоял в гавани Александрии, и лишь 11 мая 1833 г. он направился в Тулон.

Окончание предприятия было для Леба сущим пустяком. Корабль, вызывая любопытство парижан, медленно проследовал вверх по Сене и пришвартовался близ площади Согласия. Каменное чудовище торжественно проследовало по улицам в специально сооруженном для этого экипаже.

24 октября стало для Леба великим днем. Подъемные машины закрипели под тяжестью лежавшего горизонтально каменного «вертела» весом в 230 тонн. 25 октября гигант из Луксора, созданный из светло-красного асуанского гранита около 1285 г. до н. э. Рамсесом II, величайшим строителем Египта, вознесся в голубое небо. 90 000 кубических метров песка было перемещено в Луксоре; два миллиона золотых франков стоила перевозка во Францию.

Затем настал самый знаменательный день. 350 артиллеристов выстроились на одной из самых прекрасных площадей Парижа, громовый залп салюта расколол небо. Звонко трубили горнисты. Королевская семья милостиво приняла участие в торжествах, посвященных открытию монумента. Париж ликовал!

Три года спустя Леба назначили директором Морского музея Лувра. Он умер в 1873 г.

История знает немало анекдотов, более или менее удачных. Среди таких исторических анекдотов, правда ничем не подтвержденных, есть сообщение о том, как супруга Наполеона I, Жозефина Богарне, при отъезде мужа в Египет попросила: «Месье, привезите мне из Египта обелиск. Только маленький!» Император не привез с собой маленького «вертела». Доподлинно неизвестно, вспоминал ли он вообще об этой просьбе. Зато известно о том, что злосчастная мысль об экспорте обелисков пришла в голову другому шовинисту — Жану Франсуа Шампольону⁴.

Да помилует аллах его душу.

С зарядом пороха в храме Хатхор

В 1839 г. на парижском аукционе продавалась коллекция собирателя и торговца Себастьяна Луи Сольние. Почти за двадцать лет до этого, в результате почти неправдоподобной аферы в руки Сольние попала одна драгоценная вещь. Наполеоновские войска не могли привезти ее в Париж после своего разбойничьего набега, поскольку она находилась в труднодоступном месте — святилище Осириса¹, расположенном на кровле храма Хатхор², в одном из наиболее хорошо сохранившихся культовых сооружений первых веков до н. э. Сольние слышал об этой драгоценности от генерала Луи Шарля Антуана Дезе, наполеоновского наместника Верхнего Египта. Все средства казались коллекционеру пригодными ради того, чтобы заполучить желаемый памятник.

Осенью 1820 г. он послал в храм Хатхор инженера Жана Баттиста Лелоррена, ожидавшего хорошей платы за свои приключения. В Александрии Лелоррен перевез на берег несколько килограммов пороха, незаметно разместив его в своем багаже. Полный кошелек придавал уверенность в случае любых неожиданностей.

Фигура, подобная Лелоррену, не осталась незамеченной в кругу определенного рода деятелей даже на ко всему привыкшем Востоке. Не напрасно британский консул Генри Солт заподозрил конкурента в энергичном французе, который намекнул сидевшим в засаде охотникам за древностями, что хотя и намерен предпринять поездку в Асуан, но не прочь при этом попытаться и в Фивах приобрести кое-какие древности.

Консул Солт не верил ни единому слову инженера: слишком печален был его опыт общения с французами, которые часто

уводили из-под носа хороший товар. Солт приказал своим ловчим следить за каждым шагом Лелоррена. Отважный инженер видел все, но поступал так, будто ничего не замечает.

На специально зафрахтованном судне Лелоррен прибыл в Кену, главный город провинции, а затем переправился на другую сторону Нила, где находился храм Хатхор. Здесь уже работали английские зарисовщики и архитекторы, выполнявшие топографическую съемку святилища. Они, разумеется, работали и на кровле храма, в святилище Осириса, на потолке которого находились два рельефа с изображением зодиакальных знаков Дендеры³ — великая приманка и конечная цель Лелоррена. По крайней мере один из этих рельефов.

При посещении храма инженер вел себя как восторженный профан, скользя, как и прочие туристы, почтительным взглядом по потолку. Полученных таким образом первых сведений было достаточно для вывода: его люди с помощью молотков и зубил много не достигнут; он с удовольствием вспомнил о своих тюках — тяжелый потолочный рельеф он освободит от креплений посредством взрыва. И Лелоррен распрощался с этими местами, с тем чтобы ехать в Фивы и лишь после отбытия англичан приступить к осуществлению задуманного плана.

В первых числах января 1821 г. Лелоррен со своей группой вернулся. Его по-княжески оплачиваемый драгоман* — скрытный и молчаливый настолько, насколько в этой стране может сделать человека немым только щедрый бакшиш, — нанял окрестных феллахов, которые получили хорошую плату и заманчивое обещание высокой премии в случае успеха. Инженер Лелоррен приступил к работе. Он приказал сверлить отверстия по краю кровли средней части святилища Осириса и набивать их порохом; к насыпанному пороху были подведены фитили, которые и запалили. Глухой взрыв был не настолько сильным, чтобы обрушить потолочную конструкцию. После того как клубы пыли рассеялись, рабочие с помощью специальных пил и зубил стали освобождать каменную карту неба от креплений, затратив на это две недели⁴.

Феллахи Лелоррена пытались перетаскать каменную плиту через груды песка, заполнившего внутреннее помещение храма. Потребовались неопишуемые усилия, чтобы неуклюжий груз, положенный на бревна руками измученных, опаленных солнцем людей, протаскать километр до Нила. Бревна трескали под тяжестью груза, его снова пришлось поднять жердями. Впрягшись в канаты, феллахи стали рывками тянуть рельеф к нильскому берегу. Казалось, все идет по плану... до тех пор, пока в храме неожиданно не появился мистер

* Переводчик на Востоке (араб.).

Лютер Бредиш. Непрошенный гость был послан американским правительством через Атлантический океан, чтобы наладить заморские торговые контакты. Посетив города Европы, он проехал через Константинополь, Сирию и Палестину, желая осмотреть достопримечательности Верхнего Египта и лишь тогда приняться в Каире за исполнение своих служебных обязанностей.

Таким образом, мистер Бредиш случайно стал свидетелем тяжкого преступления против культуры. Прибыв в Каир, он сообщил об этом английскому консулу Солту.

Консул Солт потребовал от Великого везира, чтобы тот немедленно пресек действия французов. Консулу удалось добиться соответствующего указа. Для того чтобы предотвратить увоз ценности, его агент в городе Кена — в соответствии с традиционным для Востока обычаем — подкупил капитана нанятого Лелорреном судна, чтобы тот отказался везти добычу.

Лелоррен, казалось, был на грани полного поражения. Т желая плита сползла по заболоченному склону берега, грозя погрузиться на илистое дно Нила. Однако в последний момент феллахам удалось закрепить плиту и поднять ее лебедкой на борт судна. При этом была пробита обшивка, и вода хлынула внутрь; корабль начал тонуть. С мыслью о бакшише в случае удачи люди из последних сил качали воду помпой. Им удалось откачать воду из трюма и починить обшивку судна. И вот паруса подняты, путь в Каир как будто открыт.

Однако подкупленный британским консулом капитан отказывается выполнять свои обязанности. Лелоррен понимает, что снять корабль с мели может лишь немалое количество пиастров. Очевидно, он показал себя более щедрым, нежели британец. Капитан соглашается идти под парусом в Каир.

Через несколько миль французов встречает идущий вверх по Нилу корабль под британским флагом. На обоих судах прогремел приветственный залп, и некоторое время они идут борт о борт. Агент Солта передает Лелоррену приказ Великого везира, запрещающий французам увозить из храма рельеф с изображением знаков зодиака. Лелоррен немедленно поднимает французский флаг. Британцы вынуждены принять это во внимание — иначе политический скандал неизбежен. Корабли продолжают путь: на одном — победитель Лелоррен со своей добычей, на другом — беснующийся, проигравший агент Солта. Новый протест Солта Великому везиру не дал ничего, кроме формального признания мнимых преимущественных прав англичан; но добычу французы так и не вернули. Без сомнения, вдохновителя этой акции наполняла гордость за разбойничий набег инженера Лелоррена.

Прошли годы. На аукционе 1839 г. в зале присутствует Себа-

стьян Луи Сольние. Печальный старик, страдающий заболеванием желудка, вынужден безучастно смотреть, как большую часть его ценных приобретений скупает Прусский музей. Но вот лицо его просветлело: король-буржуа Луи-Филипп повелел купить тяжелый каменный круг, знаки зодиака Дендеры, за 150 000 франков. С тех пор этот рельеф находится в Лувре. На потолке храма Осириса помещен гипсовый слепок.

В склепах священных Аписов

В 1850 г. был открыт мемфисский Серапеум¹ — подземные галереи с саркофагами, в которых покоились мумии священных быков Аписов² (рис. 13). Французский археолог Огюст Мариетт³ (1821—1881) сделал это открытие благодаря хитрости, коварству, дерзости и известной доле удачи. Молва об этой находке, подобно удару грома, докатилась до Берлина и сделала королевский двор беднее на 1500 прусских талеров. Именно эта сумма позволила молодому египтологу Генриху Бругшу (1827—1894) вести исследования в Египте⁴. Бережливый Фридрих-Вильгельм, король прусский, был уверен, что сделал достаточно для изучения Древнего Египта, финансируя 100000 талерами экспедицию египтолога Карла Рихарда Лепсиуса. С 1842 по 1846 г. Лепсиус изучал долину Нила и продвинулся далеко в глубь Судана; свои находки он отсылал в берлинский Египетский музей. Королю казалось, что собранных древностей уже вполне достаточно, но ажиотаж вокруг результатов французских раскопок возбудил дух соперничества; именно поэтому Бругш смог отправиться в Египет. Это произошло в 1852 г.

В начале января 1853 г. колесный пароход австрийской судоходной компании со страдавшим морской болезнью Бругшем на борту доплыл из Триеста в Александрию, преодолев бури Адриатики. Почти месяц пробыл ученый в этом портовом городе, спускался под своды подземной системы каналов водоснабжения и в кладке их нашел камни с надписями и изображениями доалександрийской эпохи. К этому времени здоровье Бругша поправилось настолько, что он смог предпринять поездку по Нилу до Каира.

Бругш остановился в отеле «Д'Ориент», находившемся в самом

аристократическом европейском пригороде Каира того времени — Исмаилии. Это был мир состоятельных путешественников и несколько странных людей, похожих на тот тип сдержанного нью-йоркца, одетого в прекрасный твидовый костюм, который «прибыл в Каир со всем необходимым, чтобы сдвинуть с места гизехские пирамиды и перевезти их в свою страну».

В отеле «Д'Ориент» все было чинно, но не всегда безопасно: так, например, в номере одного раненого австрийского офицера от свечи загорелась москитная сетка; теряя силы, получивший ожоги воин сумел достать из-под постели ящик с патронами и вытащить его из комнаты. Опасаясь, что ящик украдут, он постоянно бодрствовал над ним. Офицер больше не появлялся среди вечернего застольного общества, с членами которого преимущественно общался Бругш, ибо возбуждение и нервное напряжение вызвали кровоизлияние, которое свело его в могилу.

Бругшу стало не по себе от пребывания в этом благородном заведении, и он с удовольствием принял приглашение немецкого генерального консула барона фон Пенца. В доме консула Бругш впервые приобщился к тому, что составило затем цель всей его жизни, а также получил сведения об интригах восточной монархии и дипломатии.

Пенц, родом из Мекленбурга, грубоватый прусский кавалерийский офицер, принадлежал к числу тех, кого недолюбливали в кругу коварных льстецов-дипломатов, заискивавших перед правительством Каира. Он не пользовался расположением и у вице-короля Аббаса-паша, бессмысленное правление которого длилось с 1848 по 1854 г. Народ прозвал пашу Свирепым. Аббас чувствовал разгоравшуюся вокруг него ненависть и, страшая покушения, постоянно переезжал из дворца во дворец, с места на место, спасаясь от преследователей.

Впавший в немилость немецкий генеральный консул вряд ли мог рассчитывать на представление своего гостя паше. Последний делил свою благосклонность между Англией и Францией, а о Пруссии даже не помышлял; поэтому в аудиенции Бругшу было отказано. Но бравый артиллерист Пенц⁵ штурмовал и не такие крепости! Он выяснил, что Аббас находится во дворце Мекс близ Александрии. Придворный чиновник утверждал, что паши во дворце нет, но прусак, сохраняя полное спокойствие, отвечал, что он на неделю запаса провиантом и будет ждать до тех пор, пока высокочтимый господин не пожелает принять его. Аббас сдал позиции и вынужден был вспомнить о том, что должен дать аудиенцию какому-то ученому из Берлина. Она состоялась две недели спустя в гелиопольском дворце хедива. Эта аудиенция означала крах дипломатической карьеры барона фон Пенца. В то время когда Бругш свидетельствовал паше свое почтение, в зал вошел британский генеральный консул Меррей,

хорошо владевший турецким языком, которым Аббас имел обыкновение пользоваться на всех приемах. Аббас, игнорируя обоих пруссаков, заговорил по-турецки с британцем. Тогда Пенц вопреки этикету крикнул в лицо грозному властителю: «Я скажу вам, кто вы: потомок македонских табачных торговцев!» Рассыпая искры, летевшие из наргиле* на драгоценные ковры, Аббас в ярости покинул зал. Спустя несколько месяцев Пенц был отозван со своего поста.

Деятельность Бругша в стране его грез начиналась совсем не просто. Австриец, барон фон Хубер, который теперь опекал его, с недоверием относился к работе Огюста Мариетта в Саккара; он был убежден, что француз украсил себя чужими лаврами, утверждая, будто открыл Серапеум, ибо сам он, Хубер, четырьмя годами ранее купил у испанца Соломона Фернандеса такого сфинкса, каких Мариетт разыскал теперь во множестве. Действительно, Фернандес торговал в Каире древностями, которые еще до прибытия французского добывал неведомыми путями из некрополя Саккара; это он раздобыл знаменитого Писца из Аккroupи и за 120 франков продал его Мариетту. Барон фон Хубер сам владел значительным собранием древностей, которое завещал передать в коллекцию, находящуюся в замке Амбраз, близ Инсбрука.

В феврале 1853 г. Бругш познакомился с фанатически преданным археологии Мариеттом. Последний жил в бедном доме, который велел сложить из высушенных на солнце кирпичей древних стен Серапеума; над крышей на высокой мачте развевалось трехцветное знамя Франции. Обитатели Саккара снабжали этого отшельника (который с удовольствием принимал в своей пустынной обители самое пестрое общество) пропитанием и оказывали ему существенную помощь, выступая в роли рабочих и стражей.

Восьмимесячное пребывание Бругша в Египте оказалось весьма полезным его великому коллеге: молодой немец умел расшифровывать надписи на надгробных стелах, так как приобрел глубокие познания в демотике, древнеегипетском народном языке. Он мог уточнить результаты изысканий Мариетта, значительно углубить изучение культа Аписа, расшифровав соответствующие надписи⁶.

Перед Бругшем лежали сокровища, отвоеванные Мариеттом у недр Саккара в результате 30-месячной работы. В пещере, где прежде покоились мумифицированные ибисы**, была устроена временная столярная мастерская; там целыми днями сколачивали ящики, в которых ежемесячно отправлялись тщательно упакованные находки — морем на фрегате в Марсель, а оттуда в Лувр.

* Наргиле — курительный прибор. — *Прим. ред.*

** Ибисы (*Threskiornis aethiopica*) — считались в древнем Египте священными: после смерти их бальзамировали и помещали в гробницы. — *Прим. авт.*

В 1850 г. Коллеж де Франс направил Мариетта в Египет с заданием приобрести в Каире и Александрии коптские рукописи. Усилия Мариетта оказались тщетными ввиду непреклонности каирского патриарха коптской церкви, который вовсе не намерен был раздавать сокровища письменности, собранные в монастырских библиотеках.

Тогда Мариетт занялся поручением, которое ему дал до начала путешествия его соотечественник, египтолог Шарль Ленорман: изыскать возможности приобретения уже ранее найденных памятников древности. Так Мариетт сделался нужным своему отечеству, исполняя роль своеобразного охотника.

Во время тщательного осмотра Каира и Александрии он заметил, что у торговцев попадаются фигуры сфинксов, очень похожие друг на друга, а кроме того, на те, что стоят в садах перед загородными домами паши и богатых европейских *residents**. Выясняя происхождение этих человекоголовых сфинксов, он узнал от испанца Соломона Фернандеса, агента барона фон Хубера, что все они, видимо, добыты в некрополе Саккара⁷.

Получив окончательный отказ коптских церковных властей и переслав во Францию один-единственный свиток, Мариетт больше не мог быть полезен Коллеж де Франс. Тогда он решил использовать оставшиеся в его распоряжении небольшие денежные средства, чтобы на свой страх и риск, без фирмана, начать раскопки в Саккара. В октябре он с несколькими мулами, везшими самое необходимое, добрался до Саккара. Ему было ясно, что предприятие, начатое без благословения вице-короля Аббаса, может иметь нежелательные последствия. Тем не менее одержимый Мариетт поставил палатку и начал измерения участка, где находились захоронения. Вскоре он набрел на каменного сфинкса, наполовину выступавшего из дюны. Мариетт откопал его и сразу увидел, что он похож на тех сфинксов, которые попадались у торговцев. Ему вспомнилась фраза греческого географа Страбона (65 г. до н. э. — 26 г. н. э.), путешествовавшего по Египту: «...Ветер наметает песчаные дюны, у подножия которых мы заметили сфинксов». И он подумал: возможно, этот — из той аллеи, которая ведет к легендарному Серапеуму. С этой захватывающей мыслью Мариетт приступил к раскопкам, наняв 30 феллахов. Почти год с восхода до заката работали феллахи, их жены и дети, пока не наступил счастливый день 12 ноября 1851 г., когда Мариетт наткнулся на огромный склеп Серапеума. Разумеется, Огюст Мариетт отнюдь не свободен от обвинения в расхищении египетских памятников, и его методы исследований не отличались

* Иностранцы, постоянно проживающие в данной стране (англ.).

особой тщательностью. Несмотря на это, он был первым настоящим охранителем древностей.

В тот самый день, когда 134 сфинкса, освобожденных от песка, выстроились вдоль церемониальной дороги к святилищу Аписа, начались всякие ухищрения. Семь статуй царя III династии Сехемхета были спрятаны, а все предметы из южной мастабы — отдельного низкого погребального сооружения — перенесены в дом Мариетта, равно как и великолепное изваяние Аписа из северной мастабы.

У обочины мощеной дороги, ведущей к развалинам храма Аписа, были найдены два лежащих известняковых льва, на которых оказалось высечено имя фараона Нектанеба I (380—363 гг. до н. э.), не говоря уже о сотнях других находок. Неудивительно, что весть об успешных раскопках быстро распространилась по стране среди коллекционеров и завистливых торговцев и долетела даже до Европы; в Берлине это, между прочим, заставило короля отпереть свою шкапу, чтобы оплатить путешествие Бругша. Вместе с точными сведениями появилась и «утка»: Мариетт нашел якобы золотые статуи! Речь шла всего лишь о бронзе, однако это не помешало возникновению сенсационных слухов о безмерном богатстве француза.

Аббас потребовал, чтобы раскопки были немедленно приостановлены. Мариетт поднял на ноги французского генерального консула Арно Лемуана, который на радостях от добрых вестей из Саккара раздобыл в Академии новые денежные средства для своего совершенно издержавшегося соотечественника. Лемуан предстал перед Аббасом, рассеял слух о том, будто найдено золото, и испросил лицензию. Вице-король повелел составить ее, введя тем не менее в текст оговорку, что все дальнейшие находки будут поступать в собственность его правительства. Лемуан был обеспокоен этим, но Мариетт не дал запугать себя. Он стал действовать более решительно, чтобы помешать хедиву сделать из древностей Саккара особый вид политических подношений для визитеров со всех концов света.

Не без задней мысли Мариетт скоро послал в Каир 30 каменных плит с надписями, которые Аббас с удовольствием принял. Злые языки говорят, будто три года спустя, в 1854 г., турецкий хранитель так называемой коллекции цитадели⁸ приказал тщательно отшлифовать их; потерявшие таким образом историческое значение, эти камни, очевидно, более удовлетворяли его вкусам.

Наряду с подобными любезностями Мариетт не терял ни минуты, чтобы припасти что-нибудь и для своей страны. Если появлялись чиновники паши, он проводил их по некрополю, давая подробные пояснения и обращая их внимание то на ведущую к гробнице шахту, то на молельню в египетском или коринфском стиле. Чиновники не

имели представления о значении археологических достижений, они хотели только разузнать о ценностях, которые могли быть увезены и о которых твердил весь мир. Но ничего примечательного им не бросилось в глаза.

При первых признаках опасности Мариетт распорядился темной ночью опустить все ящики, предназначенные к отправке, в глубокую шахту, к которой вел потайной ход. Некоторые находки Аббас великодушно считал принадлежащими Великой нации; разрешение на их вывоз создавало великолепное прикрытие: вместе с ними тайно отправлялись самые лучшие вещи.

Завистливые торговцы сообщили вице-королю о происходящем. Мариетт мастерски отразил все атаки, вместе с верными феллахами отбив даже попытку ввести на его территорию военные подразделения. Фрегаты, регулярно посылаемые французским правительством, ни разу не покинули Александрию без ценного груза.

В конце концов Аббас прислал верного, поседевшего на службе чиновника, который представился Мариетту как «господин майор» и доверительно пояснил, что не желает мешать проведению работ, а лишь станет следить, дабы памятники культуры отправляли хедиву.

Создалась сложная ситуация. В пещере лежат готовые к отправке ящики; Мариетт намеревается как можно скорее переслать их во Францию. Зная склад ума людей Востока (нет столь важной вещи, ради которой стоит спешить!), Мариетт оказывает пожилому «господину майору» все подобающие почести: курит вместе с ним наргиле, не скупясь потчует турецкой анисовой водкой, болтает с мудиром на местном языке, говорит ему много приятного и лестного. Генрих Бругш рассказывает о самой важной части разговора:

— Господин майор, вы славный человек, и я питаю к вам величайшее доверие; я рад свести знакомство с вами. Да пошлет вам бог здоровья и да продлит он ваши дни! Я должен доверительно сообщить вам, что вчера нашел большое количество золота.

— Где же оно? Где оно? Давайте его скорее сюда!

— Соболаговолите выслушать меня до конца; найденное золото я спрятал в колодце.

— В каком колодце? Мне необходимо видеть золото!

— Я к вашим услугам. Спуститесь туда и сами убедитесь во всем.

— Ради бога, я готов, я просто обязан это сделать.

— Но подумайте о своем возрасте. Мне ведь придется приказать двум моим работникам спустить вас на канате на глубину 30 локтей.

— Да будет так — и немедленно.

— Как вам угодно. Люди, за дело!

И старика, сидевшего в петле каната, феллахи спускают в глубокую шахту; после того как он достиг дна, помощники Мариетта поднимают канат наверх. Затуманенные вином глаза «майора»

привыкли к темноте, и наверху слышали его ужасные проклятия. В корзине опустили все необходимое для поддержания жизни, бутылку водки и шерстяное одеяло, чтобы избавить несчастного от каких-либо неудобств. Ему пришлось пробыть в темнице весь день — время достаточное, чтобы навьючить ящики на верблюдов, которые быстро двинутся в сторону Нила, где будет стоять под парами корабль с французским флагом.

Старый турок, выпивший водки больше, чем надо, позволил поднять себя из колодца лишь после долгих уговоров. Мариетт возместил ему убытки щедрым бакшишем, отсчитанным франками. Старик оказался незлопамятным, остался в Саккара и больше не слышал, как заколачивают ящики, не видел, что вообще происходит вокруг.

Мариетт знал, что когда-нибудь ему придется проститься с Египтом. С помощью всевозможных уловок он оттягивал свой отъезд. Тем временем во Франции благодаря его усилиям была собрана огромная коллекция превосходных памятников, относящихся к различным эпохам египетской истории. Но Аббас I все более ограничивал деятельность Мариетта, и 24 сентября 1854 г. один из крупнейших французских археологов поднялся на борт корабля, взявшего курс на Марсель. В следующем году два мамлюка-телохранителя⁹ задушили Аббаса I в его дворце на Ниле у Бенха. Преемником Аббаса сделался Саид-паша. Огюст Мариетт мог вернуться в свой любимый Египет. Он стал основателем первого египетского национального музея, а в 1858 г. — директором созданной незадолго до того Службы древностей; в 1879 г. ему был пожалован титул паши.

В 1852—1853 гг. усердный археолог отослал из Саккара во Францию 44 ящика с 5984 находками. Наряду с громоздкими вещами, среди которых, например, шесть сфинксов и два льва Нектанеба I, Лувр получил множество так называемых мелких предметов. Среди них прежде всего драгоценные украшения принца Хемуаса. Мариетт сделал Египет беднее, но собрал воедино ценные памятники. Кто знает, куда бы они делись, если бы торговцы, укрыватели краденого и прочие негодяи из Саккара растащили все это. Мариетт же служил истории человечества.

Охотники из клана Абд эр-Расула

В своих воспоминаниях Агата Кристи утверждает, что в раскрытии преступлений случай играет преобладающую роль, и не только в ее романах; в жизни она не раз наблюдала, как даже самые искусственные криминалисты благодарны были господину случаю. Если бы не случай, то клан Абд эр-Расула едва ли удалось бы вытащить из тьмы подземелий на свет божий. В свои тонкие, поначалу едва заметные нити случай вплел пути состоятельного американца, некоего мистера Бейтона, который однажды отдал приказ поднять парус нанятого им баркаса (так называемой дахабии) и в начале 1881 г. ступил на землю Луксора.

Мистер Бейтон затерялся бы в толпе туристов, если б прежде всего не распорядился навести точные справки о каком-нибудь серьезном коллекционере. Поэтому сразу по приезде он отправился на тенистый задний двор луксорского базара и разыскал там связного, знавшего укрывателя краденого, который имел сведения об одной хорошей коллекции незаконно добытых вещей. Тогда и условились о встрече.

Поздно ночью среди предлагаемых к продаже вещей Бейтон обнаружил прекрасно сохранившийся папирус, редкостная красота которого так очаровала его, что без возражений и не торгуясь, вопреки принятому на Востоке обычаю, он приобрел его за весьма высокую цену. Американец спрятал этот папирус в своем чемодане среди белья, пересек границу, избежав столкновения с таможей, и направил его на экспертизу в Европу. Оказалось, что это редкий папирус. Покинув Египет, Бейтон с готовностью сообщил обстоятельства совершения незаконной сделки. Но как раз тут случай и принялся плести свою сеть...

Сообщение Бейтона попало на письменный стол французского археолога Гастона Масперо¹, который с 1881 по 1886 г. был генеральным директором государственной египетской Службы древностей в Каире². Масперо впервые издал собрание древнейших изречений религиозного содержания, так называемых Текстов пирамид³. Необычное приобретение Бейтона взволновало Масперо не только потому, что одна из ценностей миновала его каирский дом, но и потому, что из текста папируса стало ясно, что он связан с погребальным инвентарем властителей XXI династии (1070 — 945 гг. до н. э.), т. е. с гробницами, до сих пор остававшимися науке неизвестными.

Эта находка была своего рода сигналом тревоги, поскольку между 1876 и 1879 годами на египетском и европейском рынках стали появляться предметы неизвестного происхождения, а папирусы продавались даже в Суэце. Сообщение Бейтона давало Масперо надежду на то, что можно будет добраться до таинственного источника этих важных для научного исследования находок, которые незаконная торговля развезла бы на все четыре стороны.

Открыл ли неизвестный еще похититель папирусов гробницу одного царя либо он опустошает одну за другой ряд гробниц? Масперо подозревал, что эти памятники происходят из одного некрополя, поскольку они относились к заупокойным приношениям, связанным с именами различных царей. Не доверяя продажной восточной полиции, Масперо начал действовать на свой страх и риск: в кругу ближайших сотрудников он разработал план поистине детективной операции. Масперо послал в Луксор, снабдив достаточным количеством денег, своего ассистента, молодого кандидата археологии, актерский талант которого произвел на него сильное впечатление: может быть, тому удастся связаться с торговцами Верхнего Египта. Одаренный лицедей превосходно сыграл свою роль и вскоре в качестве готового платить «месье Мусташа»* был представлен некоему человеку, с удовольствием говорившему о своем доходном промысле. Первая оплаченная французом покупка вызвала толки у торговцев, имевших лицензию: понравилась щедрость иностранца и его очевидная деловитость. Укрыватели и торговцы слетались к подсадной утке, которая никогда не упускала случая заметить между прочим, что была бы весьма заинтересована в еще больших закупках.

В один прекрасный вечер некий усердный доброхот дернул француза за полу пиджака и отвел на какой-то тускло освещенный единственным фонарем задний двор. Там араб показал ему «антику» — небольшую статуэтку. «Месье Мусташ» отказался купить ее под тем

* «Господин Усач» (франц.).

предлогом, что ему слишком часто предлагали подделки. Торговец немедленно дал согласие показать статуэтку в таком месте, «где можно говорить о деле в полной безопасности». Пройдя сотню шагов, они оказались в жилище араба, где, усевшись на потертый диван, стали обследовать эту вещь «с полной уверенностью, что им не помешают».

«Месье Мусташ» увидел сразу: в его руках древняя скульптура, возраст которой — примерно 3000 лет. Актер разыгрывал невозмутимость, поняв из надписи, что этот памятник связан с погребальным инвентарем времен XXI династии; у него даже хватило духу изобразить безразличие и решительно отказаться от приобретения этой вещи. Араб призвал на помощь свое восточное красноречие и был рад, когда смог наконец продать находку, дав месье клятвенное обещание раздобыть еще более крупные и дорогие предметы.

Но месье хотелось увидеть эти прекрасные вещи немедленно! Торговец, почуя большое вознаграждение, договаривается с лодочником, чтобы тот за хороший бакшиш перевез их в своем неуклюжем челноке на другой берег Нила. Вскоре они приблизились к одной из жилых башен на склоне Шейх-Абд-эль-Курны. После короткого стука и гортанных возгласов араба дверь, висевшая на кожаных петлях, со скрипом отворилась, и показался высокий, цветущего возраста человек в белом тюрбане. Последовал краткий разговор (бесспорно, содержавший приказ тайно следить за месье), и Мухаммед Абд эр-Расул пригласил поздних гостей в то «орлиное гнездо», где он обитал вместе с братьями Ахмедом и Солиманом. Сам Мухаммед, глава обширного и влиятельного клана, был одной из наиболее значительных фигур среди жителей западной части Фив.

«Месье Мусташ», сразу разглядевший в Мухаммеде коварную бестию, пустил в ход все средства, чтобы расположить к себе недоверчивого хозяина: древности — его единственная страсть, ради которой он готов пожертвовать всем состоянием. Но Мухаммед был не той породы, что скороспелые дельцы с другого берега Нила. Прошло немало времени, прежде чем он положил на стол несколько вещей, заметив при этом, что и завтра они успеют не торопясь совершить сделку. Месье согласился; он чувствовал, что настойчивая поспешность могла бы увести его от цели. Они встретятся снова послезавтра, и тогда он, Мухаммед, сможет показать нечто большее.

Глава клана сдержал слово, не подозревая, что «месье Мусташ» тем временем ставит западню для лучших охотников Шаак-эль-Таблия и Хатасу. Мухаммед хвастал ценностями, обнаружение которых для него самого и его братьев имело роковые последствия. Месье был немногословен и лишь разглядывал воровскую добычу, поняв тут же, что перед ним находки, относящиеся ко времени XX и XXI династий, и что он очутился в доме тех, на след которых до сих

пор не удавалось напасть. Удача и хитрость позволили выйти на него.

На следующий день все трое братьев Расулов были арестованы и в цепях доставлены к паше Кены, главного города провинции. Обманутые Расулы восприняли обвинение с деланным хладнокровием, внутренне содрогаясь от гнева на этого сукина сына иностранца и от страха, поскольку знали, какими методами Дауд-паша имеет обыкновение вести следствие. Страшнее ужасных розог был леденящий взгляд сурового (как его называли в народе) правителя области⁴.

Поскольку о братьях из Эль-Курны шла молва как о честных людях, судья признал их невиновными. Приехавшие односельчане убедили пашу не верить наговорам случайного иностранца, чья отвратительная ложь могла бы повредить всей деревне. Хорошо зная соотечественников, Дауд-паша понимал, что обвинение, выдвинутое «месье Мусташем», никогда не будет признано по доброй воле; поэтому он учинил допрос с пристрастием: Мухаммеда, Ахмеда и Солимана швырнули наземь, били и руками, и ногами. Судья приказал надеть на бритые головы обвиняемых раскаленные горшки, а к затылкам прижать горячие крышки. Но упрямые братья, вопя от боли, отрицали свою вину.

С помощью пыток вырвать у братьев признания не удалось, и паша вынужден был по долгу службы освободить их за недостаточностью улик.

«Месье Мусташ» считал свои утверждения доказуемыми и настоятельно просил судью убедиться в верности его сообщения с помощью обычного обыска. Но паша отказался сделать это и лишь усмехнулся: «Погодите!»

Ассистент Масперо сообщил своему начальству в Каире об успехе, который теперь был поставлен под сомнение. За первой телеграммой последовала вторая, в которой он более подробно излагал суть дела и просил прислать кого-нибудь из сотрудников для дальнейшего расследования, поскольку сам был нездоров. Эта телеграмма пришла в Каир в то время, когда Гастона Масперо там не оказалось.

Четыре недели спустя после суда, в конце мая, Мухаммед Абд эр-Расул признался во всем паше. Между братьями возник раздор. Перенесенные муки вызвали у Ахмеда тяжелый телесный недуг, поэтому он требовал у братьев в качестве возмещения большую часть припасенного добра. Мухаммед и Солиман, получившие такую же порцию розог, сочли такое требование несправедливым. Ахмед вверг разбойничью династию в состояние разброда, о чем скоро узнали в деревне; слухи о том дополнили даже до Луксора. Ловкий Мухаммед намеревался собственным признанием предупредить неизбежный донос. Паша обещал ему полную безнаказанность и сдержал слово;

он предвидел такое развитие событий и сообщил обо всем лежавшему больным в своем отеле в Луксоре «месье Мусташу». Тот, несмотря на сильную лихорадку, пережил настоящий триумф, который вскоре, однако, был вновь омрачен.

Геттингенский археолог Генрих Бругш пользовался в Египте большим почетом: хедив произвел его в беи, а позже — в паши. В то время, когда он жил в Каире, по его стопам шел брат Эмиль, занимавшийся консервацией и фотографированием древностей. Бругш-младший — как его называли — был странным человеком. Его презирал Масперо; но в отсутствие последнего Эмиль Бругш как самый старший сотрудник музея имел право принимать определенные решения. Получив вторую телеграмму из Луксора, он сам отправился в путь и в конце июня встретился с молодым коллегой, перенесшим за последние недели тяжелую нервную горячку.

Вооруженный точными сведениями, Бругш-младший отправился в резиденцию мудира и настоял на том, чтобы ему незамедлительно показали таинственное место, где были сделаны находки. 5 июля 1881 г. Эмиль Бругш вместе с Мухаммедом Расулом взобрался на скалы, высившиеся между Долиной царей и Дейр-эль-Бахари. С этого дня он навсегда остался в анналах археологии. Томимый зноем летнего египетского дня, стоял Бругш перед входом в таинственный мир, на протяжении 3000 лет скрытый от любопытных взоров. Мухаммед отодвинул обломки скалы, преграждавшие вход, швырнул куда-то вниз длинный канат и подал ему знак следовать за ним. Бругш повис на веревке среди крошечной тьмы. Опустившись на дно шахты, он зажег факел и стал пробираться по коридору, в котором тут же увидел три больших саркофага; судя по надписи, в одном из них находилась мумия Сети I (1304—1290 гг. до н. э.), царя XIX династии, воздвигшего храмы в Фивах и Абидосе. Рядом с саркофагом лежали драгоценные погребальные приношения, сосуды с внутренностями⁵, вазы, ящики со статуэтками — все небрежно было свалено в кучу.

Чадный факел осветил вход в настоящую погребальную камеру — помещение огромного размера. Здесь мумии громоздились между взломанными и запечатанными саркофагами, бронзовыми жертвенными сосудами и разбитыми шкатулками для париков⁶. Кругом стояли ящики с законсервированным мясом и фруктами, канопы — высокие сосуды с крышками в форме голов четырех сыновей бога Гора⁷; в углу находился балдахин⁸ царицы Исис-ем-хебт, а на одном из гробов рядом с останками газели лежала набальзамированная голова тельца.

Бругш приступил к предварительному осмотру. Среди многочисленных саркофагов и погребального инвентаря менее известных властителей он нашел мумию Яхмоса (1552—1527 гг. до н. э.), осно-

вателя Нового царства. Когда Бругш обнаружил тела Тутмоса III и Рамсеса II (1290—1224 гг. до н. э.), он был настолько потрясен, что несколько минут в полном изнеможении просидел на земле как замороженный, вглядываясь в этот давно ушедший мир при последних отблесках тлеющего факела.

Несколько дней спустя Бругш посетил Дауд-пашу, чтобы получить разрешение немедленно обеспечить сохранность посмертных останков — сорока мумий царей и цариц, принцев, принцесс и жрецов. Полиция взяла под охрану место находки. На следующий день должна была начаться работа по спасению. Для этого паша предоставил 300 феллахов, которые уже на другое утро собрались на западном берегу Нила. Полиция оцепила местность и удалила посторонних.

Перенос каждого саркофага оказался трудным делом: необходимо было 16 человек, чтобы вытащить такую тяжесть на свет божий. Каждую вещь регистрировали тут же, у входа в подземелье, прежде чем присоединить ее к длинному ряду находок, сложенных у подножия холма.

Лишь при свете дня стало ясно, каким открытием обогатилась наука, в то же время было очевидно, сколь преступно обращались воры со всеми этими бесценными находками. Мумия великого Тутмоса III была ограблена самым варварским образом: его тело разрезали на три части⁹.

Феллахи принесли в лагерь саркофаг с мумией Аменхотепа I; его тело с головы до ног украшали гилянды голубых, желтых и красных цветов; в чашечке одного из них застыла оса, несмотря на прошедшие 3000 лет полностью сохранившаяся и не утратившая своей окраски. В деревянном, инкрустированном слоновой костью ларце лежала мумифицированная печень царицы Хатшепсут¹⁰, которая правила с 1490 по 1468 г. до н. э. Рядом с Мааткара, царицей XXI династии, был найден гроб ее дочери Монтемхат, умершей при рождении. Украшения с мумии фараона XX династии Рамсеса IV (1186—1070 гг. до н. э.) были украдены еще в древности. Останки царя сложили на деревянный стол, а затем снова перенесли в тайник. Усыпальница царицы Меритамун, жены Аменхотепа II; также оказалась ограбленной давным-давно, и тем не менее ее мумия сохранилась в полном царском убранстве.

В течение двух дней наследство властителей древнего Египта было вынесено из скальной гробницы в Дейр-эль-Бахари и упаковано в циновки, разложено по ящикам и корзинам для отправки в Луксор. Вереница тяжело нагруженных людей, на этот раз несших законную добычу, доставила ее на суда, которые 11 июля причалили к берегу против Луксора. 14 июля туда прибыл из Каира направленный правительством корабль «Эль-Меншиех», который принял

на борт груз чрезвычайной ценности и тут же поднял якорь. Под хриплые гудки сирены и звон корабельного колокола началось траурное плавание давно умерших владык. Необозримые толпы феллахов по обоим берегам Нила отдавали последние почести своим великим царственным предкам. Бесчисленное множество женщин выкрикивало сагарит (пронзительный возглас, выражающий горе); из почтения к умершим, согласно древнему обычаю, они распускали волосы, царапали лоб и грудь и посыпали их пылью. Мужчины стреляли из старинных ружей, дети били в бубны. Когда же «Эль-Менших» причалил к каирской пристани, все превратилось в заурядную церемонию принятия «товара», который должен был быть оценен чиновником налогового ведомства. Но он не имел возможности просмотреть представленные Бругшем перечни, а по упрощенной методе в декларации обозначил мумии как... сушеную рыбу!

В новом Булакском музее¹¹, находившемся в бывшем здании главного почтамта, умершие фараоны, в разное время оскверненные прикосновением недостойных, были пронумерованы и выставлены как сенсационные экспонаты, к которым теперь мог приблизиться каждый. Цари лежали в витринах без покровов. Во время разлива Нила вода проникла в старое здание и намыла штукатурку со стен в помещения выставки. Мумии оказались среди пронизывающей сырости. Переезд в новый музей, расположенный в здании дворца в Гизе, был совершенно необходим; но и это не означало еще конца их путешествия. Только в 1902 г. «странники» обрели покой в купольном здании каирского Египетского музея на улице Мариетта, поблизости от площади Освобождения — эт-Тахрир, — центра современного Каира. В зале № 52, куда были помещены мумии фараонов, лежат в ничем не украшенных деревянных ящиках удивительные экспонаты для туристов, сгибающихся над покрытыми пятнами витринами, чтобы разглядеть их искусственные, стеклянные глаза. Радужные полосы от средств для мытья окон тянутся по прозрачным крышкам гробов.

Бругш-младший сделал мир богаче, показав ему мощь и величие прошлого, но, пожалуй, большей славы-то был достоин безвестный ассистент Гастона Масперо, умный «месье Мусташ».

* * *

Однако вернемся к клану Расулов. Если бы не их алчность, царственные мертвецы и по сей день, возможно, лежали бы нетронутыми в своих усыпальницах.

Судебный процесс над братьями происходил в то время, когда

Бругш-младший находился в Луксоре; председательское место занимал Дауд-паша.

Каким образом клан Расулов сделал свое открытие? Мухаммед, Ахмед и Солиман Абд эр-Расулы были страстными охотниками; в сгущающихся сумерках они выслеживали шакалов — таинственных обитателей некрополя. Как-то летним вечером 1871 г. Ахмед обнаружил на одном из утесов Шаак-эль-Таблия какую-то шахту, возбудившую его любопытство. Он сдвинул в сторону обломки скалы и бросил в шахту камень, который глухо ударился обо что-то; тогда он спустился по канату на глубину примерно 12 метров и достиг дна узкого лаза. Вокруг вилась известковая пыль. Из нагрудного кармана галабеи он достал спички, при свете которых обнаружил другой лаз. Вспышка нескольких спичек дала Ахмеду возможность понять, в чем дело. Инстинкт грабителя подсказал ему, что перед ним неведомый клад, который стоит того, чтобы заняться им.

Ахмед посвятил в дело братьев. Было решено открыть секрет лишь самому узкому кругу людей из клана, тем, кто более всех достоин доверия, и они поклялись именем аллаха никогда не разглашать эти тайные сведения и доставать сокровища Шаак-эль-Таблия тогда только, когда семье будут нужны деньги. Неожиданное обогащение было бы замечено людьми Ком-эль-Самака или Эль-Тарифа, и тогда Расулов вынудили бы поделиться. Десять лет хранил клан Абд эр-Расулов свою тайну. Все это время источник ценностей оставался скрытым, и лишь наводящий на всех ужас Дауд-паша заставил нарушить клятву, которая объединяла банду. Он дал Мухаммеду 500 фунтов стерлингов еще до судебного разбирательства и обещал полную безнаказанность, если только тот изложит все обстоятельства дела. И хозяин выложил.

В течение десяти лет братья ограничивались похищением мелких предметов, которые они через разные промежутки времени поставляли на рынок через надежных торговцев и укрывателей. Несколько вещей попали в Европу и в 1884 г. появились среди товаров парижских торговцев произведениями искусства. Многие затерялись в частных собраниях. Самым хитроумным помощником Расулов был скончавшийся в 1887 г. в Луксоре Мустафа Ага Айят, агент консульств России, Бельгии и Британии. Прикрываясь почетной дипломатической службой, он отправлял в Европу из своего жилища, располагавшегося среди руин Луксора, наиболее ценные древности. Он всегда готов был услужить своим многочисленным гостям, особенно если господа искали надежные пути вывоза незаконно приобретенных вещей. Агу Айята допросили во время процесса Расулов. И хотя все знали, что он сбывает на рынок поставляемое Расулами, его спасала дипломатическая должность и респектабельный внешний вид. Весьма словоохотливый Мухаммед Расул клялся, что передавал

этому «ястребу среди ворон» только незначительные вещи для подарков приезжающим гостям. Дауд-паша заметил Агу Айята; ему то, равно как и чиновникам в Каире и Луксоре, было известно, сколь сомнительная личность этот на вид почтенный человек; но улики отсутствовали, и Ага Айят ушел целый и невредимый.

Вот уже более восьми лет я дружен с внуками Мухаммеда Расула — Али и Йемни Абд эр-Расулами (рис. 15—17). Они тепло вспоминают своего деда, достигшего преклонного возраста, скончавшегося в 1926 г. в Эль-Курне. Они сообщили мне, что богатую усыпальницу в Шаак-эль-Таблия их семья обнаружила до 1871 г. Четырнадцать лет хранили братья эту тайну.

Египтолог Георг Эберс¹² (1837—1898), знавший Мухаммеда, писал: «...Прежний вор, как мы с радостью узнали, сделался толковым полицейским!» Мухаммед в конце концов стал охранником некрополя Западных Фив. Сумел ли он преодолеть соблазны, которыми изобиловали древние охотничьи угодья?

Виктор Лоре (1859—1946), ученик Гастона Масперо, в 1898 г. открыл в Долине царей гробницу Аменхотепа II¹³. Вместе с мумией этого фараона, лежавшей в его подлинном саркофаге, Лоре нашел во внутренних покоех погребального сооружения девять других мумий, среди которых были останки Тутмоса IV¹⁴. По указанию Лоре гроб с мумией Аменхотепа оставили на прежнем месте, тогда как другие саркофаги перевезли в Каир. Усыпальницу Аменхотепа закрыли тяжелой железной решеткой с громадными висячими замками и приставили двух стражников для охраны.

Спустя каких-нибудь три года, ранним утром 24 ноября 1901 г., оба стражника примчались в Луксор, чтобы поднять с постели главного инспектора. Эту должность в то время занимал молодой англичанин Говард Картер (1874—1939) — двумя десятилетиями позже он приобрел мировую известность, открыв гробницу Тутанхамона. Один из стражников рассказал ему, что прошлой ночью он и его люди подверглись нападению вооруженных бандитов, которые связали их и ограбили усыпальницу Аменхотепа. Картер поспешил на место происшествия.

Мумия фараона лежала рядом с саркофагом, она не пострадала (рис. 14). Картеру тут же стало ясно, что «делом» занимались специалисты: пелены на мумии они разрезали в совершенно определенных местах, где ожидали найти амулеты и украшения. Не было никаких признаков того, нашли ли действительно воры эти ювелирные изделия. Примечательно, что замки казались нетронутыми. Только при тщательном осмотре удалось установить, что они были взломаны, но затем снова тщательно закрыты. И тут мастерская работа!

Говард Картер не сомневался, что стражников подкупили, дабы иметь возможность работать в полной безопасности. Подозрение

пало на братьев Расулов из Шейх-Абд-эль-Курны, которые были способны на любое коварство. Глинобитную крепость братьев поставили вверх дном, обшарили все закоулки, но не нашли ничего. Картер даже приказал сохранить следы ног в гробнице, но на Мухаммеда Расула не произвело никакого впечатления даже то, что два таких отпечатка соответствовали размеру его обуви. Он отмалчивался, ведь след ноги — еще не доказательство его участия в деле. Старый лис посмеивался: «Ради аллаха, господин инспектор! Вы найдете у наших сотню таких же ног, как у меня!» Поистине дед моего друга Али Абд эр-Расула был великий кладоискатель, человек незаурядный. Мой друг Али обосновался теперь в отеле «Марсам», охристого цвета здании напротив отделения Службы древностей в Эль-Курне. Нахлынувшим сюда туристам он демонстрирует себя уже как беззубую диковину. Я никогда не мог избавиться от чар этого представительного старика. Вероятно, в нем привлекает отчасти и мрачная слава его клана. Таков загадочный Восток.

Али Абд эр-Расул — король западного берега

Изнывая от зноя, туристы швыряют куда попало свою поклажу и сами бросаются на лежа, расставленные среди этого романтического убогого, запущенного двора. Солиман, старый как мир нубиец, повар первой и единственной здесь гостиницы, поднимается при виде чужеземных захватчиков, вторгшихся в отель. Великолепная переводчица с высшим знаком отличия гида — свистком, лента которого натерла ей шею, — скрывается в доме, чтобы из кладовых заведения к столу было подано все, что только возможно в местных условиях. Пиво и кока-кола, утоляющие жажду напитки, необходимые в жаркое время тропического дня, доставляются с восточной поспешностью. Лохматый пес, такой же старый, как и его хозяин, не обращая внимания на переполох, дремлет под тощим кустом жасмина. Ежедневно в этот час наполняется людьми двор отеля «Марсам» — единственного караван-сарая Курны (рис. 18), расположенного неподалеку от заупокойного храма Мернептаха, царя XIX династии¹. Тогда под аркой входа появляется, неспешно шагая, и хозяин дома — Али Абд эр-Расул, внук Мухаммеда Абд эр-Расула, сын Хасана Абд эр-Расула, — король западного берега.

Шейх — что в данном случае по-арабски точнее всего означает «старик» или «старец», — шейх Али Расул бросает выразительный взгляд на своих гостей и под негромкие возгласы «Oho! Aha! Welcome!»* шествует (он не ходит!) по узким проходам между столами, как исполненный достоинства метрдотель. Семидесятилет-

* «О, добро пожаловать!» (англ.).

ний гигант с живыми глазами, неожиданно вспыхивающими из-под низко опущенных век, высматривает пробки на покрытых клеенкой столах и собирает их в глубокие карманы своей не слишком свежей галабеи. Он и не думает сдерживать кашель старого курильщика, который столько лет мучает его; он кашляет, если необходимо. Физиономия властелина пещер непроницаема. Кто умеет читать по лицу, почувствует в складках его смуглой, дубленой кожи отблеск приключений охотника из Долины царей, увидит в коварных карих глазах настоятельную просьбу к гостям: «Пей! Ешь! И убирайся!» Шейх Али Расул — диковина, на которую распространяется действие закона об охране памятников старины: лжец и пророк, верный друг, но и мститель, если торг не был честным; памятный, как слон, и сильный, как гладиатор, с легкостью поднимающий человека весом в три четверти центнера, — он король западного берега и живая частица истории некрополя.

Люди, ожидающие от этого старца с щетинистой бородой старческой бестолковости, оказываются в крайне затруднительном положении. С ним надо поболтать прохладной ночью, пройтись по усыпанному щебнем холму Шаак-эль-Таблия, надо послушать, как он без малейших усилий извлекает из своей памяти даты, имена и события, чтобы понять: это человек незаурядный.

Бремя славы своего древнего разбойничьего рода он несет с достоинством и гордостью. Впрочем, дать однозначную оценку Али Абд эр-Расулу невозможно: он и крупный грабитель, и лицо, которое пользуется уважением как в Луксоре, так и на всем иссушенном солнцем пространстве от Ком-эль-Самака до Эль-Тарифа. Он — всеведущ, новости стекаются к нему без помощи современных технических средств. Когда однажды я посетил его, пробыв перед тем два часа в Луксоре, он сказал мне, что в Каире я заходил к торговцу по имени Эль-Шаер. Я был в отъезде два дня; откуда ему стало известно о моих каирских похождениях, я не знаю, однако спрашивать его об этом было бы неразумно.

В «Марсаме» публика самая разношерстная. Здесь собираются и всегда настороженные полицейские, и скромные ученые, горькие пропойцы и любознательные студентки реальных училищ Копенгагена. «Марсам», построенный в конце 50-х годов, представляет собой, видимо, и сборный пункт международной мафии торговцев произведениями искусства. Об этом пустынном оазисе ходят слухи самые темные и невероятные. Трудно сказать, что в них соответствует правде и что вымыслено.

Вскоре после окончания строительства «Марсама» в Эль-Курну прибыли студенты каирской Академии художеств, чтобы наполнить свои этюдинки красочными набросками с видами нового караван-сарая и его живописных окрестностей. Сесил Б. Де Милл, сценарист

массовых низкопробных кинокартин, обратил свой хищный взор на привлекательные стороны жизни оазиса и использовал их в своей постановке о Востоке. В тенистом и тем не менее всегда удушливо жарком дворе «Марсама» известные торговцы лакомились жареными голубями и, обгладывая мелкие косточки, заключали крупные сделки.

С кем? Али этого не скажет никому. Умея хранить язык за зубами, он сделался «пруссак» среди шумного восточного люда. Кто не выполнял в точности уговора, навсегда портил отношения с ним. Такого рода людей он считал надменными и презирал их за то, что они не ценили его своеобразного гостеприимства. Эти люди никогда более не осмеливались переступить порог его дома. Туристы подшучивали над ним, а он с удовольствием дурачил их, выманивая деньги за грубые копии ушебти². Старый лис хорошо знал, что все они непременно захотят увезти с собой какой-нибудь сувенир от «последнего грабителя усыпальниц». Добрых же друзей он любил одаривать удачными произведениями художественного ремесла, среди которых (все зависело от степени его благосклонности) попадались иногда и мелкие подлинники. Этот преклонного возраста человек с удовольствием давал убедиться в большой силе своих пальцев и бицепсов. Если же он замечал, что кто-то поддается ему, он воспринимал это как личное оскорбление. У него представления о чести, как у индейцев, и такое знание психологии людей, которое менеджеры могут получить, разве что посещая разные дорогостоящие семинары. В Али чувствуется порода, сильный и своеобразный характер. Он равнодушно смотрит на браунинг-140, который носит под пуловером луксорский агент тайной полиции Эль-Кашиен. Али это не касается: он ведь давно уже не грабитель.

Сейчас много говорят об обаянии бывшего разбойника. Безусловно, Али косвенно причастен ко многим весьма сомнительным воровским предприятиям наших дней. Однако он так искусно маскируется, что ни один сыщик не поймает его. Не хотел бы я допрашивать Али: тот, у кого не слишком острый язык, вынужден будет тут же прикусить его.

Лучшие времена Али Расула миновали вот уже почти двадцать лет тому назад; точнее, это было в октябре 1960 г. Тогда египетская Служба древностей решила довериться человеку, который мог быть осведомлен о сокровищах царя Сети I. Выше говорилось о том, что его гробницу открыл в 1817 г. итальянец Джованни Баттиста Бельцони (он же обнаружил и вход в пирамиду Хефрена). Прапрадед Али помогал Бельцони при его раскопках в Долине царей. Уже тогда об этом патриархе клана Расулов шла слава как о человеке, который безошибочно чувствовал, под каким деревом, кустом или камнем земля скрывает драгоценности. Бельцони также обладал хорошим

чутьем. Расчистив в нескольких местах у входа в гробницу Рамсеса I каменные завалы, он получил несомненные доказательства целесообразности ведения дальнейших раскопок. Он приказал своим людям копать именно в этом месте. На глубине шести метров они натолкнулись на замурованный вход в усыпальницу фараона. Предок нашего Расула был здесь же и вместе с итальянцем спустился в гробницу, вырубленную в скале на глубину сотни метров. Кроме мерцавшего золотом пустого алебастрового саркофага здесь не нашлось ничего: гробницу разграбили еще в древности. Мумию Сети I обнаружили лишь в 1871 г. в усыпальнице Инхапи, когда нашли тот «царский тайник», где покоились Рамсес III, Яхмос, Аменхотеп I и мумии других царей.

В семейном архиве Расулов по сей день хранится письменное сообщение прадеда. В нем говорится об отчаянной попытке Бельцони разобрать замыкающую стену погребальной камеры, чтобы пробиться дальше, а также высказано мнение самого патриарха, считавшего дальнейшую работу бессмысленной. Мой друг Али Расул воспроизводит этот старый текст: «Мой прадед наблюдал за Бельцони и видел, что шахта на всю ширину заложена камнями. Снова и снова говорил он Бельцони, работавшему в шахте тридцатью метрами ниже, что тут ничего не найдешь». Затем последовал пассаж, заставивший меня наострить уши (вероятно, содержание его было известно Службе древностей): «Мой прадед сказал моему деду: «Там, именно там клад Сети. Я знаю точно, я обманул Бельцони, чтобы он не копал дальше». Эту тайну поведал мне отец перед смертью».

Четыре поколения Расулов хранили эти сведения, не сообщая никому, пока мой друг Али не обратился в Каир с тем, чтобы убедить Службу древностей начать поиски в погребальной камере Сети I. Как настоящий предприниматель, Али с самого начала вложил в дело 600 египетских фунтов — в 1960 г. это были довольно значительные деньги — и не колеблясь добавлял в дальнейшем новые суммы. Начались поиски клада Сети, и для Али настали великие времена (рис. 19).

Под опытным руководством тогдашнего главного инспектора Службы древностей Абд эль-Хафеза и при участии такого внимательного наблюдателя, как Али Расул, сотня человек с западного берега начала работы по осуществлению плана раскопок. Поздней осенью 1960 г. в газетах разных стран стали появляться крупные заголовки. 2 ноября «Франс-суар» сообщала: «При 65 градусах жары 65 обнаженных рабочих трудятся на 200-метровой глубине, чтобы разыскать клад царя Сети I. Работы финансирует один 50-летний араб». Через полгода, к 14 марта 1961 г., эта бригада проложила на 141 метр от гробницы наклонную штольню всего в 80

сантиметров высотой и полтора метра шириной. Туннель проходил ниже того места, где когда-то стоял алебастровый гроб и где проводил раскопки Бельцони, и вел далее в глубь скалы. Вырубленную породу рабочие по цепочке передавали один другому и выносили в корзинах наверх. Высокая температура и недостаток кислорода вызывали такое утомление, что работу пришлось остановить. Инспектор Абд эль-Хафез раздобыл компрессор, рокот которого сделал место раскопок похожим на шумную строительную площадку. В длинной глубокой штольне появилась, таким образом, слабая тяга, но все равно, когда нужно было грузить породу, от людей требовалось большое напряжение сил. Свет матовых ламп придавал предметам необычные очертания, длинные тени метались по каменным стенам.

К началу 1961 г. длина хода превысила 200 метров (рис. 20 и 21). Феллахи из Курны расчистили сорок ступеней, вырубленных в скале несколько тысячелетий назад, и неожиданно натолкнулись на вделанный в стену каменный блок, который подпирали три другие квадратные глыбы, вбитые в землю.

На этом поиски клада Сети окончились. Почему? Али Расул сказал мне, что его средства оказались исчерпанными, а правительство не согласилось бы дать на продолжение работ ни единого фунта. В Каире профессор Абд эль-Кадер признался мне: «Что и как произошло, я уже не помню в точности, но все это странно, в высшей степени странно». Главный куратор Эль-Навави высказал два предположения: во-первых, не собирались ли рабочие, строившие некрополь, закрыть этим каменным блоком какую-то погребальную камеру? И во-вторых, не использовался ли туннель как склад для тех драгоценностей, которые попали в руки воров, ограбивших гробницу Сети?

Логически рассуждая, мне кажется, что истину можно было бы найти, продолжив раскопки. Осенью 1978 г. господин Эль-Навави сказал мне: «Тогда у нас было много других забот!» Несомненно, так и обстояло дело. Но какая важная возможность была упущена!

* * *

После долгих препирательств в октябре 1978 г. патриарх клана Расулов согласился провести мою телевизионную группу по местам своей прежней деятельности в Долине царей. Я раздобыл самое хорошее такси, какое только имелось на западном берегу, чтобы через 18 лет привезти туда Али со всеми удобствами. Он облачился в лучшую галабею из черного сукна. Когда он сел в машину, служащие «Марсама» рукоплескали: хозяин отправлялся в поездку,

достойную его! День клонился к закату, и туристы давно нежились в своих отелях. Старший гафир Хамед распахнул железные ворота ограды Долины царей. По деревянным ступенькам мы спустились к гробнице. В погребальной камере на стометровой глубине Али внимательно посмотрел вниз. Он вспомнил историю клада Сети I и произнес, закрыв глаза: «Этот клад здесь! В свое время наш президент прикажет достать его. Клад велик, намного больше сокровищ Тутанхамона. Много больше!» Выслушав это пророчество, мы подумали, что, возможно, и вправду Сети откроет когда-нибудь нам свою тайну. «Клад Сети, я верю, обессмертит нашу семью!» — добавил Али. Думаю, что и обогатит, так как правительство обещало Али четверть предполагаемой находки. Выплаченная наличными в египетских фунтах, такая выручка очень украсила бы текущий счет Расулов.

Той же ночью, после нашего возвращения в «Марсам», с Али можно было говорить даже об ограблении усыпальниц, т. е. на тему, которая прежде выводила его из себя. Как-то я прочел ему газетную заметку, в которой его называли «королем грабителей». В ярости он разбил стул, схватил меня за грудки и потребовал, чтобы я удавил этого газетного лжеца.

Этой ночью все было иначе. Мы болтали и фантазировали, как арабские сказочники, во всех подробностях рисовали в воображении план похищения саркофага Тутанхамона³. Соучастие Али в этом вымышленном предприятии основывалось на глубоком знании традиций такого рода грабежа, мои же домыслы были результатом неточных и противоречивых описаний открытия усыпальниц. И дернуло же меня под конец сказать: «Али, я думаю, настоящий саркофаг давно уже находится в каком-нибудь частном собрании США! В гробнице, вероятно, хорошая копия его!» Али шлепнул себя по бедру, вскочил и тряхнул меня за плечи: «Старый пес, это ты украл его!»

Поскольку возможности международного товарищества похитителей произведений искусства почти беспредельны, я не исключаю, что подобное происшествие — вещь вполне вероятная. Так будьте же бдительны даже праздничным вечером, верные стражи Бибан-эль-Молука!

Али Абд эр-Расул. Шейх Али и полиция

20 и 21 октября 1817 г. мудиру областного управления в городе Кена Хамеду Аге и его крепко держащимся в седле спутникам понадобилось 36 часов, чтобы проскакать 75 километров от Кены до Долины царей. Хамед Ага преследовал итальянца Бельцони, о котором прошел слух, будто в Долине царей он нашел громадный золотой клад. Власти намеревались присвоить его себе. Прибыв на место происшествия, мудир смог убедиться лишь в том, что в гробнице царя Сети I нет ни унции, ни грамма золота.

В марте 1977 г. майор Шараби на вездеходе проделал путь до Эль-Курны за какую-то четверть часа. Глава луксорской полиции хотел застать врасплох Али Абд эр-Расула: один из шпииков донес, будто в доме Расула имеются незаконно добытые древности. Но, как и мудир, он ушел с почти пустыми руками.

Шараби и его жаждавшие добычи люди явились совершенно неожиданно. Они бросились к дому Али Расула, одного из наиболее уважаемых людей селения, сопровождаемые лаем и воем всей собачьей армии Эль-Курны. В соседнем здании отделения Службы древностей поднятая с постели мадам Хигази заперла на засов двери, ибо хозяин дома, Эльсайед Али Хигази, отсутствовал. Шараби со своими полицейскими застали шейха Али, его друга Мухаммеда Хусейна и еще троих мужчин во дворе, где те после жаркого дня утоляли жажду и вели самый безобидный разговор. Ночной визит полицейских не произвел особого впечатления на Али и его гостей, но их спокойствие мгновенно улетучилось, едва майор Шараби пригрозил обыскать дом, если Али по доброй воле не выложит свои древние ценности. С палкой в руках ринулся Расул на полицейских, прокли-

ная их хриплым голосом как подлых лжецов и клеветников, которые за свои гнусные подозрения еще предстанут перед городским судом Луксора. Лишь с трудом удалось майору Шараби спастись от двухметрового Хусейна: вялый по натуре, он, ублажив себя половиной ящика пива, совершенно утратил обычное добродушие толстяка и в столь возбужденном состоянии был способен на что угодно.

Полицейские бранились, как распоясавшиеся ночные гуляки. Обе спущенные с цепи своры грызлись между собой. Только после того, как полицейские защелкали предохранителями карабинов, все вдруг успокоилось. Жителей Эль-Курны разбирал смех.

С согласия разгневанного Али был произведен обыск. Добычи не оказалось почти никакой. Тем не менее полицейские торжествовали, набрав две коробки алебастровых ваз, помеченных знаком одной из мастерских в Эль-Гинейне, сумку фигурок ушебти, изготовлявшихся членами одной семьи из Эль-Тарифа, — т. е. обычные сувениры, которые повсюду в больших количествах изготавливаются для туристов. Майор Шараби придал этому налету видимость успеха, конфисковав золотые украшения, сделанные луксорским ювелиром, которые несколькими годами раньше Али приобрел для своей молодой жены за наличные деньги.

Назавтра Али Расула вызвали в полицейское управление Луксора, на улицу Локанда. По глупости своей майор Шараби заставил Али просидеть там несколько часов. Все заговорили о бесцеремонности блюстителей порядка, будто оповещенные какой-то частной радиостанцией; влиятельные друзья Али били тревогу и обращались в различные инстанции. Адвокат Эль-Рахман А. Абузеед за совершенную полицией ошибку обрушил на округ такой поток обвинений, какой мог позволить себе только очень влиятельный человек. Власти не захотели восстанавливать против себя весь город и вынуждены были тотчас освободить Али.

Обычаи Верхнего Египта напоминают корсиканские: кто здесь оставит девушку, тут же навлечет на себя месть недремлющих братьев; кто посягнет на честь уважаемого человека — для того миновали беспечные дни. Невозможно было долго выдавать промах Шараби за безобидный инцидент, связанный с контролем над продажей спиртных напитков без лицензии. Для луксорцев Шараби с момента вступления в должность был бельмом на глазу, а его выпад против Али Расула переполнил чашу терпения. Когда место Шараби занял майор Ауяд из Асуана, в Луксоре и Эль-Курне остались довольны. Ауяд, согласно принятому здесь обычаю, выказал уважение Али Расулу, посидев с ним за чашкой чая.

Как искажается видение события по мере удаления от места происшествия, доказывает сообщение из Каира от 13 марта 1977 г.: «Контрабанда мумиями! Египетский король контрабандной тор-

говли древностями задержан! Али Абд эр-Расул, прозванный «королем», как подозревают власти, незаконно вывез из Египта множество мумий, поставляя их в европейские музеи. Самая суровая кара за подобное преступление — шесть месяцев тюрьмы». Когда я прочел это сообщение Али Расулу, он прямо впал в неистовство.

С майором Шараби я встречался в Луксоре, когда он еще не предчувствовал краха своей карьеры в этом городе. Он был полон обворожительной любезности и так пекся обо мне, что приказал агенту секретной службы Эль-Кашиену следовать за мной подобно тени. Он не знал, что мы с Эль-Кашиеном дружны уже много лет.

Али Абд эр-Расул. Как Самсон из Курны чуть не потерял одну из прядей своих волос

Пусть читатель, не слишком твердо знающий Библию, воскресит в памяти, что Самсон — наделенный великой силой герой, любивший сражаться в одиночку, происходивший из израильского «племени Данова», воевал с филистимлянами и побеждал их до тех пор, пока его возлюбленная, филистимлянка Далила, не лишила его силы тем, что остригла и сделала уязвимым для врагов. В истории, которую я хочу рассказать, мой друг Али Расул играет роль Самсона — одинокого борца, одаренного нечеловеческой силой, знающего толк в женской привлекательности.

Словами «мне поведали...» обычно начинают свои истории арабские сказочники (рис. 22). Но это не сказка, ибо о том, что случилось в Курне, мне сообщил луксорский адвокат Абд эль-Рахман А. Абузед, с которым нас связывает общая дружба с Али Расулом. Итак, мне поведали... Несколько лет подряд в отеле «Марсам» останавливалась путешественница из холодной Дании, чтобы под гостеприимным кровом Али Расула провести два месяца египетских каникул. Эта дама, не столько по легкомыслию молодости, сколько, говоря словами одного писателя, «под несомненным влиянием любовных чар», десять лет назад уже посетила этот пустынный оазис. Именно она и покорила сердце старого предводителя разбойников. То, что владельцы других первоклассных отелей отмечали в книге посетителей, Али хранил в своей бездонной памяти: для дамы всегда держали про запас лучшую комнату. Вокруг этой, находившейся наверху гостиницы Али комнаты и затянулся узел драматических событий.

В один из зимних месяцев 1973 г. в «Марсаве» остановилась некая американская леди, приехавшая без спутников. Поначалу она

намеревалась сделать здесь короткую остановку, но когда заметила «супермена» Али, этого привлекательного араба, в жилах которого текла древняя кровь предков, у нее внезапно созрело решение задержаться в его доме на более долгое время. Весьма эмансипированная, она поставила перед собой цель непременно добиться победы над нашим героем. Али же обращал внимание скорее на пачки долларов, чем на руку, которая их протягивала, и вынужден был предоставить леди ту самую верхнюю комнату своего заведения, о которой шла речь выше.

Прошло несколько недель. Неожиданно прибыла дама из Дании; она велела выгрузить свой багаж, состоявший главным образом из большого ящика с книгами, и отправить его в принадлежащую ей по праву комнату. Хотя у Али — как мусульманина — безусловно могло быть несколько жен, он был однолюбом. Таков ли был его вкус или все объяснялось тем, что он не хотел понапрасну тратить силы, — во всяком случае, он предложил американке другую комнату, чтобы его датская возлюбленная могла иметь перед глазами привычный пейзаж.

Леди почувствовала себя уязвленной и замыслила дьявольскую месть. Расул, для которого наступала зима жизни, должен был еще раз узнать бешеные порывы весенних бурь. Простодушный феллах не понял, что в доме что-то неладно, он был занят своими чувствами. Американка перешла в наступление. В Шейх-Абд-эль-Курне, против Рамессеума¹, на западном фиванском берегу, она исковыряла на полях все распаханные норы, чтобы раздобыть кое-что из человеческих останков. Сделать это было нетрудно, поскольку кости, принесенные детьми и собаками, разбросаны здесь повсюду. Наконец леди нашла мумифицированную человеческую руку, бросила ее в пластиковый пакет, довольная вернулась в «Марсам» и стала ждать своего часа.

Настал он, когда любимица дома, привлекательная датчанка, решила вылететь на прогулку из Луксора в Асуан. Вот тут леди и нанесла Али удар, который многое изменил в его жизни. Леди-«гробкопательница» незаметно спрятала найденную ею часть мумии в дорожную сумку датчанки, а затем сообщила полиции аэропорта о контрабанде. После этого она исчезла из Курны.

Сразу же по прибытии в аэропорт датчанка была учтиво задержана двумя служащими тайной полиции. Самолет стартовал в Асуан без нее. Ничего не подозревая, она была поражена, увидя ужасную кость, завернутую в ее пижаму. Вскоре она находилась уже в отделении луксорской полиции, где довольно быстро выяснилось, что свои каникулы она проводит... у Али Расула.

Рычащий джип доставил полицию в Курну. Храпевший в постели шейх Али был разбужен с максимальной почтительностью и осто-

рожностью. Проснувшись, Али постарался убедить полицейских в своей силе (одному из них он вдавил в тело, в подложечную впадину, пряжку портупеи так, что тот взвыл), а также в своей невинности. Когда взбешенный Али вернулся с допроса и сел к жужжащему холодильнику, вокруг которого туристы потягивали холодное пиво, оправдан он еще не был, но уже вынашивал хитроумные планы отмщения всем этим негодьям с Запада!

Адвокат Абузеед должен был употребить все свое красноречие, чтобы его доверитель избежал обвинения в незаконном вывозе мумий. Это ему удалось, поскольку все в Луксоре, в том числе и полицейские, хорошо понимали, что такой человек, как Али Расул, скорее украдет и подарит своей возлюбленной «колосс Мемнона», чем преподнесет ей часть человеческой руки.

Привлекательную даму из северной Европы никогда больше не видели в Курне. Последняя осень Али кончилась, и наступила зима.

«Малеш», — говорит египтянин, если день выдался неудачный, и с наслаждением ощущает благодатный холодок ночи, переставая курить врачующую все недуги, тихо булькающую наргиле. «Малеш», — сказал и Али Расул, когда потерял двух дам, но спас свои всклокоченные волосы (рис. 23).

Доктор Джузеппе Ферлини — человек, который приказал снести пирамиды

Родившийся в Болонье доктор медицины Джузеппе Ферлини (1800—1876) участвовал как штаб-лекарь в кампании, которую египетский хедив Мухаммед-Али с четырехтысячным войском вел ради того, чтобы подчинить своему господству пустынные провинции Нубии. Благодаря военной помощи Европы, выразившейся в поставке новейших полевых гаубиц, цель эта оказалась вскоре достигнутой. Когда же из мести за убитого в Нубии сына Мухаммед-Али уничтожил 22 тыс. нубийцев, покоренная страна словно погрузилась в летаргический сон.

Жизнь поворачивалась к жаждущему приключений итальянскому медику совсем не той стороной, какой он ожидал. Сидя в казарме, он размышлял, как бы снова придать ей смысл и остроту. Случай свел его с жившим в Хартуме (городе при слиянии Белого и Голубого Нила) албанским торговцем и ростовщиком Антонио Стефани. Вяло идущие дела заставили Стефани приискивать более выгодное занятие: таковое он видел в кладоискательстве. То, что прежде он уже потерял свой капитал, вложив его в работы по исследованию мест, известных из истории древнего Эфиопского государства¹, не помешало ему вновь предаться своей страсти. В лице Ферлини он нашел нужного человека. Быстро подружившись, Ферлини и Стефани тут же с увлечением принялись рыться в песке в поисках сокровищ.

Двум авантюристам было на руку, что нубийская провинция представляла собой почти нетронутую землю: до той поры лишь немногие путешественники решались прорваться за 2-й нильский порог. Эта область, располагавшаяся между 16 и 21 градусами северной широты, снискала недобрую славу из-за вооруженных стрелами разбойников и смертельной лихорадки. Но прирожденные гра-

бители усыпальниц не боялись подобных опасностей! Ферлини оставил записки, в которых он рассказывает о поисках золотых кладов в Мероз.

Первым делом Ферлини и Стефани атаковали поле развалин вокруг храмов в Вад-Бан-Негга, Мусавварат-эс-Суфра и Негга, расположенных недалеко от Хартума. После безрезультатных раскопок в песке, продолжавшихся неделю, они решили отправиться вниз по Нилу. Ферлини хотел попытать счастья на овечьем легендами месте древнего города Мероз, с VI в. до н. э. бывшего столицей Эфиопского государства². «Я решил вернуться либо без единого гроша, либо нагруженный невероятными богатствами», — вспоминал он.

Хотя Стефани один раз уже потерпел неудачу, раскапывая развалины города и пирамиды близ деревни Бегаравия, Ферлини не упустил возможности разбить нос еще раз: став во главе группы поспешно набранных людей, он обследовал руины сверху донизу. Отдельные жалкие находки не покрывали затраченных средств. Тогда искатели счастья обратились к пирамидам Мероз; они были меньше и круче египетских, но тем не менее свидетельствовали о том значении, какое имела некогда древняя столица (рис. 24).

Если Ферлини в своей врачебной деятельности пользовался столь же варварскими методами, какие применял при раскопках, то едва ли многие раненые выжили, побывав в его руках. Ферлини приказал сносить пирамиды одну за другой! «Я оказался не более удачливым, чем мой товарищ, — рассказывает далее Ферлини, — причем я дошел уже до того, что срыл четвертую пирамиду, так и не разыскав ничего стоящего!»

И все же горе-археологи продолжали верить рассказам местных жителей о якобы спрятанном здесь кладе. Ферлини приходил в трепет от любых сведений об огромных сокровищах, упоминания о которых встречаются в древних книгах. Лишь по прошествии нескольких недель, потраченных на уничтожение развалин, ему пришло в голову, что нубийцы, наверное, потчуют его ложными сообщениями, чтобы как можно дольше получать плату. Бесспорно, итальянский врач не оставил бы тут камня на камне, если бы в один прекрасный день не обнаружил нечто примечательное. В северной части группы пирамид Мероз находилась пирамида царицы Аманшакете, хорошо сохранившаяся и никому не известная. 28 метров высоты и 42 метра в основании, она состояла из 64 уступов около четверти метра каждый. У ее восточной стороны располагалось культовое сооружение с тяжелым каменным сводом, который фланкировали две входные башни. С этой же стороны наверху, у вершины пирамиды, находилось глухое окно.

Вот она, цель! С четырьмя помощниками Ферлини вскарабкался

на едва державшуюся вершину, которую, как ему представлялось, можно было снести без большой затраты времени. «Поднявшись на вершину с четырьмя людьми, дабы приступить к делу, я установил, что ее, уже обветшавшую, легко можно снести; когда же первые камни будут убраны, образуется место, достаточное для других рабочих». Десять рабочих начали быстро разбирать верхушку пирамиды. Нестерпимая жара основательно изнурила Ферлини и Стефани, и они вынуждены были уйти в тень. Когда смуглые нубийцы добрались до заложенного окна, один из преданных слуг громко позвал хозяина. Ферлини и Стефани забрались туда, где кипела работа; верный слуга лежал на площадке ничком, прикрывая собственным телом какое-то отверстие. Вокруг, уставившись в одну точку, толпились любопытные рабочие. Золотой дурман! Ферлини и Стефани схватились за пистолеты и велели людям немедленно оставить площадку. Те, недовольные и перепуганные, под дулами пистолетов быстро сползли с пирамиды.

Оставшись одни на вершине пирамиды в прозрачной вышине, искатели кладов вместе с двумя выказавшими преданность слугами принялись освобождать от креплений каменные блоки у отверстия. Вскоре их взору открылась камера, стены которой шли параллельно поверхностям пирамиды. Размеры ее составляли примерно 2,5 метра высоты и 3—3,5 метра длины. Ферлини пролез в помещение и очутился перед плитой, которая была покрыта куском почти совершенно белой шерстяной ткани. При самом легком прикосновении она обратилась в прах. То, что Ферлини принял за плиту, оказалось ложем, напоминающим носилки. Продолжая поиски, он вскоре извлек бронзовый сосуд, в котором находился маленький сверток ткани. При свете свечи Джузеппе Ферлини обнаружил в камере также несколько выточенных из дерева чаш, обрывки ожерелья, камни и бусины. Пройдя вдоль стен, Ферлини подобрал еще несколько амулетов, фигурок богов, пилу, нож и другие металлические предметы.

Взглянув наверх, он увидел, что несколько нубийцев собрались у входного отверстия и с любопытством уставились на него. Ферлини отступил в угол, который не просматривался сверху, и уложил находки в кожаный мешок. Под шепот толпы оба искателя кладов слезли с пирамиды и тотчас, по воспоминаниям самого Ферлини, нубийцы «окружили основание пирамиды, желая увидеть найденные вещи. Но я, с оружием в руках, с искаженным от дикой злобы выражением лица, приказал им снова приниматься за работу». Лишь поздней ночью в своей палатке Ферлини и Стефани исследовали содержимое бронзового сосуда. Они нашли золото! Из свертка выпали драгоценные погребальные приношения Аманишакете. Восторгу Ферлини не было предела. «Ювелирные работы показались мне удивительными. Определив их общее количество, я пришел к

выводу, что оно, видимо, значительно превосходит все, что рассеяно по музеям Европы. Не могу не выразить восхищения тонко выполненными камнями* и драгоценными камнями, которые не только сравнимы с прекрасными произведениями греков, но и затмевают их!»

Стефани прожил в Нубии достаточно долго и сознавал, какую угрозу для него и Ферлини таит в себе золотой клад. Он предложил Ферлини скрыться, чтобы спрятать находку в надежном месте и избавиться от нависшей опасности свою семью в Хартуме. Ферлини же был упоен золотым дурманом едва ли не сильнее, чем пугливые нубийцы: «Но я за почти пять лет войны с ними привык ко всему; кроме того, зная их малодушие, я никоим образом не утратил мужества и, горя желанием новых открытий, решил остаться». Чтобы успокоить Стефани, в пустынной местности они вырыли глубокую яму и зарыли там клад.

Когда поднялось солнце, сотен пять нубийцев окружили пирамиду. Весть о находке золота еще ночью с быстротой степного пожара пронеслась по селениям, и теперь они стояли тут, чтобы получить свою долю. Ферлини понял, какая большая опасность угрожает ему и Стефани. Он никого не стал гнать, а направил толпу к маленькой, еще необследованной пирамиде. Одурманенные приманкой, нубийцы за несколько дней разнесли пирамиду до основания, оставив только разбросанные повсюду обломки. Разочарованные и обманутые, смуглые парни потянулись назад.

Ферлини и Стефани с несколькими доверенными людьми принялись за работу, пытаясь обнаружить другие сокровища Аманишакете. На пятнадцатый день они натолкнулись на вторую камеру, напоминающую нишу в толще каменной кладки. Здесь также оказалось несколько свертков; в двух из них были прекрасные бронзовые сосуды. И вновь Ферлини испытал радостное предчувствие: «Я надеялся и на этот раз найти прекрасные золотые вещи. Но если по части золота мои ожидания не оправдались, то два обнаруженных сосуда с лихвой окупили все потери». Эти два сосуда, очевидно, настолько вознаградили Ферлини за все затраченные усилия и окрылили его, что он приказал разобрать весь памятник. Двадцать дней понадобилось рабочим, чтобы сровнять с землей пирамиду, фундамент которой был сложен из черных каменных плит. Доктор был одержим мыслью, что он еще, возможно, найдет саркофаг Аманишакете.

Пока рабочие были ход от передней камеры культовой постройки, неожиданно пробившись в вырубленный здесь ранее туннель, Ферлини распорядился извлечь из стены фрагмент рельефа. «Для нужд истории и археологии желательно было бы забрать этот рельеф

* Камеи — резные камни с выпуклым изображением. — *Прим. авт.*

целиком, — полагал Ферлини. — Но поскольку большой вес все равно не позволил бы переправить его через пустыню, я выбрал лишь часть, которая показалась мне наиболее интересной, так как там была выбита надпись».

По мере приближения к концу туннеля блоки его стен начали таинственно мерцать, словно приманивая к себе незваных гостей. Ферлини захотел разузнать, в чем тут дело, и чтобы рядом не было любопытных глаз, попытался отослать прочь рабочих, всех до единого, но они не подчинились. День за днем они стали появляться с тяжелыми копьями в руках, безмолвно и враждебно наблюдая за чужеземными господами. С каждым днем работа становилась все опаснее.

Ферлини прекратил работу, когда преданный раб донес ему, что окрестные нубийцы готовят нападение, чтобы завладеть его добычей. «Я полагал, — пишет Ферлини, — что если произойдет нечто серьезное и об этом сообщат властям, слух о моем открытии разнесется по свету, и тогда для меня возникнет угроза утраты сокровища. Поэтому я решился бежать ночью и тем самым ускользнуть от опасности».

Доктор Ферлини спрятал сокровища под одежду и кратчайшим путем добрался до Каира, откуда морем отправился в Италию.

1837 год. Ферлини публикует в Риме каталог, в котором предлагает к продаже найденные в Мероэ сокровища. Он возлагал большие надежды на хорошую выручку от распродажи. Однако его ждало горькое разочарование.

Было высказано много скептических соображений относительно происхождения и ценности этих украшений. В 1838 г. у Сэмюэля Берча, куратора египетской коллекции Британского музея в Лондоне, возникло подозрение, что вещи Ферлини являются имитацией, выполненной египетскими ювелирами в позднее время. Никколо Бальдессаре Роселлини (1800—1843), профессор восточных языков в Пизе, соотечественник Ферлини, не слишком верил в подлинность находок последнего: «Происхождение и подлинность находок подтверждают лишь высказывания самого Ферлини да его тенденциозные заметки». Карл Рихард Лепсиус первым распознал подлинники в найденных доктором Ферлини вещах. Египтолог и лингвист, Лепсиус сам прошел с экспедициями по Нилу и проник далеко в Судан. Он смог расшифровать надписи каменного рельефа из Мероэ. Перед отъездом в Судан с прусской научной экспедицией он обнаружил у лондонского агента Ферлини большую часть его находки и при поддержке прусского посланника Христиана Карла Иозиаса фон Бунзена приобрел их для Берлинского музея. Кривотолки настолько повредили «товару» Ферлини, что он ушел в Берлин, оцененный всего в 700 фунтов стерлингов.

В 1844 г. Лепсиус встретил в Шенди сторожа, помогавшего Ферлини при раскопках пирамиды. Этот человек указал прусскому ученому место находки. Все, о чем писал Ферлини, соответствовало действительности. Лепсиус отмечал: «Открытие Ферлини здесь памятно всем; с тех пор еще некоторые пирамиды были обращены в развалины. В Хартуме — та же картина. Многие — не только европейцы, но и сам паша — полагают возможным обнаружить в них новые сокровища». С большим трудом Лепсиусу удалось убедить губернатора провинции в том, что находка Ферлини представляет собой чистую случайность, по неведомому капризу владельца ювелирные изделия были замурованы в кладку пирамиды, вместо того чтобы с его мумией находиться в погребальной камере. Губернатор предполагал направить 500 своих солдат, возвращавшихся в Хартум, на осаду пирамид. Следы великого прошлого эфиопского царства были бы уничтожены одним ударом. Лепсиус помешал этому.

Смерть настигла доктора Джузеппе Ферлини в состоянии полной депрессии: клад не принес ему ожидаемой прибыли. Многие вещи, помеченные в его каталоге, бесследно исчезли. Ферлини продавал их где придется по одной штуке и даже дарил. В 1904 г. в распоряжении наследников доктора, помимо его записок, было лишь четыре золотых кольца.

В каталоге западноберлинского Египетского музея под № 1639 значится браслет царицы Аmaniшакете размером в 3,9 сантиметра. Его история — настоящая одиссея. Во время второй мировой войны он находился в одном из ящиков, хранившихся в бункере на станции метро «Зоологический сад». В 1945 г. ящики были переданы представителям американских войск. С лета 1945 г. по февраль 1964 г. браслет царицы то исчезал, то вновь появлялся в объявлениях лондонского торгового дома «Спинкс энд сан лимитед». Тогдашний доктор Египетского музея в Западном Берлине профессор Кайзер, послав запрос, получил следующий ответ: браслет по поручению частного лица выставлен на продажу и оценивается в 300 фунтов. Владелец его был некий мистер Луис Дапс. В соответствии с существующей в Англии традицией если известен прежний владелец вещи, то при продаже она сначала предлагается ему. Прошло более года, прежде чем Дапс получил свои 300 фунтов, а браслет Аmaniшакете вернулся в Египетский музей.

Последнее путешествие этой находки Ферлини заслуживает отдельного рассказа, но оно было таким путаным и трудным, что лучше и не пытаться его здесь излагать. Несомненно одно: Ферлини вернулся из Судана с вещами редкой ценности, ажиотаж вокруг них — лучшее тому доказательство. Ферлини был лишь одним из многих грабителей усыпальниц, которые не получили никакого удовлетворения от своих отважных предприятий.

Ловцы сувениров

*Делать дело, не зевать —
Значит душу ублажать!*

Под таким коварным девизом члены Венского научного клуба в декабре 1882 г. предприняли путешествие по Нилу.

К тому же 1882 г. относится так называемый «Египетский дневник» неизвестного сочинителя, из записей которого следует, что в Александрию автор прибыл на корабле «Талия», принадлежавшем Австро-Венгерской судоходной компании. 28 февраля 1883 г. он отмечал: «Каир. Меня знобит, даже когда я в пальто, хотя термометр показывает в тени 17 градусов по Реомюру. В Каире дождь, который можно, пожалуй, назвать сильным, и я, привыкший к зною Верхнего Египта, пью горячий чай в лавке некоего Кодшаха, торговца из Мусиха. В мешке с тмином он спрятал несколько прекрасных античных фигурок, две из которых я могу приобрести. Памятуя о турецких таможенных чиновниках Александрии, я взял в конце концов только одну». *Ne quid nimis!* Хорошенького понемногу.

Неизвестный автор дневника со своими скромными потребностями — редкость среди туристов, заполонивших страну фараонов.

Под солнцем нет другой страны, которая в такой же степени испытала на себе светлые и темные стороны туризма. Эта страна являла собой дьявольски привлекательную цель как для жаждавших просвещения, так и для чаявших исцеления. Если бы кто-нибудь захотел описать ущерб, который причинили путешественники «Земле богов», ему понадобился бы для подобной хроники том, равный по объему нью-йоркской телефонной справочной книге. Словно Большой взрыв¹, ознаменовавший начало мира, обрушилась на Египет начиная с середины XIX в. волна массового туризма, поначалу сдерживаемая лишь стоимостью проезда и малой скоростью транспорт-

ных средств. В нашем же столетии все изменилось настолько, что стали возможны даже субботные и воскресные экскурсии из Европы в Египет.

Когда ученые проповедовали с кафедр идеи классицизма и романтизма XIX в., представители соответствующих факультетов собирались в путь, чтобы раскапывать древние города, в движение пришли, чтобы не отстать от века, и состоятельные люди без определенных занятий. С тех пор как «Саванна» капитана Роджерса проделала путь от Нью-Йорка до Ливерпуля за двадцать дней, были проложены маршруты через океан и в страны Востока. Из Ливерпуля в Александрию оказалось возможным добраться всего за шесть дней. Ничтожное время для тех, кто привык к «скорым» поездкам по Европе. Вместе с учеными, а также частными лицами, приверженными «солнечному культу», в различного рода миссии, посольства и консульства были направлены атташе, которые сумели по достоинству оценить значение этих достижений. Англичане съезжались на «каирский сезон», чтобы в царстве вечно сияющего бога солнца Атона поправить здоровье, подорванное сыростью их родного острова. За бледными, страдавшими туберкулезом европейцами, считавшими целительным для себя сухой, бодрящий воздух, по пятам следовали торговые агентства. Если мы сведем к минимуму количество причин оживления туризма в то время, их окажется две: притягательная сила пирамид, а также свирепствовавшая в Европе эпидемия туберкулеза легких. Как известно, лишь с открытием Робертом Кохом (1843—1910) смертоносной бациллы началось успешное наступление на эту болезнь. И египетское солнце здесь ни при чем. Но поток уже вышел из берегов, и спасения для солнечной страны не было.

С XVIII в. многие агенты крупных торговых домов постоянно находятся в Александрии и Каире; двуличные, алчные residents стремятся увеличить свое обычно и без того высокое жалование посредством темных махинаций с древностями. Эти любители приключений пробираются в высшие сферы, живут на виллах, отгородившись цветниками от простого люда. Лишь те из них, кто только начал свою деятельность, обитают, естественно временно, в ветхих глинобитных хижинах. Бледнолицые дамы под зонтиками, которые держат над ними сухопарые слуги, разъезжают в экипажах по городским улицам и временами навещают пирамиды Гизе². Затянутые в корсеты, истомленные долгим затворничеством, они с трудом добираются до погребальных камер и с восклицанием «Боже мой, какое зловоние!»³ подносят к своим точеным носам надушенные лавандой платки. После прогулки по пустыне, повидав немало приключений, они возвращаются в свои городские квартиры. Еще не созданы оазисы роскошных отелей и не рыдает в кафе скрипка

«Sombre dimanche»*. В салонах, довольно скромных по сравнению с великолепием более позднего времени, измученные жарой дамы, окруженные входящими в моду букетами из засушенных листьев и трав, обмахиваются пальмовыми листьями. Такой Египет может привидеться только во сне!

Местные жители обскачут самого дьявола, если малыми усилиями можно загрести большие деньги. Дети страны, торговавшей прежде со всем миром, они прекрасно чувствуют малейшую возможность нажиться; они постигли дух времени. В ассортимент товаров, который до сих пор состоял из доброй старой верблюжьей шерсти, корицы, специй и универсального лекарства мумиё, они включили недорогую антику. Безразлично, на что спрос, лишь бы был доход. Мешки с лимонами и шафраном отставлены в сторону. Надо же дать возможность прелестным дамам и господам купить всякий хлам! Древние камни, таинственные фигурки и амулеты... Легко понять несложную психологию этих «детей», которые, как и в древние времена, продолжают плестись по раскаленным от жары дорогам на ослах и верблюдах, погонять буйволов, качающих насос колодца. Ведь новый вид торговли обещает удачу. Аллах велик. И так далек.

Тот, у кого есть хороший осел и сильные сыновья, нанимается к иностранцам в качестве драгомана (драгоман — это нечто среднее между переводчиком, запас слов которого можно пересчитать по пальцам, и человеком, знающим почти все). Пронырливые парни перед отелями предлагают свои услуги как знатоки местных условий либо как искатели кладов, и того, кто действительно знает что-то, ученые приглашают выступить в роли проводника в этом краю несметных сокровищ.

Поскольку египтянам свойственна безграничная готовность прийти на помощь, а также завещанное им предками гостеприимство, можно было бы предположить, что каждый иностранец должен купаться здесь в золоте. И хотя это далеко не так, тем не менее ученые и туристы без зазрения совести стремятся воспользоваться обеими слабостями жителей Египта.

* * *

Итальянец Антонио Кастеллари был одним из первых европейцев, которые еще в начале XIX в. прекрасно умели извлекать пользу из страсти к приобретению сувениров. Свое гнездо — легкую глинобитную хижину — он свил на кровле луксорского храма Амона. Оттуда он управлял, как марионетками, своими поставщиками с

* «Хмурое воскресенье» (франц.).

западного берега Нила. Кастеллари уразумел, как следует обращаться с недоверчивыми хозяевами «Города мертвых», чтобы получить часть награбленного: торгуя с ними, он был тверд, но вежлив. В определенном смысле он проявлял даже разборчивость и брал не все, что ему приносили. Старые грабители ценили такое обхождение, они видели в торговце знатока, и это возвышало их в собственном мнении. То, что Кастеллари удавалось приобрести, он в дальнейшем с большой выгодой для себя продавал приезжим. Подобная торговля не требовала особых усилий, ибо частные лица как прежде так и теперь довольно редко, главным образом в результате счастливой случайности, сталкиваются с дельцами, побывавшими в некрополе.

Кастеллари принадлежала богатая коллекция прекрасных папирусов, а гордостью его собрания была мумия Яхмос-Хенутемпет, принцессы XVII династии (1650—1544 гг. до н. э.). Родоначальник торговли вещами, приобретаемыми на память, скончался в 1848 г., но основанная им гильдия не погибла.

* * *

Как известно, спрос рождает предложение, именно поэтому в различных областях общественной жизни появляются новые люди: ученые, агенты известных музеев и просто богатые путешественники.

Шотландец Арчибальд Эдмонстон (1795—1871) всю жизнь путешествовал. Он любил поверять бумаге результаты своих поездок, ибо считал себя писателем. Эдмонстон грелся на солнце, изучал оазисы египетской пустыни и всякий раз, прежде чем вернуться на родину, добывал какие-нибудь древности. Молодцы из некрополей считали торговлю с этим шотландцем нелегким делом.

Достопочтенный Томас Коутс (1775—1828) был человеком не робкого десятка: вместе со своим спутником он решился проникнуть в самое логово разбойничьих банд — селение Эль-Курна, расположенное среди гробниц Западных Фив. За целую кипу банкнот Коутс приобрел хорошо сохранившуюся мумию: он взвалил ее себе на плечи и побрел, спотыкаясь на каждом шагу, в отель. Однако в отеле этот собиратель, потерявший от радости разум в Долине царей, счел столь мрачный сувенир неподходящим для своего лондонского дома. В 1821 г. он отослал мумию Ньюкаслскому литературному обществу. Ее и сегодня можно увидеть в Хэнкок-музее Ньюкасла. Мистер Коутс был одним из тех людей, которые никогда не задаются вопросом, имеет ли хоть какой-то смысл их добыча. Преклонение перед антикой ослепляет их и заставляет платить.

Вполне понятно, когда чьи-то мумифицированные останки очаровывают ученых; однако не совсем ясно, почему высохшие покойники привлекают простых смертных. Не возбуждают ли они ощущение, что тут деньги вкладываются в ценности, количество которых увеличению не поддается? Или это связано с пустым бахвальством, возможностью обставить рассказ о путешествии производящим столь сильное впечатление реквизитом?

Бенджамен Клифтон Гендерсон (1788—1881), врач Ост-Индской компании, также не смог устоять перед сводящим с ума искушением, когда, будучи на каникулах в Египте, похитил из Фив две мумии. Почему только две? Думал ли Гендерсон о том восхитительном времени, когда в родной библиотеке при свете камина он сможет нить херес, курить трубку и покоить свой взор на мумиях древних египтян?

То, что в момент покупки происходит частичное расстройство мозговой деятельности, следует из рассказа искателя древностей Джованни д'Атанази (1780—1857). Некий английский путешественник — д'Атанази не называет его имени — приобрел в Фивах саркофаг с мумией областного начальника времен Птолемеев по имени Сотер Корнелион. Англичанин, вероятно, ожидал увидеть в гробу богатые погребальные приношения из золота и драгоценных камней. Возвращаясь в Каир, он не мог сдерживать любопытства, поднял крышку и... не обнаружил ничего ценного — ни золота, ни камней. Выйдя из себя, он выбросил мумию со своего парусника в Нил и мрачно наблюдал, как останки Сотера Корнелиона идут ко дну. Саркофаг он сбыл британскому генеральному консулу Генри Солту, покупавшему все, что казалось ему ценным. Божества мертвых, должно быть, окончательно лишились своих и без того почти угасших сил.

Лишь однажды они дали снова почувствовать свою таинственную власть! Фредрик Лидман (1784—1845), капеллан шведского консульства в Константинополе, объездил весь Египет и собрал много награбленного добра. Сразу после того, как он прибыл в турецкую столицу, все его сувениры погибли во время пожара. Это было последнее усилие языческих божеств. Впоследствии они уже не мстили столь решительным образом за осквернение усыпальниц. Боги тоже устали. Их можно понять.

Турист первой трети XIX в., желая выглядеть не хуже других, нередко во время какой-нибудь морской прогулки заглядывал в Александрию. Для того чтобы добраться из Марселя или Венеции в

Александрию, требовались всего три с половиной дня. Начиная с 1836 г. в расписание рейсов Австро-Венгерской судоходной компании входила поездка в Александрию, Константинополь, Смирну и обратно — в Венецию. Еженедельно суда «Messageries Maritimes» отбывали из Марселя в Александрию. Колесные пароходы Восточной пароходной компании вспенивали воду, следуя из Саутгемптона на Мальту, а оттуда к устью Нила. Египет был в моде!

1 мая 1821 г. друг Египта, итальянец Баттиста Бельцони, живший большей частью в Англии, представлял публике гипсовые копии своих находок; церемония эта происходила в Египетском зале, в кабинете редкостей с броским фасадом в египетском стиле. Толпа жаждущих взглянуть на копии находок едва не разнесла новое здание. На Пикадилли состоялась очередная сенсация.

В наши дни масса литературы о временах фараонов знаменует собой возрождение интереса к Египту. Впрочем, так было и прежде, когда читатели, воодушевленные захватывающими, порой драматическими описаниями путешествий, как бы сами участвовали в происходящем. Шотландец Мунго Парк (1771—1806), например, объездил весь Судан и написал об этом книгу «Путешествия по Центральной Африке». Многие описания путешествий стали бестселлерами; всех потянуло вдаль. Элиаша Кент, американский полярный путешественник, изложил свои впечатления в двухтомной «Арктической экспедиции», и все, кто следил за модой, прочли ее. В программу образования каждого благовоспитанного человека входили также четыре тома книги Генриха Барта (1821—1865), родом из Гамбурга, называвшейся скромно: «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке». Подготовлено было поле деятельности, на котором следующее поколение искателей приключений могло подвизаться уже в довольно сносных условиях. Те, на кого прежде незабываемое впечатление производила так называемая падающая башня в Пизе, теперь желали увидеть пирамиды.

Ветер приключений уже в дороге веял на путешественников. Гюстав Флобер в 1850 г. замечает о своей морской прогулке: «С утра буря улеглась; судно в плачевном состоянии, котел дал течь, и машины стали». Флобера, как и прочих туристов, александрийский порт встретил характерным для Востока гомоном, спорами драгоманов из-за вновь прибывших, которых они старались залучить на квартиру, чтобы заработать бакшиш.

Более спокойной была поездка на паруснике, неторопливо двигавшемся вверх по Нилу; несколько быстрее шли колесные пароходы, с которых, оставаясь в тени маркиз⁴, можно было наблюдать вокруг архаическую жизнь. Кто не мог позволить себе трехмесячного путешествия по маршруту Каир — Асуан — Каир, у кого был короткий отпуск, те нанимали у пристани усталую подушками

лодку и за несколько часов по сокращенной программе осматривали то, чем богаты нильские берега. Драгоманов снаряжали целые караваны ослов. Благородные леди гарцевали на них, прикрыв зонтиками матовые лица; между тем джентльмены с пышными усами участвовали в экскурсии скорее по велению долга, чем ради удовольствия. Там, где обычно лежал путь подобных караванов, целая гвардия торговцев древностями была приведена в состояние полной боевой готовности.

* * *

Отвратительно, что туристы не только увозят из Египта национальные ценности, но и оставляют свои поистине никому не интересные инициалы, нацарапанные на древних камнях.

Мендес Израэль Коэн из Балтимора в 1882 г. посетил Верхний Египет; он добрался до 2-го порога у Вади-Хальфа. За океан он увез свыше 700 вещей, которые должны были напоминать ему об этом путешествии. Еще более ошеломляющим стало сообщение, о котором, по-видимому, узнали и все домашние Коэна, — что отец семейства выбил свое имя на скалах Абу-Сира. Эта «работа по камню» пережила его. Большую часть привезенного его племянник в 1884 г. продал Университету Джона Гопкинса⁵.

Непрекращающиеся бесчинства туристов, заключающиеся в увечивании своего имени путем порчи самых известных памятников, приводили в ярость и Флобера. «Меня злят глупцы, которые пишут свои имена там, где только можно». На подобные варварские действия туристам не жаль потратить ни труда, ни времени; опытные каменщики утверждают, что для нанесения находящихся рядом с древними иероглифами каракуль потребовалось по меньшей мере два дня усердной работы молотком. Правда, культурные люди редко имеют возможность забыть об откровенно некультурных; имеющая историческое значение дата пребывания их в прославленном месте, так сказать, привита камню. Люди большей частью утратили чувство приличия, писал Джон Голсуорси (1867—1933). Пожалуй, так оно и есть, поскольку все эти бесчинства продолжаются из века в век.

Храм Гора⁶ в Эдфу обладает, видимо, какой-то противоестественной привлекательностью. Здание это, построенное около 327 г. до н. э. при Птолемеи III, служит жителям окрестных селений чем-то вроде выгребной ямы. Тем не менее дамы и господа из самого лучшего общества высекают здесь, среди ужасающего зловония, свои имена на храмовых пилонах⁷, относящихся к позднему времени Египта, откалывают куски камня, чтобы, вернувшись на родину, поместить их в витрину или на декоративный шкаф.

В 1852 г. в нескольких километрах от Эдфу туристов застали в храме близ Гебель-Сильсиле, где они копали ямы среди развалин, оббивали стены, чтобы таким допотопным способом по сходной цене обзавестись древностями.

Феллахи прекрасно понимают, что хотят чужаки. Прислуживая своим работодателям в качестве временных помощников, они или водят их в многообещающие места, или нашептывают им, какие необыкновенные находки сделали они сами среди развалин. Терпкий ветер Востока прочищает как легкие, так и бумажники иностранцев.

К совершенно необычному типу охотников за сувенирами принадлежали графиня фон Шлиффенберг и ее сын Шлиффен. Молодой, двадцати пяти лет от роду, высокий, нескладный граф фон Шлиффенберг страдал чахоткой, которая уже свела в могилу его брата. Решительная мамаша — дама за шестьдесят — по совету врачей отправилась вместе с оставшимся пока еще в живых потомком одного из старых дворянских родов Пруссии навстречу живительному солнцу и сухому воздуху Египта. Хотя силы и матери, и сына, казалось, не были столь уж велики, страсть к путешествиям сделала их вскоре совершенно бесстрашными туристами и любителями сувениров. Они забрались в глубь Нубии, далеко за 2-ой нильский порог в дьявольски труднодоступные места, которые в то время и для совершенно здорового человека представляли немалую опасность. Необычайно жаркий климат и жизнь в самых тяжелых условиях лишают последних сил даже привычных ко всему людей. Некоторое время мать с сыном считались пропавшими без вести. Когда же в 1853 г. они снова появились в Каире, жившие там европейцы были обрадованы и вместе с тем крайне удивлены, узнав, с чем вернулись Шлиффенберги. Мать и сын — сами, без помощи каких-либо подвластных им духов — приволокли каменную плиту в 1,63 метра высоты, 1,27 метра ширины и весом в несколько центнеров. Как вскоре выяснилось, речь шла о гранитной стеле эфиопского царя Настасена, датированной 325 г. до н. э.⁸ Пожилая графиня и ее юный наследник раздобыли плиту за 3-им порогом в Эль-Орде. Для соответствующего раздела науки нубийский текст стелы, написанный египетскими знаками, с подробным изложением событий царствования Настасена, оказался, что называется, лакомым куском. Эта стела относится к числу важнейших памятников культуры древней Эфиопии.

* * *

Когда незадолго до начала второй половины XIX в. возникло своего рода помешательство на Египте, хедив по настоянию Шампольона и других именитых европейцев издал закон об охране памятников египетской культуры. Два наиболее важных пункта его гласили: 1) вывоз древностей запрещен, 2) все найденные древние вещи следует доставлять в Каир.

Бумага все стерпит. Если власти не выказывают ни силы, ни решимости в проведении принятого закона, люди посмеиваются и тайком решают, как обойти его частые сети. Спекулянты от искусства и ученые лишь устало улыбались при вести об этом законодательном начинании.

Грабители и укрыватели как спруты раскинули свои щупальца, заманивая добычу, — охотников за сувенирами. Частные лица пришли им по вкусу более всего, так как они были малоопытными. Искатели сувениров легкомысленно набивали деньгами карманы, но не могли отличить древние вещи от более поздних, а подлинники от подделок. Агентов же европейских музеев недолюбливали: их считали порядочными скрягами. Кроме того, агенты знали слишком много о предлагаемом товаре. Добро бы они еще торговались, ведь речь шла не об их собственных деньгах. И уж совсем никуда не годится, если вопреки известным, но неписаным правилам воровской гильдии «профессора» в пылу спора ссылаются на мнение мудира. Нет, решительно нет, леди и джентльмены, куда более приятны деловые партнеры.

Среди множества охотников за сувенирами агенты консульств иностранных государств занимали особое место. Надо знать, что не нашлось бы ни одного из этих не слишком почтенных чиновников, кто к концу срока своей службы не сделался богатым человеком. Крупные сделки они заключали от имени официальных представителей, аккредитованных при хедиве; но ухищрения, приносявшие наибольший доход, предназначались частным лицам. Для приезжавших гостей устраивался льстящий их самолюбию спектакль: навстречу под парусом выходила лодка, и еще вдали от причала компанию искателей приключений приветствовали ружейным залпом привычные к этому занятию бандиты. Француз, выдавший подобные трюки, писал: «Советую путешественникам быть настороже с продавцами древностей. Один из них, будучи консулом некоего государства, в Луксоре знакомится с богатым иностранцем и приглашает его на обед, обставленный в истинно арабском духе. Во время десерта раздается стук в дверь; слуга докладывает, что пришел местный житель и предлагает заслуживающие внимания недавно найденные древности. Его впускают, и богатый иностранец, не сумев превозмочь искушения, по совету консула покупает вещи, в действительности принадлежащие хозяину дома». Торговцам на черном рынке издавна хорошо известен метод обхождения с приезжими. Для того чтобы удовлетворить пристрастие к древностям и придать сделке оттенок приключения, предварительные переговоры сопровождаются игрой на нервах покупателей. Выставленные в витринах предметы приносят меньше прибыли в сравнении с тем, что продается во тьме или полутьме закоулков и внутренних дворов. Воров-

ская добыча должна источать своего рода аромат, если за нее хотят получить достойную сумму. «Тише, не говорите громко, это опасно!» Подобные слова придают покупке характер священнодействия и ведут к поднятию цены. Душа ликует от удовольствия, когда краденые вещи благополучно минуют в конце концов александрийскую таможню!

А начинаются подобные инсценировки следующим образом. Вереница ослов под гортанные окрики погонщиков возвращается из Долины царей; дамы и господа в изнеможении опускаются на разостланные в тени чахлах пальм пледы и подушки. В подходящий момент появляются темные личности из Курны или Эль-Кохи и с помощью выразительных жестов и интригующего нашептывания пытаются подсунуть обществу благородных господ, находящемуся в крайнем возбуждении, древности, которые несколькими часами раньше они получили у агентов консульства. Погонщики не только водят караваны, но и активно участвуют в торговле сувенирами. Во время путешествий в чужой стране зарождаются связи, которые облегчают торговлю любыми товарами. Благодаря этим связям на рынке из-под полы сбывались откровенные подделки.

Еще не возник большой спрос на грубую имитацию, в продажу еще шли подлинники, а на рынке уже стояла проблема подвоза скарабеев (популярных амулетов в виде жуков). Феллахи начали производить их в домашних условиях. Они наизусть знали все картуши⁹ с надписями Тутмоса III. Таким образом появились подделки с одним и тем же текстом и одинаковыми знаками властителя XVIII династии.

«Они предлагают скарабеев из стеатита. На большинстве из них известные каждому феллаху картуши Тутмоса III. Цена упала с 10 шиллингов до 10 пфеннигов», — сообщал иностранец, посетивший Фивы в 1860 г. Юркие, живые погонщики были прекрасными психологами; они сразу могли определить, что желает дама, и извлекали необходимый предмет, так сказать, из рукава. Во время прогулок по пустыне погонщики сновали среди господ и внимательно прислушивались к разговорам. Не зная языка, они понимали часто повторяемые слова, означавшие ту или иную вещь. Этого оказывалось вполне достаточно, чтобы спрос можно было удовлетворить из семейных запасов. Ведь дамы платили золотом, доставая из надушенных ридикюлей туго набитые кошельки. Если парни становились слишком назойливыми, они получали иногда от мужей этих дам хороший удар хлыстом. Подобную мелочь погонщики воспринимали с кисло-сладкой улыбкой как аванс в заключаемой сделке. Все они думали о своей судьбе, знали, что из их круга вышли люди, которым подпольная торговля древностями принесла значительное состояние.

Мухаммед-бей Мухассиб (1843—1928) являлся в этом смысле

примером молодежи. На стезю погонщика он ступил, начав прислуживать английской писательнице Люси Дафф-Гордон, которая начиная с 1863 г. в течение многих лет жила в луксорском Французском доме. Погонщик Мухассиб скончался в Луксоре, став известным человеком; он принадлежал к плеяде крупнейших торговцев своего времени. Его торговля с европейскими и американскими коллекционерами и агентами музеев часто балансировала на зыбкой грани законной и противозаконной деятельности. Он играл ведущую роль, получая при этом огромные барыши от продажи наиболее значительных произведений египетского искусства.

* * *

Французский археолог Огюст Мариетт, как уже говорилось, снижал международную известность, открыв мемфисский Серапеум, кладбище Аписов. Через семь лет после своего возвышения вице-король Саид-паша назначил Мариетта — основателя национального Египетского музея — его директором. Национальный музей, а также центральное управление Службы древностей под руководством приступившего к делам Мариетта попытались упредить нападения «полуварваров-туристов». Из тогдашнего Булакского музея было направлено следующее предписание таможенным службам: «Экспорт древностей запрещен. Тюки, как и вообще всякого рода грузы, покидающие Египет, должны проходить досмотр, обнаруженные древности подлежат конфискации, если их владельцы не имеют разрешения на вывоз, выданного Булакским музеем».

В Александрии приезжавших предупреждали о запрете, однако коллекционеры, агенты музеев и группы туристов не обращали на него серьезного внимания. Было известно, что в органах контроля свили гнездо люди, которые за соответствующую мзду готовы закрыть глаза на все нарушения закона. Кроме того, за спиной людей с именем и положением, официально производивших закупки для учреждений по охране культуры, часто стояли весьма сомнительные лица, которые оказывали помощь отнюдь не ради препровождения времени. Они отбивали заслуженный бакшиш у торговцев, укрывателей и воров.

Если щекотливые дела официальных лиц улаживали к общему удовольствию обеих сторон крупные чиновники правительственных служб, то к туристам на помощь приходили драгоманы, которые колдовали над их добром и, словно кролик из цилиндра фокусника, появлялись всякий раз, как только таможенник принимался с пристрастием рыться в тюках. Таможенные декларации с такой молниеносной быстротой переходили из рук в руки, что никто не решился бы сказать, будто тут происходит что-то незаконное.

Таким образом, знание психологии играло (и играет!) существенную роль в не вполне законной торговле древностями. Чем спокойнее иностранец ведет себя с таможенниками, тем реже блюстители закона отваживаются использовать имеющиеся предписания. При этом, как правило, содержимое бумажника равносильно волшебному «Сезам, откройся!»¹⁰ — но об этом следует упомянуть лишь между прочим. Туристы пытаются заморочить голову таможеннику и обойти закон; поистине полчаса, проведенные перед стойкой таможни, вызывают самые тревожные переживания: «Пройдет, не пройдет? Удастся провезти «сувениры»?»

Один из членов английской экскурсионной группы, совершавшей в 1880 г. при помощи компании «Кук и сыновья» путешествие по Нилу, сообщает о том, что случилось на таможне при отбытии туристов из страны: «В Александрии путешественники хотели избежать таможенного досмотра, так как среди вывозимых вещей было много охотничьих ружей и предметов древности. Мы передали одному из чиновников хороший бакшиш, забыв при этом о его коллеге. Последний счел себя бессовестно обманутым и незамедлительно доложил обо всем старшему таможеннику.

Весельчаки немцы, поездка которых оплачивалась из кассы мужского певческого общества, поняли, что теперь уже никаких денег не хватит, чтобы избежать строгого досмотра. Старший таможенник, узнавший о случившемся, приказал новому служащему тщательным образом проверить багаж иностранцев; но тот, как вскоре выяснилось, также принадлежал к любителям бакшиша. Благодаря назначенному старшим таможенником служащему отъезжающим удалось сделать следующий фокус.

Туристы образовали тесный круг около груды своих вещей, внутри которого находился указанный чиновник. Затем один из чемоданов, замок которого щелкал особенно громко, открывали раз тридцать и после очередного щелка выносили из круга один из так и не раскрывавшихся чемоданов.

В это время сопровождавший путешественников драгоман занимал начальника таможни свежими анекдотами.

Таким образом певческому обществу «Теперь нет в мире лучших стран» великолепно удалось одурачить александрийскую таможню».

Тем не менее неопытные туристы попадают при попытке незаконного вывоза предметов древнего искусства. Как они ни пытаются скрыться в толпе, чтобы почувствовать себя среди массы людей более уверенными, страсть к собирательству иногда подводит их.

Впрочем, большие группы путешествующих делают тщательный досмотр почти невозможным. В страшной сутолоке таможенники кое-как, наспех проводят досмотр, лишь бы поскорее двигалась оче-

редь отъезжающих. Однако теперь их провести стало труднее. Прежде дамы прикрывали античные вещи к саквояжам бельем, прятали скарабеев в благоухающих пудреницах, а другие сувениры помещали под корсет. Рядовые таможенники, в недавнем прошлом феллахи, краснели и закрывали крышку чемодана. Причастные к досмотру чиновники более высокого ранга понимали, что панталоны и другие предметы дамского туалета — это просто-напросто маскировка. Из почтения к дамам обыск не производился. Личный досмотр, если на него вообще отваживался таможенник, заканчивался всегда истерическим воплем: «Нет, нет, сэр!» Руки прочь, сыны Солнца!

* * *

Сегодня, как и прежде, при встрече со служащими таможни свою роль играет и сила воображения. Ведь удалось же в 1897 г. одному парижанину провезти большую деревянную статуэтку через александрийскую таможню. Не имея разрешения на вывоз, он вспомнил о присущей Востоку страсти к сложению сказок. Вкрадчивым, но страстным голосом француз сообщил чиновнику, тотчас же обратившемуся в слух, что он очень суеверен и что уже сейчас у него дрожат колени при мысли о плавании в Марсель. Именно об этом он якобы и размышлял некоторое время тому назад, когда незнакомый крестьянин, терпевший, по-видимому, сильную нужду, предложил ему эту фигурку. «Я подумал, — продолжал француз, — не есть ли то перст судьбы, указующий помочь бедному человеку, и купил статуэтку. С тех пор я ни на мгновение не расстаюсь со своим талисманом. Без подобного приносящего счастье предмета корабль наверняка потонет». При этом усы парижанина задергались и взгляд наполнился ужасом. Перед чиновником стоял убитый горем человек. Неужто он, рядовой служащий таможни, должен спорить с судьбой, похищать детей у их отцов? Тягаться с морской компанией «Месаджерис меритаймс»? И таможенник пропустил француза вместе с его статуэткой. *Agabi' tak maßr?* Как понравился вам Египет? *Adieu!*

* * *

О том, как уважают законы этого государства туристы, можно узнать из первых путеводителей — бестселлера *Cook's Handbook* или появившегося на рынке в 1887 г. путеводителя¹¹ по Нижнему Египту. Как мы уже смогли убедиться, туристы не обращали никакого внимания на таможенные правила страны, гостями которой они становились.

Итальянец Джованни Даттари (ум. в 1923 г.), опытный сотрудник компании «Кук и сыновья», с увлечением собирал древности и был весьма внимателен к нуждам вверенных ему путешественников. Однако если уж такой служащий бюро путешествий, как Даттари, пренебрегал указаниями проспектов, то что говорить о простом туристе?

Удивительные товары заполняли буквально каждую витрину! В Каире и Александрии «честные» сделки заключались в затененных задних комнатах лавок базара, в квартирах укрывателей, которые рассылали связных в переулки и к отелям. Укромные уголки дорогих гостиниц, казалось, были созданы для такой «честной» торговли. С законами, запрещавшими вывоз древностей, не считались.

Иногда официальные и частные скупщики собирались в отеле «Нил», который в XIX в. служил местом встреч международных спекулянтов произведениями искусства, укрывателей краденого и торговцев. Это пестрое общество смешивалось здесь с отдыхающими, среди которых были и подтянутые лорды и офицеры из колоний, не терявшие надежду «подстрелить» в Египте кое-какие древности. А над отелем разливалось благоухание Аравии. Каждый думал, что где-то рядом находится рай...

* * *

В 1867 г. на Всемирной выставке в Париже был впервые выставлен «гроб из страны фараонов», обранный тяжелыми драпировками. В мае 1873 г. на Венской всемирной выставке красовалась карта путешествий по Египту, где стрелками в виде красных шнуров были указаны телеграфные и железнодорожные линии. В осенне-зимний сезон 1870 г. в списках американского консульства значились имена 300 американцев, совершивших экскурсию по Нилу. Путешественников из Европы было так много, что их уже не брали в расчет. Вокруг ученых крутились большие группы любителей сувениров.

В 1900 г. роскошные гостиницы Каира оказались переполненными. Достопочтенный хозяин столь же почтенного отеля «Пастыр» Чарльз Бейлер был весьма расстроен, когда ему впервые пришлось на ночь устроить приезжих в зале отеля, окружив мягкие диваны ширмами. Для жилья приспособлялись даже отслужившие свой век спальные вагоны первой железнодорожной линии Джорджа Стивенсона (1781—1848). Компания же «Кук и сыновья» работала без устали: ее корабли скорыми рейсами доставляли в Верхний Египет новые и новые группы англо-американских путешественников.

Можно легко себе представить: возникший чудовищный бум привел к тому, что некоторые предметы древностей стали быстро иссякать. Тогда славные потомки Сети I нашли достойный выход из положения: они начали изготавливать фальшивые мумии из ослиных шкур. Страсть к приобретению подлинных сувениров не исчезла, а между тем многие туристы с удовольствием увозили подделки.

Среди охотников за сувенирами всегда находились и молодые любители древностей. Так, например, в 1890 г. в Луксоре появился мистер Альберт Галлантин. Он начал методично создавать основу своей превосходной египетской коллекции. Мистеру Галлантину, родившемуся 8 января 1880 г., к этому времени было от роду неполных десять лет. Шиллер был прав, говоря, что «рано начинает тот, кто желает стать мастером».

* * *

Ужасны и неизгладимы следы браконьерской охоты «ценителей» древнеегипетского искусства. В 1976 г. три немецких туриста промышляли среди холмов Эль-Махамид, в 85 км западнее Луксора. В погребальных сооружениях времен Среднего и Нового царств они вырубали понравившийся им кусок из толщи камня. Нагрянувшая полиция хорошенько намяла им бока — для памятности.

В феврале 1978 г. сотрудники полицейской службы задержали француза по фамилии Жежи. Бдительные чиновники обнаружили спрятанную среди белья статуэтку из песчаника, которую Жежи, видимо, незаконным образом приобрел в Западных Фивах. Француз не выдал продавца древностей, так как намеревался, по всей вероятности, еще раз побывать в здешних местах. Статуэтку конфисковали, а иностранцу позволили уехать в Каир. Но, как сообщил мне майор полиции Ауяд, 13 февраля 1978 г. Жежи был занесен в черный список. Так что теперь ему следует держать ухо востро.

Осенью 1978 г. я сам видел, как торговец Рафе из Дра абу-ль-Негга предлагал одному бельгийцу мумифицированную человеческую ногу (рис. 28) за 80 фунтов; торг происходил во дворе отеля «Марсам». Цена за высохшую стопу показалась бельгийцу слишком высокой, а потому он позволил всучить себе каменную плиту с рельефом, размером 24×18 сантиметров. За нее Рафе запросил и, что самое интересное, получил 50 фунтов, т. е. куда больше, чем за грубую подделку из гипса и шамота. Торговец готов был продать эту подделку любому; я видел, как он дважды предлагал сувенир одному и тому же покупателю. Подобные сделки доставляют особое удовольствие.

Летом 1978 г. мы невольно сделались помощниками графиров Службы древностей. Расположившись на западном, фиванском,

берегу Нила, а точнее, в Мединет-Абу, где находится поминальный храм Рамсеса III — яркий образец египетской монументальной архитектуры, наша группа работала над съемкой фильма. Неожиданно появились японские туристы. Надо сказать, что среди туристов разных национальностей японцы отличаются особой благовоспитанностью, дисциплиной и умением разговаривать негромко. Наши японцы обошли храм Амона с выражением почтительности на лицах. Они тихонько расхаживали по большому колонному залу прямоугольного храма, в нескольких помещениях которого находились фрагменты рельефов, закрытые решетками. Перед входом в зал лежала груда строительного мусора, оставленная, видимо, реставраторами. То, что всюду пренебрежительно считается сором, в стране на берегах Нила непременно обращает на себя внимание иностранцев: а вдруг под ним скрывается какая-нибудь древняя вещица? Небольшого роста дамы и господы сбросили маску буддистской сосредоточенности... и начали выбирать из этой груды мусора один камешек за другим. Посмеиваясь, мы наблюдали, как множество ничего не стоящих камней разной величины исчезали в голубых нейлоновых мешочках. Это не опасно.

В полуденный час графиры имеют обыкновение забираться в тень, чтобы не спеша напиток там чаю. Таким образом, блюстителей порядка в храме не было. Один из японцев, позабыв своих синтоистских богов¹², просунул ручку своего желтого зонтика сквозь решетку и пытался вытянуть фрагмент рельефа. Боясь, чтобы кто-нибудь не увидел его, он обернулся. Мы предостерегающе, но с улыбкой, покачали головами; зонт тут же вернулся на свое место. Смущенные японцы, приняв в свое сообщество грешника, молча удалились.

В 1977 г. мой друг адвокат Абузеед из Луксора рассказал интересную историю. Но прежде чем изложить ее, я хотел бы предупредить тех, кто отпуск собирается провести на Востоке. На рынке сувениров встречаются подделки трех сортов: очень хорошие, умело сделанные и грубые. Новички пусть утешаются тем, что даже специалисты в области международной торговли предметами искусства попадали впросак на подделках первого сорта, хотя и никогда не оставляли их у себя (в отличие от собирателей). Скрыв досаду, они выставляли приобретенную вещь в зеркальной витрине, сопроводив ее ценником с четырехзначной цифрой. В конце концов товар кто-нибудь покупал. Египетские ремесленники испокон веков умели хорошо работать... и шутить.

Герой рассказа адвоката Абузееда турист из Швейцарии стал жертвой шутки, а вернее, небольшого надувательства со стороны торговца Абдалла из Шейх-Абд-эль-Курны, неприступной крепости великих разбойников. Пока швейцарец в задумчивости обходил сту-

пенчатый храм царицы Хатшепсут, Абдалл сумел снискать его полное доверие. Маленький рельеф, который араб достал из складок своей галабеи, был так же фальшив, как и уверения, будто получен он от доброго друга, который незадолго до того именно в этом храме вырубил его из стены. Швейцарец лишь на мгновение увидел рельеф, ибо через минуту он вновь исчез под одеянием Абдалла. При этом торговец потянул туриста за собой, чтобы показать на стене храма Хатшепсут небольшое пустое отверстие. Смотрите сами! Вот здесь, на стене находился недавно рельеф!

У швейцарца мороз прошел по коже, ведь, пожалуй, он имеет дело с настоящим грабителем усыпальниц. Редкостная удача! Торговая стратегия Абдалла — само совершенство: у входа гафиры, немецкий профессор со студенческой группой, толпа туристов. «Me Kalabush!» («Тюрьмы мне не миновать!»). Швейцарский подданный решил немедленно купить столь редкую вещь за 150 египетских фунтов. Но Абдалл — истинный хранитель наследия страны на берегах Нила — потребовал, чтобы покупка состоялась вечером и через посредника. Он прекрасно понимал значение напряженной драматургии своего фокуса.

Вечером извозчик доставил покупку в отель «Савой», где снимала номера группа швейцарских туристов. Здесь он передал рельеф дежурному по этажу, который отнес его нетерпеливо ожидавшему постояльцу. Сделка совершилась.

Гиды-переводчики, с недавних пор удачно называемые аниматорами¹³, также совершают сделки с туристами, кроме того, они являются отцами-исповедниками в интимных замыслах своих доверителей. Хорошо знавшая Египет переводчица группы скользнула взглядом по рельефу, когда соотечественник попросил ее помочь вывезти эту вещицу. Она успокоила контрабандиста — правда, весьма своеобразным образом. На следующий день она организовала незапланированную поездку на западный берег Нила в Эль-Гинейну. Переводчица не раз бывала на крохотной фабрике, выпускавшей изделия из алебаstra; но ее соотечественники и тут буквально рот разинули (рис. 32—34).

Это было семейное предприятие, нечто вроде домашней мастерской. Представители всех поколений, за исключением младенцев, работали в просторном дворе дома. Визжали сверла. Молодые люди оббивали молотками камни различных пород. На группу приезжих путешественников они не обратили ни малейшего внимания; возможно, работа попалась сдельная.

Тут у нашего предприимчивого швейцарца возникло легкое подозрение, перешедшее вскоре в полную уверенность: в тесной выставочной комнате он увидел множество рельефов, похожих на рельеф Абдалла, но имевших одно существенное различие: в мастер-

ской, среди бела дня, они продавались за 15 фунтов! Мастера золотые руки звали Райат; тонкие рельефы он вырезал, пользуясь единственным инструментом — ножом для обрезания линолеума. Когда рельеф был готов, он передавал его своему четырехлетнему брату, который сухой щеткой наводил на камень несмываемую пати-ну. Серийные изделия этой мастерской относились к разрешенным законами предметам художественного ремесла.

Швейцарец хотел выяснить, не знакомы ли работники здешней мастерской с Абдаллом из Дейр-эль-Бахари. Нет, его никто не знает. Усердные кустари продолжали с улыбкой вырезать свои поделки.

Мой совет новичкам, попавшим на рынок сувениров: будьте осторожны, покупая «подлинные вещи»! В Египте много маленьких предприятий типа мастерской в Эль-Гинейне и много Абдаллов, которые заказывают там сувениры, — они платят за работу вдесятеро дешевле, а продают товар вдесятеро дороже.

* * *

Мелкая торговля подделками древностей процветает; подлинники попадают все реже и реже. Неопытные люди не замечают этого, чем и пользуются прожженные спекулянты. Не исчезает вечная как мир страсть к собиранию древностей; это и понятно, если есть возможность вывезти из страны ценный гостинец. Если вы желаете блага Египту, пожелайте удачных сделок торговцам подделками. Пока их товар находит спрос, от варварского разграбления гарантированы хотя бы памятники архитектуры.

Если в 1870 г. американское консульство посетило 300 американцев, то в 1970 г. египетские отели приняли в общей сложности 4 млн. 574 тыс. человек, в том числе тех, кто останавливался хотя бы на одну ночь.

В сентябре 1978 г. число посетителей каирского Национального музея за один день составило 18 000. К 1982 г. в Египте предполагалось создать 6500 гостиничных мест, 19 500 мест для ночевков на виллах и в палаточных городках, построить 30 000 меблированных квартир для отпускников. Невозможно представить себе, что произойдет, если каждый из путешествующих увезет с собой даже самый незначительный подлинник! Да будут благословенны фальсификаторы! Да будет благословенно их искусство, создающее предметы, трудно отличимые от подлинников!

В мае 1979 г. один западногерманский предприниматель, занимающийся торговлей произведениями искусства, с усмешкой рассказал мне о том, как он представляет себе будущее:

«А знаете, если увлечение Египтом будет продолжаться, то у нас снова появится возможность наживать капитал на египетских древ-

ностях в стране, из которой они происходят. Мы сможем очень выгодно сбывать туда свои товары, так как появится новое поколение туристов, а каждый из них — это покупатель. То, о чем я говорю, это не фантазия, ведь там, где человек хочет достать какую-нибудь вещь за любые деньги, цены растут необыкновенно быстро. Мы снова получали бы прибыль от своего ремесла».

Я согласился со своим собеседником. Ему нельзя отказать в известной доле логики, хотя мысль о возвращении египетских древностей на их родину кажется на первый взгляд невероятной. Если предвидения торговца сбудутся, египетская земля еще больше пострадает. Однако несмотря ни на что, здесь действует непреложный закон: не существует сделки, столь грязной, чтобы ее нельзя было заключить. Тут нет ограничений. *Non plus ultra!* Ни шага вперед, стой! Египет был и остается страной открытий — в любом смысле этого слова.

«Отец черепов», или Первое путешествие мистера Баджа в Египет

Генерал Фрэнсис Уоллес Гренфелл командовал английскими войсками, расквартированными в Египте¹. Но время от времени сэр Фрэнсис с удовольствием сбрасывал форменный сюртук, украшенный орденами, чтобы предаться хобби: с начала 1886 г. он раскапывал гробницы на горных склонах близ Асуана. В поминальных сооружениях, построенных во времена Древнего и Среднего царств областеначальниками и вельможами близ старинной крепости Элефантины, он находил прекрасные вещи. Подобно золотоискателю, сэр Фрэнсис сделал заявку на поднимающиеся западнее Нила скальные отроги пустынных гор. С характерной для британца наивной убежденностью, что происходит нечто само собою разумеющееся, он приказал поставить на облюбованной им территории щиты с надписью: «Заявка на участок сделана!» Гренфелл, страстный любитель раскопок, понял, что пришло время привлечь к делу специалиста. И он выехал за ним на Британские острова. Интуиция привела сэра Фрэнсиса к заместителю главы отдела Британского музея, научному консультанту по ассирийским и египетским древностям Альфреду Томпсону Баджу² (рис. 38). Как истинный генерал, Уоллес Гренфелл не любил обходных маневров, поэтому он направился прямо к главному библиотекарю музея Эдварду А. Бонду. Генерал обещал передать Британскому музею все сокровища захваченной им территории близ Асуана при условии, что руководство музея направит туда Баджа для проведения необходимых работ. Музейное начальство увидело в этом предложении прекрасную возможность увеличить численность экспонатов и обратилось в Форин оффис с просьбой дать указание британскому генеральному консулу в Египте Эвлину Берингу поддержать рачительного генерала.

Получив указание министерства, Эвлин Беринг погрузился в размышления. Слишком часто ему приходилось улаживать скандалы, вызванные неосторожным поведением соотечественников — туристов, археологов и торговцев, а это омрачало его добрые отношения с правительством Каира. Но генерал Гренфелл сразу перешел в наступление. «Разве вам не известно, — спрашивал он генерального консула, — что представители немецких, русских и французских музеев ревностно скупают для своих собраний египетские ценности? Это просто счастье и, вероятно, последняя возможность — произвести раскопки в Асуане с помощью британских солдат и обогатить империю обнаруженными сокровищами».

Прежде чем депеша из Каира доставила консулу новую тему для размышлений, дело разрешилось самым благоприятным для генерала образом. Его ходатайство попало на стол министра иностранных дел Роберта А. Т. Солсбери (1830—1903), проводившего истинно британскую политику завоеваний. В то время он уделял большое внимание завоеванию Судана и подчинению буров. Британия превыше всего! Солсбери распорядился перевести 150 фунтов казенных денег для оплаты асуанской экскурсии; генеральный консул в Египте Беринг не возражал. Британский музей освободил Баджа на четыре месяца от исполнения служебных обязанностей, и он мог теперь отправляться в свое первое путешествие по Египту.

Не успел еще пароход «Пекин» бросить якорь в Порт-Саиде, как Бадж получил телеграмму от вице-канцлера Кембриджского университета. Баджу поручалось произвести ряд закупок для Фитцвильямского музея. К телеграмме прилагался чек на сумму в 100 фунтов. Когда «Пекин» входил в гавань Порт-Саида, Бадж располагал 250 фунтами и весьма полезными сведениями. Вместе с ним на корабле оказался пастор В. Дж. Лофти, страстный любитель археологии, не раз вызывавший смех у египетских феллахов своим жеманством и костюмом из лучшего твида. Пастор продал Британскому музею около 200 скарабеев. Все возбуждало интерес у новичка Баджа: он внимательно ко всему прислушивался, преисполненный решимости использовать полученные сведения.

Прибыв 30 ноября 1886 г. в Каир, Бадж остановился в доме генерала Гренфелла, назначившего начало операции «Асуан» на 4 декабря. Высшие офицеры собрались в доме генерала, чтобы выпить бутылку портвейна, раскурить первосортную гаванскую сигару и выразить почтение английской науке в лице Баджа. Лукаво улыбаясь, штатский слушал со вниманием и наблюдал. Во время визита у генерального консула Беринга на Баджа повеяло легким холодом. Дипломат старался внушить молодому соотечественнику, что Англия как оккупационная держава не в праве приобретать культурные ценности Египта без согласия хедива, а любое нарушение этого условия

может повлечь за собой серьезные политические последствия. Ему, Берингу, очень не хотелось бы осложнений. Бадж выслушал поучения консула с полной безучастностью, думая о том, что, если нет законного, прямого пути к цели, следует искать незаконные обходы. «Вежливо, но холодно сэр Беринг попросил меня удалиться», — замечает Бадж об этой короткой встрече.

То, что подобные наставления и в самом деле не тронули Баджа, он показал в тот же вечер. Сопровождаемый отцом Лофти, он разыскал отель «Нил» — место встреч покупателей, продавцов и перекупщиков со всего света. Ни один день из отпущенных четырех месяцев Бадж не хотел провести без пользы. В отделе «Нил» он предполагал наладить первые связи и не ошибся. Здесь он нашел общество именитых людей, таких, как Генри Уоллес, Уолтер Майрс и Гревилл Джон Честер, которые вовлекли новичка в свое веселое застолье. «К концу этого долгого вечера я получил большую информацию о способах ведения торговли древностями. Сведения, щедро предоставленные этой «корпорацией», позже принесли мне большую пользу». *Business as usual**.

По сложившейся традиции Гривелл Честер показал соотечественнику Фустат³ — старый Каир, — сделав по пути несколько покупок. Честер знал более дюжины домов, где хранились буквально горы найденных вещей: бронзовые статуи древних божеств, ушебти, амулеты и т. д. С восхищением вглядывался Бадж в поминальные стелы⁴, стоявшие у дверей домов, эти символы удачи для каждого, кто входит сюда. Позже Бадж за хорошие деньги приобретал подобные стелы на местах находки их... и отсылал в Англию.

Штабной план сэра Фрэнсиса вступил в силу. Выделенная команда солдат взяла курс на Асьют, красивый провинциальный город с изящными минаретами и аллеями пальм. Там археологов ожидал неожиданный сюрприз: поднявшись на борт колесного парохода «Принц Аббас» компании «Кук и сыновья», они среди прочих пассажиров встретили Кука-младшего. Благодаря этой встрече во время первого плавания судна по желанию Гренфелла и Баджа оказалось возможным сделать остановку в Ахмиме. В ходе двухчасовой прогулки под древнему Панополию Бадж беседовал с местными торговцами о недавних греко-римских и коптских находках. На судно он вернулся обогащенный новыми впечатлениями: «Торговцы приняли меня чрезвычайно любезно и уверяли, что из почтения к Англии они готовы не требовать немедленной оплаты. Это предложение весьма удивило меня».

В Луксор прибыли вечером. Секретарь генерала Гренфелла Милхем Сакур познакомил Баджа с местным избранным обществом и

* Дело обычнос (англ.).

среди прочих с преподобным Чонси Марчем, издавшим виды американским миссионером, разбиравшимся в Библии едва ли лучше, чем в делах торговцев древностями, их трюках и уловках. Преподобный Марч открыл для Баджа потайные дверцы складов луксорских торговцев. «Их дома полны вещей всех эпох. На складах есть несколько прекрасных гробов, найденных совсем недавно в Ахмиме, а также множество необыкновенных вещей из Куша». (Полагаю, что торговцы уже в ту пору сетовали на недостаток товаров!) В течение одной только недели Бадж получил бесценные сведения.

По приказанию генерала Бадж 11 декабря 1886 г. начал операцию «Асуан». Сугубо штатского человека сопровождала целая команда храбрых солдат. Но прежде, чем она принялась за работу, пришлось пережить большое разочарование: подавляющее большинство найденных Гренфеллом вещей исчезли словно видение. Представитель каирского Булакского музея ограничился лаконичным сообщением, что все найденные древности отосланы Гастону Масперо, директору египетской Службы древностей. Из заметок Баджа: «Какая досада... Я не нашел ни единого памятника, который хотел передать в Британский музей».

Позднее из беседы с Масперо Бадж понял, что не получит обратно ни единой вещи. Масперо усмехнулся: «Я слышал, что несколько интересных объектов из Асуана — не знаю, кому принадлежавших, — переданы некоему лицу из Англии. В качестве бакшиша, мой милый!» Много лет спустя среди имущества бывшего британского генерального консула Эдварда Мейлета Бадж увидел статую Хекайба, чью разоренную гробницу он обнаружил, находясь в Асуане. Но если скальные гробницы были опустошены, усыпальницы XII династии оставались нетронутыми. Бадж работал как раз в этих местах.

Четыре дня понадобилось отряду рабочих из 11-й команды королевских саперных войск, чтобы убрать несколько сотен тонн песка и щебня и открыть доступ к погребальным сооружениям. В прямоугольных камерах, вырубленных в скале, были найдены саркофаги XXVI династии⁵ (664—525 гг. до н. э.) и большое количество мумий греко-римского периода, которые истлели настолько, что их не удалось сохранить. В течение семи недель раскопок было открыто более двух дюжин усыпальниц. Тем не менее результат — не считая приобретенного опыта — оказался ничтожным. Единственное, что Бадж мог отправить в Англию, это фрагмент статуи Са-Ренпута времен XII династии. «Но одна ласточка не делает весны», — замечает Бадж.

Обладая чувством юмора, способностью смотреть на все сквозь пальцы, Бадж не был огорчен неудачей первого предприятия. Он решил копать в другом месте, надеясь там добиться успеха.

Однажды на рабочем столе Бадж увидел телеграмму, присланную из Кембриджа профессором Александром Макалистером. Он знал, что профессор разрабатывает теорию происхождения населения Древнего Египта. Поэтому его не удивила высказанная в телеграмме просьба антрополога прислать для исследований несколько черепов (рис. 37). Разумеется, получив помощь от Кембриджского университета, Бадж постарался немедленно удовлетворить пожелание Макалистера. Он приказал открыть одну из гробниц на острове Элефантина, о которой было известно, что она принадлежит жрецу, служителю божеств храма в «граде, стоящем среди струй». В конце концов набралось восемьсот черепов — намного больше, чем требовалось. Часть из них принадлежала плохо спеленутым мумиям, которые давно лишились голов. Черепа доставили в лагерь англичан на восточном берегу. Для того чтобы сколотить для них соответствующее количество ящиков, требовалось время и много досок. Бадж распорядился сложить черепа около своего жилья, рядом с одной из пирамид. Через неделю заметили, что они стали исчезать. Поскольку лагерь почти не охранялся, было высказано предположение, что это дело рук местных воришек. Однако вскоре выяснилось, что черепа крали не дети феллахов, а рыскающие повсюду шакалы. Бадж вспоминал: «Это казалось странным. До тех пор пока кости лежали неприбранными в лагере, шакалы держались поблизости. Они караулили ниже по берегу. Я сам дважды или трижды наблюдал, как они, прокравшись, хватали пелены и убегали на холмы. Однажды ночью меня разбудила шумная возня. Шакалы выскакивали из-за моей хижины, каждый — с черепом в зубах».

Бадж запомнил на всю жизнь день, когда он отсылал потусторонний груз. Египетские законы воспрещали вывоз мумий, а также останков людей. А ящики с черепами обязательно должны были пройти контроль на александрийской таможне. Ее служащий потребовал открыть один из ящиков: на чиновника смотрели пустые глазницы голого черепа. Бадж объяснил цель пересылки. Египтянин посмотрел в таможенную декларацию, где значилось: «голова мумии», и покачал головой. Вывозить это не разрешалось. Без лишних слов он протянул через стол новый формуляр и предложил в декларации назвать груз костным удобрением. Бадж незамедлительно сделал это; он заплатил по несколько центов за каждую голову, и ящики беспрепятственно начали свой путь в Кембридж. Бадж писал в дневнике: «Общение со служащими таможни научило меня тому, что это, видимо, наилучший способ действия во всех случаях жизни». Местные феллахи называли Баджа «отцом черепов». Боги явно благоволители к нему. То, что другим причиняло вред, ему приносило пользу. Как-то ранним утром в лагерь пришла группа египтян; они принялись расспрашивать Баджа бог весть о чем.

Сообразительный британец тут же догадался: пришедшие наверняка подсланы каирским Булакским музеем, чтобы не спускать с него глаз. Общение Баджа с местными жителями не осталось скрытым от Службы древностей. Агенты музея требовали от населения (со ссылкой на законы) держаться подальше от беззастенчивых английских предпринимателей, не предлагать никаких древностей тем, кто готов заплатить любые деньги, но вызывает малейшее подозрение.

Всевидящие и вездесущие феллахи подняли большой шум вокруг требований агентов музея, рассказали о них торговцам и любителям раскопок. А дела Баджа тем временем процветали. Крупные и мелкие торговцы как мотыльки вились вокруг «отца черепов»; им больше нравилась хорошая сделка с беззастенчивым богачом, чем плохая — с человеком порядочным, но бедным. Ближе к ночи они или выкладывали товар на своих лодках, причаливших к берегу, или шли прямо в лагерь англичан.

Бадж был честен, уверяя приходивших к нему торговцев, что его карманы почти пусты; но египтяне просто навязывали ему свои находки. В то время безупречная репутация Английского банка приносила пользу даже Британскому музею и открывала любой кредит у торговцев. Бадж понял, что наступил звездный час, и принялся покупать.

Среди приобретенного находилась и каменная плита с греческой надписью, излагавшей указ Птолемея X. Не знаю, смеяться тут или плакать, но камень этот годами служил для вытирания ног перед входом в жилище какого-то феллаха. Бадж совершил великое дело, когда за бесценок приобрел его.

«Нить счастья длиннее, чем локоть торговца сукном» — гласит арабская поговорка. Если ее радостный оптимизм должен все-таки иметь границы, для Баджа их не существовало.

На Асуан обрушился тропический ливень, кварталы города тонули в желто-коричневых потоках, старое арабское кладбище близ древних разработок гранита — с магометанскими погребальными сооружениями раннего периода, около 600 г. н. э.⁶ — было размыто водой и уничтожено. Баджа, слывшего у отцов города знающим человеком, молили высказать свое мнение об этом несчастье. Он осмотрел место катастрофы: у гробниц, перекрытых куббами — побеленными, обмазанными глиной куполами, — поток размыл часть кладки; вырубленные из песчаника надгробия с куфическими надписями* оказались сорваны со своих мест. В глубине души Бадж ликовал: египтянам не хотелось, чтобы эти плиты были

* Куфический шрифт (от города Куфа) — монументальная форма арабского шрифта, применявшаяся в надписях на камне. — *Прим. авт.*

украдены и затем проданы в качестве строительного материала. Он тут же сообразил, как ему поступить, и стал уверять городские власти, что знает вполне надежное место для сохранения надгробий. Правда, находится оно вне Египта, но можно ручаться, что там древние ценности будут почитать во веки веков. На лицах удрученных горем арабов появилась радостная улыбка; они поблагодарили бескорыстного иностранца и дали согласие на перенос камней.

Той же ночью Бадж в сопровождении английского офицера поскакал под проливным дождем к арабскому кладбищу, чтобы не медля собрать часть надгробий и навьючить их на верблюдов. Он боялся, что данное ему обещание может измениться в любой момент.

Однако все шло как по маслу. Неожиданно помешал агент Египетского музея: он потребовал возвратить надгробия. Бадж решительно отверг наглые притязания; он упорно защищал «подаренные» ему вещи. Агент — смешно сказать! — предложил англичанину круглую сумму за возвращение камней. Но деньги есть и у Баджа, он хочет лишь получить «свои» камни! Продолжение этой истории подтверждает истинность психологического портрета англичанина, сделанного Бернардом Шоу: «На свете дураков — как листьев на дереве. Поэтому англичанин ведет себя подобно гусенице. Он инстинктивно создает для себя образ дурака, а затем с удовольствием пожирает всех попадающихся дураков».

Бадж дураков просто глотал! Агент музея настраивал окрестное население против Баджа; он отправился к Маамуру, губернатору этой области, и пожаловался на недопустимые действия иностранца. Но нить счастья Баджа оказалась намного длиннее локтя торговца сукном.

Прибывший на следующий день губернатор заверил мистера Баджа в своем благоволении и выразил глубокое удовлетворение тем, что надгробия оказались на попечении британца; сам он лишен возможности сберечь их, пока они находятся в Асуане. Между прочим Маамур упомянул и о шести камнях, находившихся неподалеку от его дома, которые он за умеренную цену готов передать англичанам на сохранение. Бадж намек понял и заявил, что он тронут вниманием губернатора.

Тем временем агент музея задумал план мести. Он настоятельно просил каирскую Службу древностей издать приказ, согласно которому все камни с куфическими письменами следует незамедлительно собрать и доставить в Каир. Не дожидаясь, пока из Каира придет бумага, он велел жителям Асуана собрать все древние камни. Феллахи не знали удержу, они грабили даже новые погребальные сооружения и волокли только что поставленные надгробия на маленький пароход Службы древностей. Нагруженный сверх меры, кораблик двинулся в сторону Каира, однако ниже по течению, близ

Ком-Омбо, он сел на мель. Там пароход простоял, к великой радости Баджа, все лето. Англичанин со злорадством взирал на команду, которая, впав в отчаяние, коротала время на соседней бахче. Феллахи восприняли аварию как месть богов за осквернение недавно поставленных памятников. Баджу снова улыбнулась удача: это не он был причиной многочисленных ограблений.

Операция «Асуан» продолжалась до февраля 1887 г. В Вадихальфа, у 2-го нильского порога, Бадж посетил своего соотечественника, капитана Хендкока, который с небольшим отрядом саперов основательно опустошил остров Филе, эту «жемчужину Египта»⁷. Бадж пополнил здесь свою коллекцию прекрасными объектами.

По окончании операции была составлена опись приобретенных вещей; довольно значительное число мелких предметов пропало. Поиски не дали никаких результатов. Один из египетских поставщиков сообщил Баджу, что неизвестный европеец подбивал жителей Асуана красть древности у англичан. Кто был этот неизвестный, выяснить не удалось; бесспорно лишь то, что действовал он не по чьему-то заданию, — будь то частного коллекционера или музея, — так как феллахи продавали краденое разным приезжим людям.

Случались и совсем удивительные вещи. Однажды с лодки была украдена тяжелая каменная плита, обе стороны которой покрывала греческая надпись. Но счастье подрядилось служить Баджу! Неделью спустя плита нашлась близ Ком-Омбо, в 50 километрах ниже Асуана.

Пока саперы генерала Монморенси грузили заколоченные ящики с добычей на военный корабль и отправляли их в Александрию, Бадж перед отъездом получил сообщение из Луксора о том, что там появились необычные древности, ведущие свое происхождение от фиванских гробниц. Сообщение обрадовало Баджа, однако он не стал суетиться — психология деловых людей была известна ему до тонкостей. Спешка могла привести лишь к поднятию цены. Как бы между прочим он совершил поездку в города Ком-Омбо, Эсна, Эдфу и Армант, чтобы купить несколько вещей, отсылаемых торговцами в Луксор. У Баджа не было ни гроша, но от того, что он увидел в фиванском некрополе, глаза разбегались: «Цены в сравнении с рыночной стоимостью в Англии вполне умеренные. Древности превосходные, но у меня больше нет денег!» В лице Мустафы Аги Айята, агента британского консульства в Луксоре, Бадж снова встретил посланца счастья. Не только потому, что старый Ага сам владел прекрасными произведениями искусства и ссудил Баджу денег; он зарекомендовал себя как горячий поклонник Англии. «Этот человек ставил англичан превыше всех. Он хотел, чтобы Британский музей стал самым большим на свете».

Ага Айят посылал связных на западный берег Нила, созывал

воров и укрывателей в своем доме, знакомил англичанина с видными членами сообщества грабителей. Позднее в Курне, в доме клана Абд эр-Расулов, Баджа угощали не только чаем.

Довольный собой и своим «предприятием Асуан», Бадж поднялся на борт почтового судна, направлявшегося в Каир. Корабль уже готов был к отплытию, как вдруг неожиданно на пристани появился некий торговец. Несколько дней назад феллахи Куша обнаружили и разграбили усыпальницу римского времени с богатым инвентарем. Торговец специально приплыл сюда, чтобы этой добычей услужить мистеру Баджу.

Уже поднята якорная цепь и убран трап; у Баджа нет времени для заключения сделки по обычаям этой страны. Торговец понимает безнадежность положения и не колеблясь протягивает англичанину дорогую находку через поручни: «Пришлешь деньги из Англии, если товар придется по душе!» Счастье следовало за Баджем по пятам до последней минуты.

Британские солдаты погрузили гору ящиков на корабль, шедший в Александрию по каналу Махмудийя. Служба древностей заявила протест. Генеральный консул Эвлин Беринг тщетно пытался приостановить отправку груза. В дело вмешались военные.

В начале марта 1887 г. торговый пароход вышел из александрийского порта. «Мы стояли у пирса и смотрели, как 24 ящика покидали гавань, взятые под охрану преданными нам офицерами из Асуана», — вспоминал Эрнст Альфред Томпсон Уоллес Бадж. Счастливый археолог и собиратель в конце марта сам прибыл в Лондон. 2 апреля 1887 г. в письме, направленном ему из Британского музея, он читал: «...Позвольте засвидетельствовать вам нашу глубокую признательность за тот ум и энергию, с которыми вы исполнили возложенную на вас миссию».

Второе путешествие мистера Баджа в Египет

Все, на что распространяется попечение какого-либо английского музея, имеет больше шансов сохраниться, нежели любая драгоценность, оставшаяся в египетской усыпальнице — пусть даже царской.

Уоллес Бадж

Летом 1887 г. турецкое правительство предоставило новую лицензию британским археологам, ведшим с 1850 г. раскопки в Месопотамии. Близ Куюнджика¹ и в других местах (территории древней Ниневии, столицы Ассирийского государства, располагавшейся на левом берегу Тигра) они нашли сотни глиняных табличек — клинописных таблечек², — на которых был записан эпос о Гильгамеше³.

В связи с началом новых раскопок в Британском музее принялись подыскивать способного человека; выбор пал на Уоллеса Баджа, только что возвратившегося из путешествия по Египту и сделавшего там чрезвычайно удачные закупки.

Вошедший во вкус Бадж вечерами готовился к новому путешествию в край своих грез и успеха, изучал арабский язык и по литературе знакомился с характерными особенностями страны. Одновременно с почетным поручением осуществлять коммерческую деятельность в Месопотамии он получил приватные сведения из Луксора. В Западных Фивах была сделана находка, которую следовало считать самой значительной из всех обнаруженных в Верхнем Египте за последние годы. В конце тайного послания указывалось, что местная крестьянка нашла в окрестностях Тель-эль-Амарны⁴ множество неизвестных доселе глиняных табличек, хотя никто и не знает, имеют ли они какую-либо ценность. Если для мистера Баджа представляют интерес подобные сведения, ему следует как можно скорее попасть в Египет.

Бадж сообщил о полученных сведениях руководству Британского музея. Решение последовало с молниеносной быстротой: Баджу над-

лежит немедленно ехать в Луксор, чтобы затем продолжить свое путешествие через Александрию в Багдад. Средства Баджу, недавно успешно зарекомендовавшему себя, были выделены из особого, секретного фонда.

16 декабря 1887 г. на едва двигавшемся пассажирском судне «Нимен» Бадж прибыл в Александрию, где его тепло встретил ангел-хранитель генерал Монморенси. Из-за опоздания «Нимена» Бадж не попал на колесный пароход, еженедельно отправлявшийся в Верхний Египет; под этим благовидным предлогом Бадж задержался в Александрии и Каире, чтобы на поезде добраться до Асьюта, а затем на корабле — до Луксора.

Как и полагается английскому служащему, Бадж посетил консула Чарлза Куксона, уже предупрежденного кем-то из Каира: прибыл ваш соотечественник, который постарается — весьма решительно, но не всегда законным образом — приобрести памятники древнего искусства. Бадж выслушал от Куксона нотацию подобную той, что прочитал ему в Каире Беринг: не следует вступать в конфликт с законом. «Езжайте, куда вам вздумается, наслаждайтесь здоровым климатом, но не пытайтесь вывезти из страны памятники, в которых новое поколение египтян видит символ славного прошлого». Как будто охотника на древности можно удержать подобным предостережением! Бадж, стремившийся к своей цели, сообщает: «Когда об отеческом внушении консула я рассказал генералу, тот посоветовал мне: «Занимайтесь делом, ради которого вас сюда направили. Если понадобится моя помощь, сообщите немедленно». Монморенси был неприступен в этот момент, как крепостная башня».

Как утверждает Б. Шоу, никто не может сказать англичанину, что он впал в беззаконие, ибо все, что он делает, имеет определенное основание. Классик, видимо, хорошо знал характер своих соотечественников. Бадж получил задание, которое при любых условиях надо было выполнить. Англичанин полагает, будто следует требованиям морали уже тогда, когда ему хоть слегка неловко, продолжает Шоу, но Баджу не случалось испытывать неловкость. Во время своего первого разбойничьего налета он узнал, что французские коллеги никогда не церемонятся, если появляется возможность снабдить Лувр новыми экспонатами. Прежде всего англичанину бросилось в глаза то, что сами египтяне усердно и методично обращают в развалины собственные памятники, чтобы по частям доставить их покупателю. Известно изречение Баджа: спасай то, что можно спасти! Таким образом он отбрасывал сомнения морального плана.

Вместе с Монморенси он отправился в каирский отель «Рофал». Здесь, словно в потревоженном улье, все гудело: одни торговцы шепотом передавали другим полученные сведения. Не только Бадж знал новость о находке в Эль-Амарне — в движение пришла «вся

Европа». Все желали присутствовать при дележе шкуры. Об открытии глиняных табличек ходили самые различные слухи. Было высказано предположение, что найдены так называемые амарнские письма, т. е. дипломатическая переписка между Аменхотепом III, Эхнатоном и Тутанхамоном и царями Вавилона, Ассирии, Митанни, а также с мелкими, подвластными Египту правителями небольших азиатских государств. До 19 декабря 1887 г. это предположение не подтвердилось. Распространился слух, что в Западных Фивах открыта не тронутая грабителями царская усыпальница.

Дельцы черного рынка из отеля «Ройал» с беспокойством наблюдали за действиями «новой метлы» — главы Службы древностей, французского египтолога Эжена Гребо (1846—1915). Месье Гребо решил окончательно пробудить от спячки Службу древностей. Он собрал необходимые сведения и на их основании начал педантичное расследование, используя грубые методы. В результате Гребо нажил в лице представителей элиты торгового и воровского мира злейших врагов. Они затаились и выжидали удобного момента, чтобы наказать нарушителя спокойствия.

Бадж вел замкнутый образ жизни, ибо хорошо понимал, что его внезапное появление, безусловно, привлечет внимание Гребо. Он пришел к выводу, что необходимо как можно быстрее ускользнуть из-под наблюдения шайки соглядатаев руководителя Службы древностей.

Бадж уже укладывал чемоданы, когда месье Гребо собственной персоной пожаловал в отель «Ройал». Самым неделикатным образом, отнюдь не по-джентльменски он пригрозил Баджу тюремным заключением, если вскроются его незаконные сделки с местными торговцами. «Мы имели беседу, многое прояснившую», — отмечает Бадж в своей лоции, и эта фраза выдаст в нем невозмутимого стоика.

Эжен Гребо покидал отель, а Бадж тем временем, схватив чемодан, спешил к вокзалу, чтобы с первым же поездом удрать в Асьют.

Если англичанина не повесит, с ним хлопот не оберешься. И месье Гребо показал свои длинные когти. Едва поезд отошел от перрона, в купе Баджа вошли двое господ. Один из них оказался французом, другой — мальтийцем, оба принадлежали к ордену торговцев и любителей раскопок. Они предупредили англичанина, что гражданские чиновники разместили в поезде полицию для наблюдения за их высокочтимым другом.

Это стоило знать. В Дейр-Мавас, не доезжая 80 километров до Асьюта, француз отклонялся, он хотел получить в Эль-Амарне более подробные сведения о глиняных табличках. Бадж с мальтийцем видели, как с подножки двинувшегося поезда спрыгнули двое в штатском и последовали за их спутником. Предусмотрительно!

Даже самый наивный человек может в конце концов заметить сыщиков: уж слишком непринужденно они ведут себя. Когда Бадж с мальтийцем поднялись в Асьюте на борт парохода, отправляющегося в Луксор, они красн глаза следили за двумя непримстными господами, которые также сели на пароход. Прекрасное самообладание позволило Баджу во время стоянок побывать и на том, и на другом берегу и с молниеносной быстротой осмотреть места, где были сделаны находки, а также склады торговцев. Ищейки Гребо следовали за ним как тени. Но они не мешали Баджу.

В Ахмиме корабль принимал груз, поэтому и у нашего героя было достаточно времени для розысков одного француза, который зарабатывал на жизнь не только продажей хлопкового масла, но и бойкой торговлей недорогими древностями. Гастон Масперо, предшественник Гребо на посту директора Службы древностей, приобрел у своего соотечественника для Лувра обширную коллекцию папирусов, но при этом так надул его, что тот из мести стал заключать сделки с англичанами.

Остроумный и хитрый, хозяин дома получил возможность совершить сделку с Баджем в обстановке полного покоя, пригласив к себе бездельничавших у дверей агентов тайной полиции и приказав подать им обильный ужин. Пока в гостиной ходил по кругу чайник, Баджу никто не мешал запаковать толстый рулон коптских рукописей. Сегодня их можно видеть в Британском музее.

В Луксоре Бадж счел необходимым изменить план своего путешествия. Он отправился в Асуан. Узнав от достойных доверия людей, что Гребо тоже едет в Верхний Египет, но пока находится достаточно далеко, Бадж позволил себе небольшую поездку на юг.

До отправления корабля Баджу удалось нанести визит своему сообщнику, преподобному Чонси Марчу. Миссионер, которого неисчерпаемые недра Долины царей занимали куда больше, чем желание привлечь добрых магометан в лоно пресвитерианской церкви, располагал довольно точными сведениями о фиванской находке и был готов помочь компаньону.

Пароход двинулся наконец в Асуан. Первой заботой Баджа было отправить в Лондон собранные камни с куфическими надписями. Он осмотрел и погребальные сооружения в горах: всю площадку снова покрывали песок и щебень. Никто и не собирался присматривать за гробницами.

В Луксоре, куда Бадж попал очень кстати, он вместе с двумя охранявшими его египтянами под покровом ночи переправился на западный берег. Незаметно они пробрались в одну из гробниц некрополя, где нашли множество вещей: «Мы обнаружили богатые залежи». При свете мерцавшей свечи Бадж принялся разворачивать папирусный свиток: «Мне казалось, что совершается чуть ли не святотатство,

когда я сломал печать и развязал шнур». Бадж осторожно отогнул лишь несколько сантиметров хрупкого папируса⁵. Даже не имея возможности прочесть иератическую (т. е. написанную более употребительным курсивным шрифтом) надпись, он по ярким краскам изображений смог определить ценность находки. Как выяснилось позднее, Бадж держал в руках великолепный экземпляр египетской «Книги мертвых»⁶, сборника заклинаний и указаний о том, как вести себя перед «Судом мертвых». Сборник клали в усыпальницу в качестве погребального приношения. Тщательная дешифровка, произведенная в Лондоне, показала, что длина папируса достигает двадцати метров. Им снабдили «царского писца Ани» для дальнего пути.

В нише погребальной камеры лежал фрагмент еще более древнего экземпляра «Книги мертвых». Пусть Бадж не всегда действовал безупречными, достойными английского служащего методами, но его страсть к сокровищам Древнего Египта была неподдельной. Всю ночь до самого рассвета он провел в погребальной камере, потому что чувствовал радость большого открытия; лишь потом уже ему пришла в голову мысль о том, как бы выгоднее продать исследователям свою добычу.

Выходя из погребальной камеры, Бадж, не меняя каменного выражения лица, бросил несколько неодобрительных замечаний в отношении увиденного. Это был один из приемов, составлявших его тактику ведения торговли. Выказанное лицемерное отсутствие интереса постепенно охладило ожидания феллахов, обступивших Баджа. В конце концов они остались довольны уж тем, что «отец черепов» вообще готов купить что-то. Бадж удалился, унося ценную добычу.

Ревностный собиратель древностей не забывал ни на мгновение, что директор Службы древностей Гребо следует за ним по пятам. Бадж заказал на базаре жестянщику металлический футляр. В нем приобретенный свиток папируса был надежно защищен от гибели, кроме того, возникла уверенность, что жестяную коробку ему удастся надежно спрятать.

Бадж совершил еще одну ночную экскурсию в пещерные усыпальницы Эль-Асасифа и Эль-Курны, прежде чем попал в дом торговца древностями Бея Мухаммеда. Здесь его день начался с плотного завтрака. Господа расположились на крыше дома; первые лучи солнца омывали золотом минареты; сидеть на горе подушек было так приятно; аромат кофе разливался в мягком утреннем воздухе.

Идиллическую картину неожиданно нарушил Мурси — сынишка хозяина, он принес весть о том, что перед домом, похоже, дежурит полиция. Бадж, имевший достаточный опыт общения с разными людьми, вспомнил слова генерала Монморенси: нападение — лучший способ защиты. Он спустился по лестнице и вышел из дома

навстречу командиру отряда полицейских. Тут он узнал, что господин Гребо отдал приказ полиции Луксора занять дома торговцев древностями и наложить арест на их — а равно и мистера Баджа! — имущество. Бадж пожелал увидеть документ, подтверждающий законность этого столь недружелюбного акта. Офицер не мог предъявить предписания и пояснил, что Гребо находится всего в 20 километрах от Луксора, а приказ передал с посыльным в устной форме.

Бадж и Бей Мухаммед оказались под домашним арестом, но тем не менее с удовольствием передали бакшиш чуть дышавшему посыльному⁷, — за его развивающую легкие работу. Запыхавшийся бегун стал вдруг разговорчивым: старый пароход сел на мель, поэтому господин Гребо задержался, а он, гонец, должен носиться до изнеможения. Господин директор ко всему прочему находится в дурном расположении духа. Малеш! Бадж усмехнулся: совершенно очевидно, что сегодня ему следует ждать всяких неприятностей от Гребо.

Бей Мухаммед с невозмутимостью восточного человека распорядился накрыть стол и пригласил полицейских позавтракать с утра пораньше. Подали атайджеш — сладкое печенье, приготовленное в кипящем масле, баклаву — тонкое блюдо из орехов, миндаля, имбиря и засахарившегося меда; пили кахву — черное мокко, о котором говорят: черное, как ночь, палящее, как ад, сладкое, как любовь.

С помощью угощений и ароматов удалось создать такую обстановку, при которой Бадж выторговал у офицера разрешение на свободный проезд в Луксор.

Когда полицейские насытились, они снова заняли посты вокруг дома. Бадж получил возможность, не привлекая внимания, принять в доме человека из Хаджи-Кандиля, деревушки, расположенной между Дсйр-Мавасом и Эль-Амарной. Подобно фокуснику, феллах извлек из глубоких карманов галабеи шесть глиняных табличек, каждая из которых была покрыта сотнями убористых клинописных знаков. «Кадим?» («Старая?») — спросил он Баджа. Пока англичанин разглядывал таблички в лупу, египтянин сообщил ему обстоятельства находки.

Крестьянка из Эль-Амарны вскапывала себах* и нашла глиняные таблички. Она не придавала письменам большого значения, но тем не менее сунула сотню табличек в мешок и была очень обрадована, когда сосед заплатил за них 10 пиастров (40 пфеннигов!). Сосед тотчас же отправился в Хаджи-Кандиль к торговцам, сбывавшим

* Себах — почва, содержащая азот; кирпич из нильского ила, выветриваясь, превращается в себах. — *Прим. авт.*

иностранцам всякую древнюю мелочь. Его прибыль, прямо-таки инфляционная, составила 10 фунтов (40 марок). Торговцы шли на риск, так как не имели никакого представления о стоимости «узорчатых табличек». Двое из них наведались в Каир.

Провинциалы в Каире! У них имелись, правда, адреса нескольких возможных покупателей из местных и европейцев, но они не были уверены в благополучном исходе встречи с ними. Покупатели не проявили единодушия в оценке вещей. Письмена, подобные стоявшим на табличках, в Египте еще никто не видел. Дело казалось не совсем чистым. Одни признали подлинность табличек, но приобрели только несколько штук, это был скорее бакшиш, чем продажная цена. Другие усматривали тут стряпню какой-то банды фальсификаторов и советовали обоим посланцам поскорее убраться восвояси.

Мафия торговцев и перекупщиков восприняла продажу найденных табличек как угрозу рынку и решила объявить их поддельными. Члены мафии и сами не были убеждены в такой оценке, однако общая договоренность возможных покупателей способствовала подъему цены. Кто хочет выгодно продать, должен жертвовать первой выручкой. Только Али эль-Хадж, один из самых толковых каирских торговцев, принял на комиссию у своих верхнеегипетских земляков 150 табличек.

В то самое время, когда полиция вела наблюдение за всеми подозрительными домами, мистер Бадж просил показать ему глиняные таблички. Явившиеся двое людей из Хаджи-Кандиля на глазах изумленного Баджа «перелистали» 76 табличек. Англичанин тщательно исследовал их и установил, что все имевшиеся теперь у него 82 таблички отличались по фактуре, размерам, цвету и форме знаков от тех, что он видел в Лондоне и Париже. Бадж выбрал два экземпляра, на которых письма были видны особенно отчетливо. Поаккадски (ассиро-вавилонское письмо) на одной из них было выгравировано: «Ана Ниибмуарийя* Шар Мату Ми-Исри». В переводе это означало: «Ниибмуарийя — царь страны Египет». Речь шла о послании царю Египта!

Бадж понял, что перед ним находка огромного значения. Вероятно, счастье подобного открытия заставило бы другого человека выразить бурный восторг, но Бадж и бровью не повел. Тонкая интуиция подсказывала ему: хитроумные торговцы-селяне хотят узнать его мнение, прежде чем отправиться на рынок со своей коллекцией. Бадж разочаровал этих людей, с нетерпением ожидавших решающего слова специалиста. Трюк, к которому прибег Бадж, сбил цену раньше, чем был оглашен приговор. Англичанин заявил, что его

* Ниибмуарийя — вавилонская форма египетского имени Небмаатре, тронного имени Аменхотеспа III⁸. — *Прим. авт.*

мнение, по-видимому, не столь важно. Провинциалы пришли в замешательство, а Бадж выразил желание получить остальную часть амарнской находки. Он знал, что недавно часть похожих табличек попала в Каир; сведения об этом исходили от самого директора Службы древностей господина Гребо. Так или иначе, Бадж приобрел для Британского музея 82 глиняные таблички из Эль-Амарны! Отныне он заботился исключительно о том, чтобы спасти свою добычу от нападения полиции.

Среди домов на улице Эль-Маказ было маленькое, неприметное здание, служившее в качестве склада темным личностям из Луксора. Хранилище это считалось самым надежным в городе. Здесь Бадж спокойно разместил свою жестяную коробку, драгоценный саркофаг, купленный у грабителей в Ахмиме, тюк с черепами для кембриджских антропологов, равно как и ящики с так называемыми «особенными удачами».

Крупнейший склад незаконно приобретенных товаров беспокоил даже торговцев с крепкими нервами. Делом их чести было не оплошать перед полицией, патрулировавшей улицы. Посредством всегда безотказно действующих методов они пытались — как правило, за рюмкой коньяка в кофейне — подкупить хорошим бакшишем недавних крестьян, надевших полицейскую униформу. Но на сей раз блюстители закона были неприступны. Они не снизошли даже до того, чтобы намекнуть, какой из домов обратил на себя особое внимание.

«Осел разбойника ступает тверже, чем конь мудира». Выполнялось ли это правило в данном случае — еще вопрос. Но по-видимому, выполнялось, так как Баджу удалось разыграть поистине классическую сцену коварства.

За находившимся под угрозой обнаружения складом располагался тесный двор и далее здание отеля «Луксор», где всегда останавливался Бадж. Англичанин состоял в добрых отношениях с директором отеля, который согласился помочь попавшему в затруднительное положение другу.

Едва призыв муэдзинов разнесся с минаретов по городу и окрестностям и солнце выплыло из-за горизонта, садовники «Луксора» принялись кирками и молотками долбить стену, сложенную из сырцового кирпича. Таким образом они пробили отверстие, через которое можно было пробраться на двор склада. Все это происходило ранним утром, когда приглашенные директором отеля полицейские сидели на террасе в ожидании завтрака. Бадж пишет: «Пока голодные парни, отдуваясь, ели, наши люди пробрались во двор склада».

Содержимое хранилища попрятали в разных кварталах города, оставив стоять в пустом помещении только великолепный саркофаг.

Бадж вспоминает, что ему хотелось дать возможность британским должностным лицам в Каире изучить тактику Гребо. Бадж — этот «король мошенников» — продумал все до мелочей.

На следующий день корабль Гребо прибыл в Луксор. Господину директору нездоровилось, и он заперся в своей каюте. Гребо не раз отправлялся вверх по Нилу, чтобы пресечь торговлю краденым. Там, где бросал якорь его корабль, разгневанные торговцы призывали джиннов — этих адских духов — обрушиться на голову француза.

«Если клопу захочется, он найдет путь под одежду», — говорят феллахи. В лице одного из секретарей Египетского музея Гребо имел на борту такое «насекомое». Корабль отшвартовался здесь уже часа два назад, когда кто-то из торговцев предложил Баджу вещь, найденную в Ахмиме. Бадж купил ее и попытался сделать так, чтобы лодка луксорца проскользнула мимо парохода, на носовой палубе которого свирепый Гребо в тени маркизы наслаждался обедом. Но секретарь, перегнувшись через борт, забрал товар, а его злобный начальник немедленно конфисковал его и приказал отправить в Каир.

Вскоре в отель «Луксор» прибыл офицер полиции с поручением немедленно арестовать Баджа. Сохраняя полное спокойствие, англичанин потребовал предъявить приказ в письменной форме, иначе арест его оказался бы незаконным. Но офицер получил лишь устное указание и вынужден был очистить помещение, пригрозив при этом: «В Каире вы еще о нас услышите».

Когда силы вернулись к Гребо и он принялся за расследование, Бадж уже упаковал свои чемоданы, в которых находились жестяная коробка со свитком папируса и 82 амарнские таблички. Остальные купленные предметы он спрятал в надежном месте, надеясь позднее навестись за ними в Каир.

В полночь Бадж поднялся на борт корабля. Его компаньонов, Бея Мухаммеда и Абд эль-Маджида, привели на тот же корабль в цепях. Чиновники получили приказ доставить их в город Кена, к полицейскому начальнику провинции. Бадж предложил обоим египтянам помощь, которую они, однако, верные традиции своего ремесла, отклонили: всякий вор отвечает за себя сам.

После отъезда Баджа директор Гребо дал волю своим чувствам. Страшно разгневанный, набросился он на своих охранников, крушил мебель, опустошал помещения, перевортывая все вверх дном в домах и подвалах. Добрался он и до легендарного склада, найдя там лишь оставленный Баджем гроб из Ахмима. С первого взгляда Гребо оценил все великолепие находки и пришел в такую ярость, что лишь префекту полиции удалось помешать повальному аресту следивших за кварталом полицейских. Директор Службы древностей считал их сообщниками грабителей. Ведший к складу лаз в стене

садовники заделали «под древность», причем настолько искусно, что он так и остался незамеченным.

Два дня спустя Бей Мухаммед и Абд эль-Маджид вернулись из города Кена. После снятия с них обвинения они подали в городской суд Луксора жалобу на Гребо, обвиняя его в самоуправстве и клевете.

Поезд Баджа прибыл в Каир с опозданием — не вечером, как предполагалось, а ранним утром. Город еще спал. Бадж выгрузил свой скарб и стал ждать извозчика. Два британских офицера, проезжавших мимо, тут же узнали в Бадже соотечественника и предложили свое содействие. Пришедшие на помощь двое полицейских взвалили на плечи чемоданы и вся группа, эскортируемая офицерами на конях, прибыла в городскую таможню у моста Казр-ан-Нил. Заспанные таможенники собрались было осматривать вещи, но Бадж кивком головы указал на своих соотечественников, которые имели весьма решительный вид. На другом конце моста готовившиеся к чаепитию таможенники только рукой махнули. «Когда они увидели полицейских, направлявшихся в город с грузом на спинах, они подумали, что отправляются предметы, находящиеся в собственности английского правительства. Поистине так оно и было!» В решающие мгновения удача сопутствовала Баджу.

Вторая миссия Баджа в Египет окончилась. Он ехал дальше, в Багдад. Английские королевские саперы упаковали все объекты, сделав следующую пометку: «Собственность британского правительства».

Семь лет пребывал Гребо на посту директора Службы древностей и оставил его только в 1892 г. За это время многие представители сообщества грабителей по меньшей мере однажды побывали за решеткой. Господа из каирского бюро долго еще смеялись над этим, считая, что Гребо следовало бы брать на собственное содержание узников, раз он проявляет такое рвение по службе. И тем не менее для Египетского музея он сделал столько, сколько не сделали все его предшественники и последователи, вместе взятые. Однако служебное усердие Гребо имело один-единственный недостаток: он не сумел добиться сокращения числа хищений приобретенных им древностей. Вернувшись на родину, Гребо в 1892 г. получил кафедру в Сорбонне.

Бей Мухаммед умер 6 апреля 1928 г. в Луксоре. Ценностями, прошедшими через его руки, можно любоваться сегодня в музеях Европы и Америки. Абд эль-Маджид бесследно исчез.

Король Англии даровал Эрнесту Альфреду Томпсону Уоллесу Баджу дворянское звание. В 1934 г. последний умер, достигнув возраста 77 лет. Еще и сегодня за Баджем сохранилась слава одного из ориенталистов, добившихся наиболее важных результатов. В Египте

в памяти людей остались разыгранные им театральные сцены, в которых главная роль отводилась энергии и уму. В Ниневии и в Ираке он был не менее деятелен, но изложение этой истории завело бы нас слишком далеко от тех мест, о которых идет речь.

А что же стало с амарнскими табличками? 160 табличек купил венский торговец коврами Теодор Граф⁹. Когда он предложил свою коллекцию в Вене и Париже, ее объявили подделкой. В итоге коллекцию табличек Графа приобрел Берлинский музей; благодаря этой и трем другим покупкам в музее представлено 202 экземпляра табличек. Остальные 183 экземпляра рассеяны по различным музеям мира: в Египетском музее в Каире находится всего лишь 50 экземпляров. Один экземпляр хранится в частном собрании во Франции.

В справочных изданиях по археологии об Амарне можно прочесть следующее: «Наиболее известная находка, сделанная в Амарне, — скульптура Нефертити; особенное значение имеют клинописные глиняные таблички, представляющие так называемый Амарнский архив, содержащий часть дипломатической переписки с царями Передней Азии и вассалами Египта. Этот архив — важнейший источник по истории Египта и других стран Ближнего Востока второй половины XV — начала XIV в. до н. э. Документы имеют большое значение и для изучения древней истории и археологии Передней Азии».

Нельзя допустить, чтобы заслуги «отца черепов», сэра Уоллеса Баджа, были преданы забвению. То «был сильный зверолов пред господом», как Нимрод.

«Продает здесь кто-нибудь недорого бусы?»

23 мая 1892 г., когда впервые после дождливой английской весны выглянуло солнце, от тяжелой сердечной недостаточности умер 62-летний Гревилл Джон Честер¹. Печаль охватила не только его друзей; все лондонские музеи, если можно так выразиться, приспустили флаги в этот траурный день. Империя потеряла одного из самых деятельных и достойных людей, снабжавших ее оптом и в розницу археологическими находками. Через несколько недель сообщение о смерти Честера с быстротой молнии распространилось по берегам Нила. Прочтя траурное сообщение, опечалились не только каирские и александрийские друзья Честера, но многочисленные мелкие торговцы древностями. Для них смерть седобородого британского благодетеля явилась большим потрясением.

Отцом Гревилла Джона Честера был священник Уильям Честер из Дентона, графство Норфолк. Окончив обучение в оксфордском Бейаол-колледже, Гревилл Джон сначала занял место второго проповедника в Крейке, графство Йоркшир, а затем сменил несколько бедных приходов, прежде чем сумел получить жалованье, которого хватало на жизнь. Он принадлежал к тому типу людей, которые ни в чем не знают меры и тем самым вредят своему здоровью. Совершенно изможденный, Честер в 1865 г. оставил службу проповедника в церковном округе Айвид, графство Кент. Он настолько подорвал здоровье, что врачи посоветовали ему проводить сырые и холодные зимние месяцы где-нибудь на юге. После длительных путешествий по Италии и Греции он служил ассистентом у Уолтера Безанта (1836—1901), а также в Палестинском исследовательском фонде, работал в Сирии и Палестине. Благодаря большим способностям

Честер вскоре сделался неофициальным куратором Палестинского фонда. Начиная с 1875 г. он совершает самостоятельные исследовательские поездки по Сирии, Палестине и Египту.

Сначала ради интереса Честер собирал те древние памятники, которые ему удавалось разыскать при помощи безошибочного инстинкта прирожденного торговца древностями. Иногда он предлагал отдельные вещи кураторам музеев, подарил даже Британскому музею один великолепный предмет из собственной коллекции. Уже из первого своего путешествия по Египту он привез в Лондон коптские рукописи и египетские папирусы; дирекция Британского музея тут же согласилась купить партию «импортируемых» им предметов. Покупали у Честера с большим удовольствием, так как запрашиваемая им цена как раз покрывала расходы, связанные с путешествием. Такое благородное поведение на многие годы сделало его желанным гостем управления Британского музея. Будучи специалистом в области теологии и никогда специально не занимаясь археологией, он тем не менее постоянно привозил вещи самого высокого класса.

Когда управление Британского музея в 1879—1880 гг. решило послать в Переднюю Азию официальных и неофициальных агентов по закупке, Честер, находясь в Египте, долгое время занимался организацией сборных пунктов. Торгуясь, он никогда и никого не обманывал, даже самого глупого из местных торговцев.

Когда Честер верхом на осле объезжал деревни, феллахи радостно приветствовали его как доброго знакомого и оказывали ему знаки внимания. С грехом пополам владея арабским языком, он начинал свои поиски таким вопросом: «Продает здесь кто-нибудь недорого бусы?» Если желающих продать не находилось, он с удовольствием усаживался на тростниковые циновки, пил с крестьянами чай или курил наргиле.

Дружеские отношения с феллахами Верхнего Египта были лишь одной стороной медали. Совершая сделки с увертливыми и хитрыми перекупщиками или европейскими конкурентами, Честер становился более изощренным, нежели его противники, и всегда, даже во время спора, оставался совершенно невозмутим. Этой твердости Британский музей обязан несравненной коллекцией глазурованных кирпичей и изразцов из дворца Рамсеса III в Тель-эль-Яхудия.

Честер был грозой таможен тех стран, границы которых он пересекал во время путешествий. Представительного вида, сухопарый человек, он терпеть не мог пышной униформы — кроме разве что английской. К иностранцам он относился чрезвычайно холодно, проявляя прямо-таки злобную надменность. Используя театральные приемы, он вызывал у таможенников такую робость, что они не отваживались расстегнуть хотя бы ремень на его чемоданах из свиной кожи. Там, где была бессильна демонстрация его исконно британ-

ского превосходства, он подкупал таможенников бакшишем, пачками банкнот. И если страж границы проявлял слабость, он менял способ поведения: прекрасно зная законы страны, он умел успокоить нечистую совесть продажного человека. Некоторых таможенников Честер вводил в заблуждение, изображая полное незнание местного языка; в конце концов они помогали ему грузить тяжелый багаж, состоявший из керамики, бронзовых статуй и даже тяжелых каменных стел, так как не владевший иностранным языком путешественник учтиво давал понять, что везет с собой только принадлежащие ему вещи. С помощью подобных трюков Честер вывозил из страны чемоданы и ящики, а таможенники облегченно вздыхали, когда вздорный, странного вида господин убирался с глаз долой.

Этот решительный человек, часто пересекавший границы, не один раз побывал за решеткой. Другам он с удовольствием рассказывал о своих *happy fights**. Правда, однажды дело обернулось плохо для него. Незадолго до отъезда Честера из Сирии какой-то грек донес на него таможенным властям, и вещи англичанина задержали. Когда ему было предъявлено обвинение в ведении незаконной торговли, он решил выложить перед мудиром, директором отделения таможи, все свои приобретения. В тот же вечер Честер оказался в тюрьме города Джабеля, а на следующий день утром мудир перед отбытием парохода пожелал ему счастливого пути. Дело в том, что Честер продал мудиру реквизированные ценности. В Бейруте вещи снова должны были пройти таможенный осмотр. Честер в последнюю минуту хладнокровно применяет искусный прием, «пригласив» кого-то из местных жителей. Тот во всеуслышание объявляет всю эту гору вещей своей собственностью. Мудир велел не трогать своего земляка.

В 1881 г. сэр Флиндерс Питри² (1853—1942) встретился в Египте со своим соотечественником. Питри сообщает, что Гревилл Джон Честер совершал в то время свое тридцать восьмое путешествие на берега Нила. Всего же посредник Честер, умерший через десять лет после указанной встречи, осуществил более полусотни поездок, связанных с покупками древностей.

* Выигранные сражения (англ.).

Убийство в Саккара

В начале 1975 г. вблизи Саккара был обнаружен труп каирского торговца Абрахама С. Тело лежало на переднем сиденье машины; стреляли, судя по всему, почти в упор.

23 марта 1975 г. английская газета «Санди телеграф» сообщала, что в небольшой деревне Тальбее близ Каира египетская полиция обнаружила клад погребального инвентаря стоимостью в 500 000 фунтов. По мнению автора статьи, египтолога Джона Танстелла, между убийством в Саккара и тальбейской находкой существовала определенная связь.

Истинные причины убийства Абрахама С. остались неизвестными. А члены каирской торговой мафии, которые не могли не знать о них, разумеется, помалкивали. Сотрудник Египетского музея, участвовавший в расследовании убийства и занимавшийся изучением тальбейской находки, предложил мне следующую версию: торговец С. был убит, по-видимому, деловыми партнерами, которые сочли себя обманутыми при заключении сделки. Речь шла, вероятно, о продаже египетской «Книги мертвых», и Абрахам С. не поделился частью выручки со своими партнерами. Поскольку ни один ценный исторический памятник не переходит от старого владельца к новому без огласки, посредники передали в Каир новость о бесчестной сделке, и компаньоны тихонько — как это водится между мошенниками — задержали предателя и в соответствии с законами мафии ликвидировали его. Возможно, так оно и было, мы не знаем.

После того как в пустыне было найдено тело Абрахама С., в его доме произвели обыск. Оказалось, что именно отсюда через промежуточный пункт в Ливане переправлялись за границу сокровища

древнего искусства. Это усилило подозрения, что убийство С. связано с тальбейской находкой.

Вся каирская полиция, возглавляемая генерал-майором Али Хельми, была поднята на ноги. Для того чтобы раскрыть истинные причины убийства, разоблачить преступников и их соучастников, капитан Омар Халед и полковник Абдель Хелави из гизехского управления полиции выдали себя за скупщиков древностей. Им удалось войти в доверие к жителям того района, где произошло убийство. С их помощью Халед и Хелави установили связь с группой лиц, которые могли знать об убийстве С. и даже принадлежать к числу его участников. После строгого допроса пять арестованных показали, что в день убийства виделись с торговцем С., а затем, припертые к стенке, признались в том, что это они застрелили его.

Дальнейшие расследования навели полицию на след, тянувшийся в Тальбею. Кольцо сжималось и в конце концов замкнулось на торговце Мухаммеде Ахмеде Хатабе. Неожиданно ворвавшиеся в его дом полицейские сыщики прямо-таки застыли при виде огромного количества незаконно приобретенных произведений искусства. Похоже, что здесь находился главный склад разыскиваемой банды. В перечне конфискованных вещей значились саркофаги, погребальные маски, бронзовые и деревянные статуэтки, монеты и ювелирные изделия. Для вывоза всего этого добра понадобилось три больших грузовика.

В ходе тщательного осмотра, произведенного куратором Египетского музея Эль-Наваки, было установлено, что мумий в саркофагах нет, но они заполнены украшениями и другим погребальным инвентарем. Очевидно, воры обообрали мертвые тела на месте преступления, а затем, поскольку речь не шла об их продаже, просто-напросто выбросили или закопали мумии.

Предположение Джона Танстелла о том, что эта находка может стать археологической сенсацией, поскольку укажет на неизвестную царскую усыпальницу, не подтвердилось. Куратор эль-Наваки, которому я показал статью в «Санди телеграф», ничего не знал о «сенсационной находке». Он был уверен в том, что немалая часть памятников происходит из Абу-Сир-эль-Мелека, а этот факт имеет, по всей видимости, лишь косвенное отношение к убийству Абрахама С.

Обстоятельства скандального происшествия удивительным образом потонули во мраке неизвестности. Клика торговцев краденым постоянно меняет свою личину. Так, например, один из членов этого большого «семейства» постоянно проживает в Западной Германии и продает все те же древности.

В 1978 г. я познакомился с молодым человеком, родственником торговца С. Надеюсь получить какие-либо новые сведения, заговорил с ним. Неожиданно, словно из-под земли, появились четверо.

Родственник С. поспешил заверить меня, что ничего нового он не знает.

В ноябре 1978 г., когда я захотел наведаться в магазин, принадлежащий наследникам торговца С., он оказался закрыт. После проведенного расследования каирские службы обвинили семью С., тесно связанную с международным черным рынком, в заключавшихся через Бейрут незаконных сделках с швейцарским торговцем греческого происхождения. Швейцарец был одним из самых крупных покупателей египетских древностей.

Разумеется, сегодня никто не располагает точными сведениями о разветвленности системы связи клана С. К числу его партнеров относятся довольно известные торговцы, умеющие молчать. В настоящее время появляются публикации, сбивающие с толку общественное мнение: в результате многое остается незамеченным, ULS (Unknown Lying Subjects — «неопознанные лгущие субъекты») трудятся в поте лица.

Абу-Сир-эль-Мелек, современный центр массового грабежа

30 мая 1978 г. по моей просьбе центральное правление Немецкого агентства печати предоставило мне текст сообщения за № 260/73. Он гласил: «Каир. За семь месяцев в окрестностях Абу-Сир-эль-Мелека близ Бени-Суэйфа, Верхний Египет, было разграблено и опустошено примерно 5000 погребений времен фараонов. Так, полиция обнаружила банду грабителей усыпальниц, состоящую главным образом из местных жителей. Между полицейскими и бандами произошла перестрелка, вероятно, из-за сделанной находки. Когда появилась полиция, один из раненых грабителей лежал около лаза, ведущего вниз метров на 20. Согласно сообщению каирской газеты «Аль-Ахбар», крестьяне поделили между собой кладбище фараонов, величина которого превышает гектар. Работы ведутся тайно, хотя зачастую светильники грабителей, если дело происходит ночью, горят совершенно открыто. Раскопки выглядят как стройка. В результате перестрелки было раскрыто одно из дерзких ограблений усыпальниц за последние 18 лет».

Абу-Сир-эль-Мелек лежит примерно в 100 километрах южнее Каира, на западном берегу Нила близ Бени-Суэйфа. Вместе с 46 небольшими селениями вся область вокруг Абу-Сир-эль-Мелека насчитывает примерно 22 000 жителей.

В середине июля 1978 г. в полицейском участке Абу-Сир-эль-Мелека я предъявил бумаги, выданные мне в Каире. Нашей группе из четырех человек разрешалось произвести съемки для телевидения. Сержант указал мне на скамейку и принялся внимательно изучать документы. Я уже начал было дремать, как удар кулаком по столу пробудил меня. Сидевший напротив меня сержант крикнул что-то по-

арабски (команды во всем мире звучат одинаково), и мгновенно шестеро полицейских выросли перед своим командиром, который пустил по рукам мои документы. Два часа, проведенные в участке, тянулись, словно целый день. Наконец в помещение вошел человек, владевший английским языком. Им оказался врач, доктор Исаак Якоб Сайед. Ему, моему ангелу-хранителю в этом весьма немилосердном краю, его супруге Дорен, а также префекту полиции в Эль-Васта и господину Бальбушу из управления Службы древностей в Абаасии я обязан тем, что мы смогли — среди тьмы и подстерегающей опасности, — пройти по следам одного из самых крупных ограблений, которые когда-либо совершались в Египте.

Наша группа осторожно следовала за сыщиками. Крестьяне оказались еще более недоверчивы, чем полицейские Абу-Сир-эль-Мелека. С 1973 г. никто из иностранцев не посещал эти места. «Дшебель», «джабель», «жабаль», «жебель» или «чебель» в переводе означает гора или горный хребет, однако было бы ошибкой полагать, будто во всякой местности, носящей такое название, существуют горы и даже хребты. Джабель-Абу-Сир представляет собой полосу пустыни около четырнадцати километров длиной и примерно четырех километров шириной, расположенную на подходе к плодородным землям нижнеегипетской провинции Файюм, известной своим сельским хозяйством. Абу-Сир-эль-Мелек возвышается над развалинами древних поселений. Остатки храма, построенного около 400 г. до н. э., были обнаружены в 1905 г. во время подготовки площадки для сооружения деревенской мечети. Семнадцатью годами ранее, в 1888 г., крестьяне, добывавшие из земли соль, натолкнулись на кладбище примерно 4500-летней давности, длина его составляла более четырех километров, а ширина — от 100 до 400 метров.

Если говорить точнее, открыли кладбище благодаря проливному дождю, он смыл слой песка и обнажил стену, ограждавшую одну из погребальных шахт. Феллахи забросили соляные копи и разрыли погребения. Постепенно войдя в азарт, они, словно профессионалы-гробокопатели, перерыли всю площадку и обнаружили ряд погребальных сооружений. Один из местных землевладельцев, заинтересовавшись новым для него делом, собрал вокруг себя людей, одержимых жадной наживой, разработал своего рода стратегию торговли и поручил закупку и продажу найденного греческим купцам.

Удачно начатое дело было прервано в результате несчастного случая: груда выброшенной наверх земли сползла назад, в открытую шахту, и засыпала крестьянина. С той поры работа гробокопателей сопровождалась суеверным страхом, после первого несчастия последовали другие, среди феллахов поползли слухи: «Берегись! Джабель призывает тебя!» Это мрачное предупреждение я услышал осенью 1978 г. от одного из гафиров.

Среди людей, покупавших найденные в Абу-Сир-эль-Мелеке древности, был и Флиндерс Питри, создатель научных методов ведения раскопок в Египте; он приобрел несколько саркофагов, которые сделал достоянием общественности вместе с собственными находками. Служба древностей получила сообщение о грабежах и незаконной распродаже в Абу-Сир-эль-Мелеке и взяла под надзор эту местность. Контроль осуществлял деловой, но недоверчивый бедуин Ризк Абдаллах. Некоторое время он поддерживал порядок на кладбище.

С 1902 по 1908 г. в Абу-Сире вела раскопки экспедиция Немецкого востоковедческого общества; от наносов были освобождены захоронения 900-200 гг. до н. э. и отдельные сооружения, принадлежавшие к периоду около 1400 г. до н. э. В ходе первых исследований было установлено, что некоторые из захороненных ограблены сразу вскоре после погребения. У мертвых оказались свернутыми или отрезанными шея и предплечья; это навело на мысль, что грабители добрались до своих жертв тогда, когда сухожилия еще оставались гибкими. Дорогие украшения были срезаны или сорваны, а имевшие большое значение погребальные приношения — украдены.

Известняковые холмы, песчаные дюны и откосы, покрытые грудами костей (рис. 41), имеют довольно неприглядный вид. Погребальные шахты и пещерные усыпальницы образуют опасные провалы. Временами ослы и верблюды находят там свою смерть. Возможно, принятые в начале XX в. меры по охране некрополя предупредили скандальные ограбления, подобные случившемуся в 1888 г. Самый большой за последние десятилетия грабительский налет в 1972 г. сменился подозрительной тишиной. Каирскую Службу древностей охватила тревога: в течение семи месяцев 1972 г. было разграблено 5000 захоронений Абу-Сир-эль-Мелека, а в Каире об этом ничего не знали. Ко всему прочему в дело были замешаны плохо оплачиваемые гафиры.

Первые сведения о самом чудовищном разграблении усыпальниц, осуществленном в наши дни, я получил от Бальбуша, главного инспектора Среднего Египта. Затем они пополнились сообщениями из Абу-Сир-эль-Мелека, Бени-Суэйфа, Эль-Васта и Каира.

Массовые грабежи начались в июле 1972 г., когда один феллах набрел на неизвестную до тех пор гробницу. Об этом событии заговорили. В селениях поначалу собирались лишь небольшими группами, но потом были организованы целые бригады, работавшие только по ночам. Не совсем ясно, какую роль в этих сообществах играли гафиры, однако, как стало известно, в одной из стычек с грабителями начальник гафиров был убит. Мы не знаем, пытался ли он пресечь ночную деятельность или же, наоборот, хотел получить причитающуюся ему долю добычи.

Кроме жителей Абу-Сира, в грабеже было замешано и население

расположенных неподалеку поселков Маасарет-Або-Сеир, Ваннаэль-Кесс и Анфаст. В результате несправедливого дележа добычи дело вскоре дошло до рукопашных схваток. Затем кладбище, занимавшее, как уже говорилось, более гектара, было поделено на небольшие участки. Теперь каждая группа раскапывала свой отрезок земли. Женщины организовали передвижные кухни, в которых (это звучит почти невероятно) огонь разжигали при помощи костей и расколотых на доски саркофагов.

Соблюдая элементарную осторожность, найденные вещи доставлял в Каир кто-нибудь из членов семьи. Он добирался туда по железной дороге или на такси. Статуи при этом лежали на дне корзины, прикрытые овощами, а прочая добыча привязывалась к телу полосками ткани. Эти перевозки оставались, как правило, незамеченными. Даже значительные затруднения не мешали достижению цели. В лавке соседа каирского торговца Хасана С. в октябре 1978 г. стоял саркофаг, для удобства перевозки распиленный на две части. Мы сняли его на фото пленку.

Абдель Р. С. с улицы Гумхурия, помимо предметов из бронзы и терракоты, располагал хорошо сохранившимися саркофагами из Абу-Сир-эль-Мелека. На улице еженедельно появлялся белый «мерседес» из Каира, хозяин которого мог купить любое количество добытых древностей. В начале 1975 г. египетская полиция обнаружила в доме некоего делового человека, жителя Тальбеи, клад древностей общей стоимостью 500 000 египетских фунтов. Среди них нашлись предметы из Абу-Сир-эль-Мелека.

Грабеж стал для феллахов неиссякающим источником доходов, так что они обзавелись транзисторами и переносными телевизорами, получив возможность неделями вообще ничего не делать. В случае нужды они вновь брались за мотыгу и лопату, чтобы пополнить свои запасы.

Постоянно боясь быть застигнутыми врасплох на месте преступления, феллахи думали только о большой выручке и забывали предостережение: «Берегись! Джабель призовет тебя!» Мой ангел-хранитель доктор Сайед рассказывал, что однажды во время ночных раскопок четырнадцать феллахов были завалены в результате обвала массы щебня; несколько человек задохнулись. Конечно, грабители работают в опасных условиях: они на канатах спускаются в шахты, ведут поиски на большой глубине в отходящих по сторонам туннелях, чтобы добраться до новых залежей. Потолки и стены проходов никогда не укрепляются, как это принято на угольных разработках, отсюда нередки обвалы.

В 1973 г. грабительским поискам наследства прошлого настал неожиданный конец. В завязавшей как-то между жителями Абу-сира ночной перестрелке один человек был тяжело ранен и вскоре

умер. Поднятые по тревоге полицейские Бени-Суэйфа и Эль-Васта смогли прекратить бессмысленную пальбу, лишь открыв сильный ружейный огонь. На «поле брани» осталось лежать несколько раненых грабителей. Полицией была предпринята попытка пролить свет на принявшее столь широкие размеры разграбление усыпальниц.

Почти 3000 участников грабежей было подвергнуто допросу полицией; 144 человека арестовано. Расследование показало, что в торговле ворованным добром из Абу-Сир-эль-Мелека замешан хозяин кофейни Бахаис из столицы провинции Файюм, являвшийся к тому же старостой рыбаков канала Юсуфа. В помещении кофейни полицией были обнаружены ушебти — фигурки, которые египтяне между 2000 и 1650 г. до н. э. опускали в могилу, амулеты и большое количество других находок.

В префектуре полиции Эль-Васта наша съемочная группа видела фотографии 60 мужчин и женщин, преступников и их предполагаемых сообщников, которых разыскивала полиция.

«Это — разбойничий край», — сказал нам начальник полиции Карем Нагерб и распорядился, чтобы нас сопровождали двое вооруженных автоматами конных полицейских. Подобные предосторожности казались мне бессмысленными; но я не стал возражать и правильно сделал. Ночные съемки места происшествия в Абу-Сир-эль-Мелеке оказались небезопасными и привели к неприятным последствиям.

Все произошло очень быстро. Кто-то из местных сказал, будто на днях я беседовал с одним из очевидцев перестрелки, происшедшей в 1973 г., и это вызвало у феллахов подозрения; они сразу засуетились. Свора заливающихся лаем собак преследовала нас буквально по пятам. Несколько сот крестьян пытались помешать нашей работе. Однако наиболее трезвые из них не только не оказывали сопротивления сопровождавшим нас полицейским, но даже пытались разогнать своих с помощью палок. В свалке пострадала не только наша машина.

На следующее утро деревенский учитель потребовал от префекта полиции задержать нас. От него не укрылось, что феллахи предлагали нам купить некоторые древние вещи. Это было правдой. Под большим секретом нам показали четыре завернутых в вату ушебти прекрасной работы, их предполагалось продать по 15 фунтов за штуку, а также широкое серебряное кольцо с вправленным скарабеем из карнеола, шедшее по смехотворной цене 150 фунтов¹. Но мы ничего не взяли.

Я провел на кладбище четыре дня. Сопровождавшие меня два гафира, один — старый, другой — помоложе, рассказали о том, как легко грабителям вести в определенных местах удачные поиски,

несмотря на круглосуточную охрану, осуществляемую десятью пешими гафирами и пятью патрулирующими верхом на верблюдах. Вооружены стражники английскими карабинами Белла и ютятся в старой армейской палатке, поставленной на краю кладбища.

Доказано, что гробницы Абу-Сир-эль-Мелека использовались неоднократно, этим, по-видимому, и объясняются ранние их ограбления. Для вора всегда находилось добро, поскольку, если можно так сказать, склад пополнялся непрерывно.

Как сегодня выглядит Абу-Сир-эль-Мелек? На чувствительную натуру это просторное поле производит неприятное, гнетущее впечатление. Среди звяжущего дневного зноя миллионы обломков костей, побелевших на солнце, странным образом напоминают хлопья снега. В вечерних сумерках, когда ветер несет песок, когда уже издалека слышится хлопанье парусины ветхой палатки гафиров, путник ощущает здесь присутствие многих тысяч душ. Из песков уныло глядят черепа, скалятся челюсти, тянутся кости оторванных рук, как бы соединяясь в порыве тоски. Так называемые чехлы² мумий, обратившиеся в грубые полосы льняной ткани, ветер уносит вдаль. Поистине, прогулка по этому столько раз ограбленному и оскверненному кладбищу малоутешительна. Все время приходится напрягать зрение, чтобы не упасть в ямы глубиной от семи до пятнадцати метров, не споткнуться о громоздящиеся скелеты. Обломки гробов, расписанные охрой и черным по белой грунтовке, валяются рядом с хорошо сохранившимся черепом, в котором еще можно узнать выразительные черты лица умершего; тонкие побуревшие волосы распадают в пыль при самом легком прикосновении.

Между черепами верблюдов лежит хорошо сохранившаяся розово-желтая человеческая нога, которую таскает какая-то собака. Деревенские псы грызутся из-за части мумии, по-видимому, молодого человека; гафиры гонят их, покрывают останки полотном и наваливают на него камни.

Молодой стражник показывает нам семиметровую шахту, в которую грабители спускаются без каких-либо вспомогательных средств. Упершись руками и спиной в одну стену, а вытянутыми босыми ногами — в другую, они медленно опускаются по вертикальному лазу шириной в 1,2 метра. Гафир демонстрирует нам эту операцию и, покрытый пылью, поднимается снова наверх. Ухватив стражника за протянутые руки, мы втаскиваем его через разрушенное ограждение усыпальницы.

Широкая прямоугольная шахта, выложенная камнем, оборудована деревянными мостками и канатами; уходящие вниз наклонные уступы, расположенные в нескольких метрах от поверхности, считаются самым удобным «рабочим местом».

Это произошло в ночь на 15 октября. Доктор Сайед пригласил

нас на прощание на кровельную террасу больницы Абу-Сир-эль-Мелека. Он рассказал, что проведенные после большого ограбления расследования, аресты и штрафы оказались малоэффективными и не смогли помешать дальнейшим незаконным раскопкам. «Люди зарабатывают слишком мало, — говорил Сайед, — но они хорошо знают, по какой цене идут их находки за границей. Привлекательность побочного заработка слишком велика!» Внезапно мы увидали полицейских с зажженными фонарями, спешащих на Джабель. Грабителей, однако, не было видно. Инспектор Али-эль-Саид-Махмуд сообщил нашему хозяину, что полиция по пятам преследует вора, бежавшего из Эль-Васта.

Три дня спустя я зашел попрощаться с мэром Бени-Суэйфа, но его не оказалось на месте. Через своих сотрудников он просил передать, что будет рад, если мы, четверо европейцев, в следующий раз сможем без особых затруднений поработать в Абу-Сир-эль Мелеке.

На обратном пути в здании Службы древностей в Каире, район Абаасия, я узнал от инспектора Бальбуша, что 11 сентября в Файюмском районе, недалеко от Мединет-Мади, было совершено ограбление храма. Инспектор не мог сообщить подробности и сказал только, что полиции удалось поймать преступников.

Предостережение «Берегись! Джабель призовет тебя!» не действует. Грабительским налетам на усыпальницы тогда настанет конец, когда воровской добыче будет объявлен бойкот во всем мире. Но, принимая во внимание ценность исыкающего товара и повышение в связи с этим цены, любые решения остаются лишь благим пожеланием.

Склад товаров

Попасть под запущенную колоннаду на углу каирской улицы Гумхурия нелегко, если вы, скажем, ищите кого-нибудь на Площади оперы после спектакля. Перед фасадами контор торговцев древностями, таких, как «Фараг эль-Шаер, сыновья» или «Хамди Эль-Габри, братья», иностранец ощущает особый трепет. Подобное чувство в этой стране охватывает всякого, кто хотел бы приобрести древнеегипетские ценности. Опущенные жалюзи витрин вовсе не означают, что торговля древностями прекратилась, а состоятельные и умудренные опытом хозяева магазинов удалились под тент какого-нибудь кафе выпить чашку мокко. Скорее всего, Служба древностей уличила изворотливого торговца в противозаконных действиях и лишила его лицензии.

Но как бы сурово ни каралась незаконная торговля, все меры, принимаемые властями для уничтожения черного рынка, оказываются бессильными. В конце концов, мало что можно противопоставить традиционным уловкам, уверткам и трюкам торговцев и укрывателей краденого. Что могут законы, если в жилах мошенников всех мастей течет воровская кровь? За опломбированными дверями лавок, в запертых на засов павильонах процветает торг.

Если вы спросите немногих имеющих лицензию продавцов древностей, как идут дела, они ответят, что ремесло их с каждым годом все более приходит в упадок и впереди не видно никакого просвета. Происходит это не от того, что недостает нового товара, просто Служба древностей потеряла всякое доверие к такому достойному занятию, как торговля древностями. Она с удовольствием закрывала бы одну лавку за другой. По мнению «несчастливых» торговцев, меры

властей могут подорвать туризм, а ведь иностранцы, приезжающие в Египет, желают непременно приобрести какую-нибудь древность в качестве сувенира. А этого, оказывается, не понимают упрямые бараны из различных ведомств!

Если попытаться вскрыть истину, очень скоро станет ясно, что причитания торговцев малоубедительны. Естественно, масштабы сделок конца XIX — первой трети XX в. не идут в сравнение с тем, что происходит в наши дни. Сегодняшние сделки весьма «средненькие». Ныне уже не увозят за границу целые поминальные храмы и другие сооружения, а это раздражает торговцев, для которых сделки подобного рода — мечта. Они забывают, что люди их круга никогда в прошлом не участвовали в таких предприятиях. Лишь немногие из их соотечественников получали солидные доходы, остальные довольствовались сравнительно скромными барышами.

Расхитители памятников культуры, принадлежащие к новому поколению, т. е. те, кто промышляет в провинциальных некрополях Среднего и Верхнего Египта, вряд ли могут конкурировать с разбойниками минувших времен. То, что они добывают, это — *quantité négligeable**, над чем клан Расулов лишь устало усмехнулся бы. Кроме того, их приобретения не оседают у торговцев Каира и Луксора. Большие грабительские налеты, совершаемые в наши дни, устраивают иные люди по заданию из-за границы.

Нравы и законы стали строже. Так, по закону торговец памятниками египетского искусства обязан регистрировать выставляемые на продажу предметы в Службе древностей и получать соответствующее разрешение. Каждый вторник торговцы могут предъявить свой товар куратору Египетского музея; этот хорошо знающий дело человек либо дает разрешение на продажу, либо конфискует вещи в пользу государства. Иногда бывает даже, что под запрет попадают первоклассные подделки. Осторожность — прежде всего, говорят себе кураторы, которых в свою очередь тоже проверяют. Они имеют все основания быть настороже. Доктор Салех из Египетского музея рассказывал мне, что продувные торговцы отделывают подлинные вещи под имитацию, чтобы получить разрешение для законной продажи.

При всем желании не стоит проливать слезы из-за торговцев произведениями искусства. Волна повсеместного увлечения Египтом — против которой ни одна страна не воздвигает дамб — выносит на берега Нила громадное количество туристов. Музеи сообщают о рекордном числе посетителей. Даже заказанный в отеле номер тут же передадут другому клиенту, если вы хотя бы на полчаса задержались с сообщением о предстоящем прибытии. Бак-

* Нечто такое, о чем не стоит даже говорить (франц.).

шиш делает возможным и это. Там, где сияет солнце и мерцают улыбки фараонов, царствуют бешеные деньги; ими не брезгают даже государственные учреждения. Гипсовые слепки знаменитых музейных экспонатов оцениваются сегодня довольно высоко. На первый взгляд создается впечатление, что выставленные слепки — подлинники. В действительности это всего лишь чистый гипс!

Ни один турист не уезжает из Египта без какой-нибудь безделушки. Люди, связанные с процветающей индустрией сувениров, — изготовители и поставщики — получают такие доходы, что у некоторых от изумления могут навернуться на глаза слезы; операции со всякого рода археологической мелочью, с имитациями обставляются таким фантастическим образом, что приобретают характер крупных сделок. Еще старик Вулворт говаривал: «Я получаю деньги за каждую запятую! Дело — в количестве». Мелкие торговцы не просто держатся на поверхности — они плавают как рыба в воде и не собираются тонуть.

В витринах магазинов красуются различные миниатюрные копии богов — начиная от Осириса и кончая Тотом¹; в застекленных шкафах бронзовые или терракотовые статуэтки ждут ослепленного страстью покупателя; в обитых бархатом шкатулках поблескивают вправленные в золото обломки амулетов — дорогие модные украшения в современном духе. Такова лицевая сторона медали. Но существует и обратная сторона. За красивыми витринами, в глубине помещения, совершаются крупные сделки, в которых участвует весь семейный клан; в борьбе с ним господа из Службы древностей не раз ломали зубы.

Около 80% предлагаемых товаров состоит из неудачных копий, поступающих, так сказать, с ленты конвейера; 10% дают запасы, сработанные многими поколениями предков, а в 10% случаев речь идет об официально разрешенных поступлениях новых вещей.

Если торговцы Абдель Рахим эль-Шаер из Каира или Хасани из Луксора жалуются на то, что они вынуждены заполнять свои полки копиями находок XIX в., которые их деды обнаружили на западном берегу, на другой стороне Нила, то это лишь полуправда. Названные выше торговцы получают и настоящий товар, но они не в состоянии удовлетворить пожелания всех клиентов. Ради анонимных заказчиков и существует сегодня торговля египетскими древностями! Именно они способствуют оживлению черного рынка и умело запутывают следы. До сих пор египетским властям не удалось проникнуть в замыслы тех, кто ведет нелегальную торговлю, ибо не хватает сведений, неизвестны заказчики, поставщики, укрыватели, совсем или почти совсем не ясно положение на внешнем рынке. Измученные осведомители приходят в замешательство, когда неожиданно до них

доходят вполне достоверные сведения, они знают, что адвокат в любом случае вызовет товар из огня.

Люди, занимающиеся этим старинным промыслом, оказываются в конце концов хитрее любого закона и ускользают из его сетей, тихонько посмеиваясь над властями. Не помогают ни запреты на торговлю, ни выдача лицензий. Доход слишком заманчив и солиден, чтобы можно было отказаться от столь прекрасного, прибыльного дела.

Во время многочисленных поездок в Египет я был знаком как с честными, так и с бесчестными торговцами древностями. Мне хорошо известна процедура купли-продажи, в результате счастливой случайности для меня открылись некоторые потайные двери, что дало возможность узнать кое-что новое. Мне, например, известно, что до сих пор осуществляется нелегальная пересылка лучших египетских древностей в Европу и Америку. Я могу сказать, что торговцы произведениями искусства в некоторых столицах Запада говорят неправду, утверждая, будто свои новые поступления они получают почти исключительно за счет покупки старых коллекций.

Когда 14 марта 1978 г. на аукционе в Мюнхене продавали набор египетских украшений, датируемых 1600—600 гг. до н. э., было объявлено, что эти изобилующие золотом драгоценности принадлежат одному из парижских собраний, основанному в 1820 г. Продававшаяся на другом аукционе жертвенная стела Хоремджета — плита из розового кварцита размерами 58 × 47 × 14 сантиметров, явно вывезенная из Саккара и приобретенная кем-то за 60 000 западногерманских марок, — находилась, как сообщалось, в некоем старинном собрании. Произведения искусства, которые на аукционах с богатыми традициями предлагаются узкому кругу коллекционеров, исходят преимущественно из европейских фондов; после смены владельца они вновь исчезают. То, чего не хватает торговцам египетскими древностями в Лондоне, Цюрихе и Амстердаме, всегда можно достать на берегах Нила. Об этом позаботятся египетские коллеги.

Когда рассматриваешь каталоги частных собраний с прилагаемым перечнем цен: небольшая фигурка, известняк, размер около семи сантиметров (2800 западногерманских марок); статуя стоящего Осириса, бронза, поздний период (4200 марок); фрагмент из фиванских гробниц, часть рельефа, украшавшего стену гробницы (10 000—20 000 марок), — не следует забывать, что подобные вещи — напоминание о традиционном ремесле. Указанные древности, по-видимому, были куплены у торговцев Каира или Луксора.

После получивших широкую огласку незаконных раскопок 1973 г. близ Абу-Сира некоторые находки осели на торговых складах Каира. Предприниматель С. продал в Европу по меньшей мере четыре саркофага по цене, как он сам сказал, от 4000 до 8000

египетских фунтов. В доме торговца Мухаммеда Ахмеда Хатаба было обнаружено 1975 предметов, доставленных туда людьми, ведшими нелегальные раскопки в Тальбее. Три больших грузовика понадобилось Службе древностей, чтобы перевезти в музеи эти товары, которые через черный рынок попали бы за границу. До сих пор каирские торговцы сбывают воровскую добычу с абу-сирского кладбища на западном берегу Нила.

К. — тучный египтянин лет пятидесяти с тонкими, короткими усиками. Меня всегда удивляла его способность докуривать сигарету до конца, так что ее огонь почти касался губ. При этом на лице К. не появлялось ни малейшего признака боли. Если бы операции с древностями не давали ему возможности заработать на хлеб насущный, он легко мог выступать с этим номером, но он не принес бы К. столько, сколько приносит другое его дарование. Дважды побывал я в лавке торговца, украшенной всего двумя полками с древними безделушками. Во время третьего посещения он предложил мне распиленный на четыре части саркофаг из Абу-Сира; правда, при этом я сам еще до возвращения в Каир должен был думать о том, как переправить его в Западную Германию.

Торговец С. предложил мне совершенно целый саркофаг из Абу-сира. Когда я справился о цене, он высказался в том духе, что об этом, дескать, не стоит говорить в лавке; подобная покупка требует конфиденциального разговора.

В октябре 1978 г. с тремя спутниками я благодаря случаю имел возможность мельком осмотреть содержимое одного склада. На несколько минут мы остались одни в антикварной лавке. Деревянная лестница вела наверх. Мы не утерпели и крадучись поднялись туда. Очутившись на чердаке, мы не поверили глазам своим. Весь пол был заставлен самыми различными вещами, невозможно сделать ни шагу. Из картонных коробок, в которых по программе помощи развивающимся странам доставляется молочный порошок, торчали части древних памятников. Вокруг стояли деревянные ящики, доверху набитые всякой мелочью, тщательно упакованной в туалетную бумагу и клеенку; стоимость вещей можно было определить лишь приблизительно. Отдельные доски саркофагов громоздились, будто на строительной площадке. У стены лежали верхняя часть древней маски, обломок доски с рельефом; высилась гора посуды, осколки керамики, мумии рыб² и т. д. Среди этого нагромождения подлинных вещей и (для маскировки) подделок как символ торгового заведения поблескивала красная пластмассовая рукоять ножовки. Это был настоящий склад фирмы, занимающейся посылочной торговлей, где заказы и поставки идут как по конвейеру. Уверяю вас, бедные торговцы не нуждаются в сострадании!

Знакомый каирский торговец свел меня со своим коллегой, офи-

циально работавшим в мастерской по прокату автомашин. Неофициально же он занимался другим ремеслом. Делец оказался недоверчивым. Он хотел знать точно, какие предметы меня интересуют. Я дал понять, что с удовольствием посмотрел бы все предложенное им.

Мне уже стало казаться, будто из этого дела ничего не выйдет, как вдруг четыре дня спустя после разговора мой поручитель сообщил, что господин Икс готов обсудить детали сделки при условии обмена иностранной валюты на египетские фунты. Я решился пойти на валютное преступление в пределах 300 западногерманских марок.

В день встречи мой доверитель провел меня через задний двор к зданию, первый этаж которого занимал наш делец. Хозяин дома восседал среди блестящей зелено-синим лаком гостиной в кресле с пластиковой обивкой и золоченой резьбой по дереву; подобную мебель здесь не только в шутку называли «рококо Фарука». Поначалу недоверчивый, он постепенно оттаял, после того как выпил чаю и выкурил лишнюю всяческого запаха сигарету. Странная натянутость, которая иногда возникает в кругу такого рода людей, исчезла, хозяин дома стал даже приветлив. Его десятилетний сын принес из соседней комнаты банки и коробки и принялся раскладывать на столе товар. Отец запер дверь гостиной. Спектакль начался.

В одной из коробок находилась коллекция скарабеев: одни были выполнены прекрасно, другие — посредственно, всего их насчитывалось штук сто. В благоухающей банке из-под крема хранилось множество фаянсовых амулетов. Из двух красных банок, прежде служивших, видимо, тарой для жидкого шоколада, на газету посыпались бусы и детали украшений, остатки браслета и половинка ушебти. Обувная коробка содержала мелкие и крупные бронзовые статуэтки, четыре ушебти, завернутые в розовую вату; покрытую патиной бронзовую богиню Нейт³ в двадцать сантиметров высотой скрывала папиросная бумага. Хозяин дома попытался, как бы решая головоломку, сложить из осколков статую Осириса, но разбитое божество воспротивилось этой затее.

Над шкафом висели (распространенная здесь традиция) фотографии из воинского прошлого близких и дальних родственников; на самом шкафу возвышалась посеребренная пластмассовая гондола из Венеции. Наш хозяин, как фокусник, извлекал пакетики, банки и коробочки из бездонной волшебной шкатулки. Стол оказался переполнен более или менее добротным товаром, причем показан он был с такой стремительностью, будто волшебник хотел ввести зрителя в заблуждение. По-видимому, так предусматривалось программой.

Тут показался фрагмент пекторали⁴ с расшитого фаянсовыми бусинами покрывала мумии, там промелькнула крышка канопы, второпях я не разглядел, кто это: Амсет, Хапи, Кебехсенуф или Дуаму-

теф. Из волшебного сосуда полились египетские монеты времен Птолемея, греческие и римские. Подобно служащему банка, распределял их по сортировочной кассе, тут было 180 больших и малых монет, среди них 16 серебряных тетрадрахм ($\frac{1}{4}$ драхмы) с профилем Птолемея I Сотера⁵ (около 367 г. до н. э.) и головой Зевса; двенадцать, как мне показалось, были отчеканены позже: они легче оригинальных, содержащих 17,44 г серебра, да, пожалуй, и следы времени на них нанесены искусственно, путем старательного и осторожного стирания контуров.

Время от времени я выражал сомнение в подлинности того или иного предмета, однако проявленные мною знания не особенно удивляли хозяина; он хлопал меня по плечу и восклицал: «Смотри, какая красивая и оригинальная вещь!» Стараясь привлечь мое внимание, он предлагал более древний экземпляр.

Памятуя о мудром изречении времен фараонов: «Человек не обеднеет, если станет говорить учтиво», — торговец всячески превозносил свой товар. Он уверял, что многие иностранцы приезжали к нему исключительно ради того, чтобы купить мелкие амулеты, скарабеев, фигурки гримасничающего полубога Беса⁵, подвески или кольца. «Дважды в год, — говорил он, — приезжает один мой друг из Австрии; он — ювелир. Этот покупает почти все, что я ни предложу». Чтобы показать весомость производимых им сделок, он стал называть имена постоянных клиснтов из Германии и Голландии, которые определенно могли быть мне известны.

Я сохранял совершенную невозмутимость и с удовольствием следовал правилу восточной торговли: приобретаю новых партнеров, выказывая полное доверие. Правило это, по-видимому, еще не вошло в практику постоянных покупателей, иначе они не попадались бы на удочку торговцев при виде счетов одних и тех же «солидных партнеров». Я постоянно испытываю чувство недоумения, когда вижу, насколько простодушны покупатели и хитры торговцы.

Поскольку я не проявлял заметного интереса и сидел словно каменный Будда, наш делец открыто заявил мне, что, если мне нужны саркофаги или крупная скульптура, надо набраться терпения и подождать: в течение одной недели такой заказ едва ли можно удовлетворить. «Наш общий знакомый сообщит тебе о дне встречи». Бедные, разоренные до нитки торговцы древностями сегодня, как в былые времена, способны еще раздобыть крупные ценности!

Этот навевающий мрачные мысли разговор происходил в каких-нибудь двухстах метрах от Египетского музея. Я не собирался ничего приобретать на черном рынке, но, выполняя свое обещание, выложил на стол иностранную валюту. 200 западногерманских марок мы обменяли по официальному курсу.

Вскоре меня познакомили еще с двумя торговцами. Один из них

не пожелал показать товар по той причине, что его близкий родственник из печально знаменитого клана находился в то время не в лучших отношениях с властями; другой хотел знать, какой товар меня интересует. Между прочим, замечу, что покупатель всегда должен быть начеку; если он играет в открытую, желая приобрести что-нибудь определенное, — прекрасно; если же надеется половить рыбку в мутной воде, то может сильно обжечься: сообщество торговцев не слишком церемонится с любопытствующими.

Не раз я видел собственными глазами в самых различных местах, какие еще существуют склады товаров. Жалобы торговцев на то, что Служба древностей губит их, запрещая туристам обращаться к ним, — это один из успешно используемых приемов, посредством которого удобно поддерживать высокий уровень цен. Закон рынка таков: мало товара — возрастает цена. С древностями дело обстоит точно так же, как с нефтью, добычу которой в этом районе сокращают для получения большей прибыли. О каком восточном товаре ни шла бы речь, он будет продан по самой высокой цене.

Впрочем, торговцы в редких случаях заключают действительно удачные сделки с туристами. Оригиналы, которые приезжие рассовывают в чемоданы рядом с откровенными фальшивками и «хорошими подделками», представляют собой ничтожную долю из всего того, что приобретают агенты из разных стран и частные коллекционеры: это примерно сотая доля процента. Туристы мало подходят в качестве партнеров дельцам, занимающимся продажей древностей. Безвозвратно прошли времена, когда солидные торговцы выставляли ценности в зале отеля Шеферда. Сегодня каирские отели предлагают постояльцам не древности, а продукцию мастерских по изготовлению сувениров. Рядовой турист удовлетворяет страсть к покупкам на самом знаменитом базаре Востока Хан-эль-Халили, дух которого почти не изменился за последние 600 лет. Здесь товары Востока текут словно из рога изобилия, и тот, кто соглашается платить большие деньги, сам виноват. На восточных базарах, где розовое масло и пряности распространяют столь незабываемые ароматы, надо уметь торговаться — все равно, идет ли речь о покупке ковра, резьбе по слоновой кости, чеканке по серебру, украшении или простом верблюжьем седле. Естественно, торговцы с большим удовольствием возьмут крупную сумму, предложенную им, но тот, кто хорошо знает Восток, заметит на их лицах печать разочарования. Скорая сделка не по душе арабам; им нравится торговаться, сидя за чашкой черного, как ночь, сладкого кофе и покуривая необычайно длинные сигареты. Достигнутая после продолжительного торга договоренность (обычно при существенно понизившейся цене) венчает деловую сделку. Покупателя напутствуют добрыми словами, как старого друга. При этом не стоит удивляться, если он окажется

бессовестно обманут. В этом и состоит изюминка торговых операций.

Неподалеку от Хан-эль-Халили незаметно от посторонних глаз ведется по-настоящему крупная торговля древностями. Сюда ведут не дурманящие запахи базара, а дела поважнее. Неутомимый старатель найдет эльдорадо подлинных египетских древностей, и тогда уже уникальные маски из пальмового дерева и божества из бронзы будут говорить сами за себя. Искатель древнеегипетских ценностей сможет воочию убедиться, что здесь все еще процветает большой бизнес, правда, мешает Уджат⁶, т. е. Служба древностей⁷. Но что поделаешь, *no business like antiquity business**.

* Никакой бизнес не сравнится с торговлей древностями (англ.).

Туристы в роли воришек

По Великому ливийскому эргу, находящейся к западу от дельты Нила песчаной пустыне с ее дюнами и округлыми холмами щебня, тянется караван. Боги — хранители Красной земли: Сет, Сопду, Гор, Ха и другие — все отвернулись, увидев, как группа людей двинулась от их святилищ по краю нильской долины. Это не благословленная фараоном экспедиция, ищущая за дальним горизонтом неведомые сокровища для земного божества. Это и не караван, который ведут через полные опасностей края царские проводники «шемсу».

Это три вездехода ярко-желтого демаскирующего цвета с семнадцатью любознательными путешественниками направляются из Марса-Матрух в оазис Сива¹. За 2895 западногерманских марок этим любителям приключений гарантирован осмотр долины Каттара (137 километров ниже уровня моря) и возвращение из Каира соответствующим авиарейсом во Франкфурт. Организаторы путешествия обещают западногерманским жителям приключения и различные маршруты.

«Приключения?» — спросите вы. Разве можно сегодня, хотя бы отдаленно, почувствовать опасность экспедиции, которая была предпринята, например, 4400 лет тому назад Хархуфом с целью исследования путей, ведущих через оазисы на юг? По-моему, нет, тем более если иметь в виду измученного стрессами жителя Центральной Европы: его скоро начнет раздражать грохот и скрежет бензиновых канистр на крыше машины или еще что-нибудь, а обычное для приезжающих сюда туристов расстройство желудка заставит быстро усомниться в благополучном исходе задуманного предприятия.

Пять лет тому назад египтянин Х., женившийся на немке, разработал план нескольких туристских маршрутов по земле своих предков. Его проект, на мой взгляд, насыщен чисто восточной фантазией, но, поскольку бумага все терпит, он предлагает экскурсии в пустыню... к обычно не посещаемым оазисам. Регулярно в декабре месяце каждого года (т. е. в период «каирского сезона») в 16-дневную поездку по пустыне отправляется фургон с 16 пассажирами. «Ура, сафари!» — восклицают путешественники. В среду представителей академических кругов, составляющих туристическую группу, нередко случайно попадает и обыватель. Тут же находится самозванный гид, едва разбирающийся в истории и географии, и начинает навязывать свои впечатления.

Хорошо проложенная трасса ведет из Каира через Александрию на Мерса-Матрух — египетскую Ривьеру — и далее по шоссе через пустыню к оазису Сива. Усталым взглядом путники скользят по стенам храма Амона, где известного оракула посетил Александр Великий². Чтобы выпить немного кока-колы, делается привал неподалеку от Сивы, самой западной группы оазисов с 200 источниками. Именно здесь незадолго до начала нашей эры император Август пытался лечить свою подагру.

Кроме цветистой жизни оазисов — от Бир-эль-Эстабиса до Мигахиза, — вниманию приезжих предлагается и ряд окрестных мест. Один хотел бы попасть на озеро Сивы, к Гебель-эль-Матва — «Горе мертвых», другой — порыться в находящихся у деревни Агхурми развалинах храма царя XXVII династии (525—404 гг. до н. э.) Амасиса³; руководители поездки с удовольствием выполняют все желания клиентов.

Приятно возбуждающий ветер приключений царит в воздухе, теплый — днем, прохладный — по ночам. Пройдя 120 километров, моторизованный караван оставляет узкую, но покрытую асфальтом дорогу между Мерса-Матрух и Сивой и мимо опор телефонной линии смело двигается в направлении прокладываемого шоссе на юг. В местах отдыха, куда часто приходят потолковать друг с другом бедуины, обязательно найдется человек, который высоким слогом бульварных листков поведает о том, что здесь в 525 г. до н. э. разыгравшаяся песчаная буря унесла жизнь 50 000 персидских наемников, не успевших добраться до спасительного оазиса Сива. Ужасно! А там ведь было так хорошо! Меня несколько не удивит, если выяснится, что рассказчика этой истории нанял расторопный господин Х. Восточные сказочники весьма кстати во время настоящего сафари.

Организаторы путешествий разработали интересный метод психологического воздействия на туристов. Если выяснится, что запланированное приключение не возбуждает достаточного интереса всех 16 клиентов, то может случиться, что три автобуса свернут с обыч-

ного маршрута и пассажиры получают возможность немного покопаться в песке в каком-нибудь укромном месте. Так, например, расположенное между Мерса-Матрух и Сивой кладбище греко-римской эпохи было разграблено туристскими караванами предприимчивого господина Х. Вооружившись заступами и консервными банками, любители приключений чувствовали себя современными разбойниками. Они увезли найденные вещи, спрятав их в белье, коробках из-под киноленты и проигрывателях, как воспоминание о путешествии в прошлое. Устроитель поездок Х., которому следовало бы упреждать туристов от дурных поступков, сам был пойман служащим западногерманского посольства в Каире с поличным: он попытался тайно вывезти часть саркофага. Истинные причины этого незаконного деяния египетским властям не известны. Четверо сотрудников Службы древностей, с которыми я имел беседу, не могли припомнить ничего определенного. Сотрудник Египетского музея доктор С., которого я навестил 12 августа 1978 г., что-то знал, но не смог назвать ни дат, ни имен. Восточное гостеприимство проявляется в самых различных формах. Иностранные путешественники благодаря снисходительности к ним увозят из Египта большие ценности, при этом оставляя не так уж много звонкой монеты.

С лета 1979 г. посещение восточной зоны Красной земли предусматривается программой путешествий, разработанной господином Л.: Харга, египетский оазис в Ливийской пустыне длиной 200 и шириной 50 километров, известный в древности как Большой оазис; Бахария, Малый оазис площадью 2300 квадратных километров — полоса земли в честь бога пустыни Сета⁴, покровителя египетских царей.

В этом районе располагались, бесспорно, мелкие святилища кочевников, поклонявшихся Сету, на что указывает и программа господина Х. Не забудьте взять с собой кирку, лопату и маскирующий упаковочный материал.

Наследие богини Сахмет

Суеверие не является характерной особенностью какого-то одного периода времени. Оно всегда существовало и будет существовать. Это — тайная мрачная обитель для того, кто живет в одиночестве и отчаянии. Суеверие было связано и с богиней Сахмет¹.

«Все боги тройственны»², — утверждали древние египтяне и для Мемфиса избрали триаду божеств — Сахмет, Птаха³ и Нефертума. Львиноголовая богиня Сахмет (по-египетски Сильнейшая), как считали египтяне, насылала различные болезни; ее супруга Птаха почитали как творца Вселенной и бога — покровителя ремесел.

Однажды царя Египта Аменхотепа III (1402—1364 гг. до н. э.) поразил тяжелый недуг. Будучи весьма суеверным человеком, он попытался снискать благосклонность богини Сахмет следующим способом: Аменхотеп приказал в выстроенном им храмовом комплексе Карнака поместить сотню статуй Сахмет. Именно этому египетскому царю все музеи — от Абертины до ватиканского Музея Грегориано Эджицио — обязаны статуями богине Сахмет. 30 из них принадлежат Британскому музею, 12 стоят в Лувре, 7 демонстрирует Метрополитен-музей, 4 украшают залы Эрмитажа, 8 сидящих и 11 стоящих Сахмет, а также один фрагмент имеются в Музее Эджицио в Турине; Музей искусства г. Толедо, Огайо, вынужден довольствоваться одной верхней частью скульптуры богини. Батиста Бельцони привез две ее статуи во Дворец Раджоне в Падуе. В каталоге городского музея Ливерпуля значатся две фигуры, а Альбертина располагает только головой. Египетский музей владеет восемью статуями Сахмет, торсом и фрагментом сидища богини с картушем Аменхотепа III. Трудно сказать, сколько фрагментов скульптур богини Сах-

мет разбросано между Лос-Анджелесом и Хильдесхаймом, Берлином и Марселем в частных собраниях.

Последняя сделка еще не совершилась, и на рынок время от времени попадают фрагменты статуй Сахмет. Так, в 1972 г. Музей искусства и истории в Женеве приобрел официально выставленный оригинал статуи египетской богини. В 1978 г. на базельской выставке «Произведения египетского искусства в швейцарских собраниях» удалось показать лишь голову Сахмет и маленькую бронзовую статую высотой в 35 сантиметров (около 945 г. до н. э.). Последняя известная нам попытка продать Сахмет в ФРГ относится к концу 1977 — началу 1978 г. Сделка, однако, не состоялась.

Луксор и Карнак представляли собой храмовые комплексы главного города Египта, Фив. Местному богу Амону посвящено самое большое культовое сооружение, а богине Мут⁴ — одно из самых маленьких. Поскольку Мут и Сахмет, как и прочие восточные владыки, любили кошек⁵, однажды по обе стороны церемониальной дороги, ведущей к храму, поставили ни много ни мало 574 гранитные фигуры Сахмет в кошачьем обличе. Здания храмов, прежде граничившие со священным озером⁶, сегодня превратились в поросшие желто-зеленым тростником развалины. Разрушенные временем, разбитые изваяния богини Сахмет, лишенные лиц, придают святилищу некое мрачное очарование (рис. 54—55).

Несколько лет тому назад была предпринята попытка ограбления храма Мут. В 1976 г. один из путешественников задумал подкупить трех гафиров, чтобы с их помощью завладеть хорошо сохранившейся статуей Сахмет. Однако стражники, охранявшие развалины храма, оказались неподкупными.

Храм Птаха довольно часто подвергается грабительским нападениям. Тутмос III (1490—1436 гг. до н. э.) посвятил его богу города Мемфиса, который — вместе с Сахмет и Нефертумом, юным богом, восседающим на цветущем лотосе, — принадлежит к одной божественной семье. К колонному залу храма примыкают три капеллы, образующие главное святилище. В средней капелле до сих пор стоит бесценное культовое изображение Птаха, в задней — статуя его супруги Сахмет (рис. 56). Вход в капеллу Птаха преграждает железная дверь. Статуя Сахмет располагается за зарешеченной дверью из железных прутьев. Только на определенное время гафиры открывают вход для посетителей.

Несмотря на все предосторожности, прекрасную статую Сахмет пытались похитить трижды. Последнее покушение, которое едва не удалось, произошло в 1967 г. С тех пор богиню охраняют еще строже, не полагаясь уже на то, что пьедестал укреплен железными скобами.

Об одной неудачной попытке похищения статуи Сахмет мне сооб-

шил адвокат Эль-Рахман А. из Луксора и доктор Абу Р. из Каира. Последний, служивший инспектором Службы древностей Луксора, оценивает вес статуи в 12 тонн, адвокат А. полагает, что она весит 20—25 тонн. Существует несколько версий относительно попытки похищения. Согласно одной из них, многотонную Сахмет, заваленную всякой всячиной, на 4-колесной повозке, запряженной ослами, подвезли почти к самому Луксорскому аэропорту. Однако, испугавшись чего-то, воры столкнули этот несравненный объект в канал. На наш взгляд, версия не соответствует действительности. Дама по-прежнему находится в капелле, во всяком случае, если бы такую тяжесть выуживали краном из воды, это не осталось бы незамеченным. Другая версия, сообщенная мне знакомым гафиром, гласит: похищение сорвалось в тот момент, когда скульптуру уже сняли с пьедестала. Ни одна из указанных версий не получила подтверждения со стороны авторитетных лиц.

Заметка в журнале «Шпигель» от 18 апреля 1977 г. внесла новую путаницу в это и без того запутанное дело. В заметке говорилось: «Недавно группа охраны древностей настигла банду похитителей, пытавшуюся переправить за границу 7-тонную статую фараона времен фараонов». Если под «недавно» понимать интервал времени в несколько месяцев, то можно смело утверждать, что в 1977 г. никто не пытался вывозить из Египта памятник культуры весом в несколько тонн. Если автор статьи, говоря о «статue фараона», подразумевал предпринятую ранее попытку похищения статуи богини Сахмет, то он ошибался. Но если он все-таки имел в виду случай с Сахмет, то слова «времен фараонов» вполне соответствовали действительности. Так или иначе, корреспондент передал, по-видимому, ходивший по Луксору слух, будто в 1977 г. была совершена попытка вывезти из Карнака Сахмет на вертолете. Однако это чистая выдумка. Впрочем, я не исключаю, что автор статьи в журнале «Шпигель» получил сведения, которыми я не располагаю, хотя два года вел настойчивое расследование. При этом мне помогало более 30 квалифицированных специалистов. В конце концов, при всей изобретательности и технической оснащенности современных похитителей памятников культуры, при всех почти неограниченных возможностях, которыми они располагают в Египте, остается невероятным, чтобы многотонный груз удалось запросто вывезти из страны.

Имевшие место неопределенные описания похищения подтверждаются и сообщениями двух людей, которым можно верить. Статуя была снята со своего места в капелле и вывезена. О краже было заявлено в полицию, начались поиски. Преследователи обнаружили на песке глубокие следы от повозки, груженной Сахмет. Идя по пятам преступников, полиция в двух километрах от храма обнаружила повозку, запряженную двумя волами, и девять похитителей.

Замаскировав повозку, «девятка» удалилась, а полиция продолжала наблюдение. Следующей ночью, когда воры и укрыватели явились, чтобы увезти статую, они были арестованы; среди кукурузных початков лежала поврежденная голова богини — она оказалась отколотой. Грабители сдались без сопротивления и, подобно Сахмет, отправились за железную решетку. Организаторы похищения остались безнаказанными, даже имена их неизвестны. Такова старая традиция нелегальной торговли в Египте. Вор либо процветает, либо погибает по воле укрывателя, которому он служит.

Поскольку суеверный Аменхотеп III осуществил великолепное помещение капитала в виде статуй Сахмет, некоторые из них — хвала богам — сохранились до наших дней. Достигли они места, где находятся теперь, законным путем или нет, об этом, по крайней мере относительно некоторых скульптур, ничего не известно.

Американец в Луксоре

Господа из хорошо известной лос-анджелесской ювелирной фирмы «Дж. энд Ч. Феррари» держали нос по ветру, когда в мае 1977 г. поместили в торговом регистре название «King Tut»* в виде марки своей фирмы. Это произошло незадолго до того, как волна ажиотажа вокруг страны фараонов обрушилась на Американский континент. Юный Тутанхамон вскоре сделался звездой громадного шоу, организованного американскими музеями. В Вашингтоне и Чикаго юный фараон привлек внимание свыше полутора миллионов посетителей, жители Нового Орлеана забыли о джазовых представлениях и встали в огромные очереди за билетами в страну Тутанхамона, на «самую удивительную передвижную выставку из когда-либо проводившихся в Америке», как с восторгом писали местные газеты. Когда одна из крупнейших американских телевизионных компаний показывала документальный фильм «Юный царь Тут», треть нации не сводила глаз с египетской звезды; страну неограниченных возможностей охватила безумная египтомания. В 1978 г., когда в Лос-Анджелесе готовилась к открытию выставка Тутанхамона, фирма «Дж. энд Ч. Феррари» была в зените славы, ее годовой оборот значительно возрос, в частности благодаря организованной в Сан-Франциско выставке-продаже. Здесь, в 500 километрах от Лос-Анджелеса, фирма продавала дорогие подарки, выполненные в древнеегипетском стиле. Сделки следовали одна за другой. «Свет с Востока» побудил сотни американцев всех 50 штатов отправиться в

* Царь Тут (англ.) — характерное для американцев сокращение имени фараона Тутанхамона.

неведомый им доселе прекрасный мир Тутанхамона с наличными деньгами в карманах джинсов и смокингов. Вправленное в золото изображение Туты продавалось за 115 долларов. Ювелир Блюмингдейл, следуя по стопам своих конкурентов Феррари, выбросил на рынок золотые браслеты и цепочки с подвесками, украшенные иероглифами; с их овалов на вас смотрели потухшие глаза царя-божества. Кеннет Джей Лейн, не отставая от моды, наладил выпуск египетских украшений по цене от 17 до 250 долларов. Кто же будет пренебрегать модой, если слово «Египет» на устах.

Покупатели находят в зависимости от толщины кошелька как откровенную халтуру, так и стоящие вещи. У Мациса, в одном из самых фешенебельных магазинов мира на углу Бродвея и 34-й авеню Нью-Йорка, египетские изделия шли нарасхват. Даже бродячему лотошнику с Уорд-стрит (окраина Ист-Сайда) здорово повезло: залежалый товар, литые викторианские пресс-папье, мгновенно раскупили только потому, что были выполнены в виде покрытых патиной сфинксов.

Потребитель, приверженный к миру искусства, был буквально завален различными сувенирами. Можно было купить абсолютно все, начиная от мобилей с глазом Уджат, который давал возможность мертвому из саркофага видеть мир, и кончая гипсовыми фигурками богини Сахмет. Американские курильщики и не подозревали, что изображенный на пачке сигарет Анубис с головой шакала — это египетский бог мертвых; таким образом, закуривая сигарету, они наглядно убеждались в смертельной опасности никотина (страх перед которым приобрел в США характер истерии). Подrostки развешивали плакаты с выставки Тутанхамона на стенах своих комнат, что вполне соответствовало духу девичьей обители. Известный нью-йоркский Метрополитен-музей потратил 2 млн. долларов на приобретение репродукций египетских сокровищ!

Если бы все произведения искусства вывезли из Египта по лицензии и Египетский музей получил бы таким образом средства для крайне необходимой реконструкции, и тогда шумиха вокруг юного фараона даже всепрощающему Тоту, богу мудрости и искусства письма, показалась бы, наверное, слишком громкой.

Музейный каталог Эдвардса «Сокровища гробницы Тутанхамона» (цена 8,95 доллара) газета «Нью-Йорк таймс» с сентября 1977 г. зачислила в список бестселлеров. Некий А. Чепилл из Лос-Анджелеса после многократных посещений музея сумел наконец раздобыть указанный каталог. С чувством радости он заявил, что следующая его поездка, без сомнения, будет в Египет. Уж там-то он сможет приобрести *«choise piece of old Egiptian art»**.

* «Лучший образец древнеегипетского искусства» (англ.).

Пока Чепилл фантазировал о стране своих грез, а придуманная Анджело Доньей «египетская кушетка» за 870 долларов ждала на Бродвее своего покупателя, вице-директор одной из самых крупных фирм, изготавливающих спортивную и супермодную одежду, заказал билет на самолет и 8 ноября 1977 г. вылетел в Каир.

Начиная с 14 ноября 1977 г. я несколько дней жил на холмах Курны, в отеле «Марсам», в этом запущенном оазисе моего друга Али Абд эр-Расула из знаменитого клана Расулов. Однажды, расположившись на своем излюбленном месте посреди жаркого и пыльного двора отеля, я обратил внимание на одного приезжего, вернее, на его пеструю гавайскую рубашку. То, что это модная вещь из коллекции фирмы нарядной одежды города Далласа (штат Техас), я узнал из разговора с красочно одетым гостем. Очевидно — и гадать тут нечего, — экскурсия по Долине царей утомила его; с шофером такси и молодым гидом из Луксора он вернулся отдохнуть. Пустив в ход алюминиевые вилки, тайно взятые от Али, американец долго сражался с громадной порцией кебаба — «фирменным блюдом» египетского ресторана, т. е. прожаренными кусками баранины. Ему, привыкшему к одному куску, это в конце концов надосло, и он громко позвал старшего официанта. Когда подошел худой человек в белой галабее, чужеземец долго не мог понять, что перед ним хозяин заведения. «Пожалуйста, ешьте!» — сказал босоногий владелец гостиницы и неторопливо отправился в тень, чтобы занять свое место на обломках кровати. Перебросив через плечо конец шерстяного тюрбана, он закурил следующую, вероятно, пятидесятую по счету сигарету.

Постоялец отказался от попытки получить нечто съедобное и потребовал бутылку пива, одним махом осушил ее, расплатился и сказал на прощание: «Какое паршивое заведение!» Выходя, он озадачил меня брошенной вскользь фразой: «До скорой встречи!» «Инш'алах!» — проворчал Али, закуривая очередную сигарету.

Через два дня после этого комического случая я сидел с одним из своих друзей и шейхом Маарбудом Нагди на туристской базе Бибан-эль-Молука в Долине царей. Вдруг на террасе я увидел знакомого американца из Далласа, он о чем-то горячо спорил с молодым луксорским гидом и гафиром храма Тутанхамона¹.

Будучи руководителем группы гафиров в Долине царей, шейх Нагди понимал всю значительность своей должности. Бросив неодобрительный взгляд на спорящих, он встал из-за стола и, опираясь на палку, направился к возмутителям спокойствия. Спор утих в мгновение ока. Так произошла вторая моя встреча с техасцем.

После напряженных съемок в карнакском храме Амона мы с оператором решили вознаградить себя за труды хорошим ужином в луксорском отеле «Савой». Едва мы проскочили в стеклянную дверь

зала, как натолкнулись на американца. Целый сонм голодных туристов бросился в нашу сторону, но мы успели укрыться за широкой спиной американца. «Давайте попытаемся получить хотя бы засохший пудинг!» — сказал он улыбувшись и при помощи бакшиша — определенного количества долларов — заказал через находившегося в отчаянии метрдотеля последний свободный стол. Во время ужина мы познакомились ближе. Американец в пятый раз прилетел из Далласа в Луксор; мы сказали, что находимся здесь в научной командировке.

После прекрасного ужина он предложил выпить что-нибудь на террасе; мы приняли приглашение. Желая пустить разговор в интересующее меня русло — зачем житель Далласа приехал в Луксор? — я спросил его между прочим о том, чем был вызван горячий спор, происходивший несколько дней назад в Долине царей.

Обстановка располагала к откровенности, и наш собеседник рассказал о том, что явилось причиной спора. Перед поездкой в Египет друзья, помешавшиеся, как почти вся Америка, на Тутанхамоне, просили его привезти с родины юного фараона какую-нибудь подлинную вещь — на память. Тогда у нашего знакомого возникла хорошая идея: через Абу Хасана — так звали молодого луксорца — он попросил одного из гафиров гробницы Тутанхамона положить в его дорожную сумку несколько камней из тех, что лежат на стене вокруг хода в гробницу. «Я предложил ему даже десять фунтов, если он достанет для меня штук двадцать камней. Однако парень неверно понял меня, он подумал, что я хочу каким-то образом повредить Туту. Поэтому Абу Хасан так шумно повздорил с этим гафиром». Я спросил, получил ли он в конце концов свои камни. «Да, в гробнице мы с этим малым поговорили еще раз. Я сказал ему, что хочу взять с собой на память обыкновенные камни; за двенадцать фунтов он притащил два десятка, а потом еще пронес тяжелую сумку, когда мы уже были за оградой. Вот сумасшедшие!»

Наши стаканы неоднократно наполнялись значительным количеством виски и льда и незначительным — воды. С каждым глотком разговор становился все оживленнее, и вскоре мы узнали причину посещения Египта техасцем. Будучи много лет помешанным на древностях, он часть своих доходов тратит на приобретение египетских памятников культуры — для собственной коллекции, а также для продажи за границы. «Я разбойник, — шепнул он мне, — вернее, собиратель», — поправил он сам себя и улыбнулся. При этом он хлопнул меня по плечу, желая убедить в том, что он именно собиратель, а не разбойник. «Взгляните, — сказал он и достал из внутреннего кармана куртки, висевшей на спинке плетеного кресла, пачку фотографий форматом 9 × 11 сантиметров. — Это самые любимые вещи из моей коллекции, их свыше 200. Эти фотографии я всегда

ношу с собой». Фото удивительной бронзовой статуи богини Нейт я, наверное, никогда не забуду: мой взгляд словно сфотографировал «красную корону»² богини войны с луком в руке.

«За последние четыре года, — продолжал рассказывать техасец, — я шестой раз приезжаю сюда. Даже если случается возможность отправиться в Европу — во Флоренцию, Венецию, Париж или Гейдельберг, — самым желанным местом для меня всегда остается Египет. Разве можно сравнить здешний рынок с рынком произведений искусства в Америке, в Париже, Лондоне или Цюрихе? В Египте всегда (если ты хоть немного соображаешь) можно приобрести хорошие вещи, особенно в провинции». «Бывали вы в Амарне?» — спросил я как бы между прочим. «Конечно, мой друг! Когда ты говоришь, что через две недели вновь заглянешь сюда, они заранее выпилят тебе из стены что-нибудь. Три года назад один гид из окрестностей Эль-Байядийя привел ко мне гафира, у которого были кое-какие вещи Переходного времени³. Пятьдесят фунтов — и я на самолете, летящем в Штаты!» Пальмовые листья его гавайской рубашки колыхались от смеха.

Как и полагается, наш американский знакомый имел дело лишь с очень немногими торговцами Каира; во время пребывания в Луксоре он купил несколько хорошеньких «мелочей». В лавке Сайеда Мулатхама, что торгует на углу отеля «Луксор», — одна «дрянь». Техасец залился смехом. «Мольтам ничего не смог всучить мне».

«У вас не случались неприятности с таможей?» — спросили мы. Американец был необыкновенно веселым человеком, и наш вопрос вызвал у него смех. «Знаете, у меня есть интересный фокус! Каждый раз я проявляю заботу о том, чтобы мой багаж имел лишний вес. Служащие аэропорта Луксора просто счастливы, когда весы показывают значительно больше, чем нужно. Однажды, господа, приподняв чемоданы, я почувствовал, что они слишком легки. Тогда я попросил садовника «Савоя» наполнить песком два пластиковых мешочка. Таким образом, благодаря лишнему весу я провез целую коробку прекрасных терракот птолемеевского и римского времен. Стоимость лишнего веса багажа не идет ни в какое сравнение с ценностью этих великолепных вещей!»

Он и в самом деле был горазд на фокусы — этот наш деловой партнер. Посредством трюка с лишним весом он вывез из страны во время двух поездок около сорока фунтов небольших предметов, при этом однажды даже через аэропорт Каира. Скарабеев и фаянсовые амулеты он обычно упаковывал в коробки из-под киноленты, на которых стояла надпись «Непроявленная киноплёнка». Ни у одного таможенника не поднялась рука уничтожить туристские снимки.

В 1975 г. техасец приобрел в Каире две фигурки ушебти позднего времени (около 700 г. до н. э.); потом в какой-то лавке

сувениров набрал с полдюжины неплохих имитаций и смешал драгоценности с этой чепухой. Таможенник бросил лишь снисходительный взгляд на вещи при посадке в самолет. Обе фигурки ушепти, которые должны были в потустороннем мире трудиться вместо покойного, теперь находятся в собрании нашего американского знакомого. Имитации же он подарил друзьям, которые, вероятно, остались довольны.

Два дня спустя техасец отбыл через Бомбей в Даллас. Скорее всего, и на сей раз с лишним весом. В хмельном благодушии он поведал нам, что с удовольствием приедет сюда вновь.

Позже я случайно встретил гида Абу Хасана. Он раздобыл для американца три десятка преискурантов луксорского торговца древностями Мольтама; на каждом из них было написано по-арабски и по-английски: «Подлинные камни из гробницы Тутанхамона».

Франц Райхерсхайм в 1880 г. вместе с одним из любителей путешествий посетил Египет. По возвращении на родину он выпустил небольшой сборник путевых заметок. В них есть строчки, на которые по сей день не легла патина времени: «Прежде всего в Луксоре мы разыскали почтамт, чтобы отослать свои письма и получить присланные: затем нанесли краткий визит агенту немецкого консульства. Его имя Булос Тодрос, он копт и владеет лишь языком своей страны, в то время как сын его, Мохареб Тодрос, посещал немецкую школу в Бейруте и свободно говорит по-немецки, по-английски и по-французски. Господин Тодрос ведет широкую торговлю египетскими древностями, и его лавка — единственное (за исключением Булакского музея) место, где можно купить по сходной цене действительно подлинные вещи. Наряду с подлинниками у него есть большое собрание в высшей степени искусно сделанных имитаций, предназначенных для сравнения с настоящими древностями. У местных жителей, которые всюду навязывают приезжим свои древности, подлинные вещи попадаются редко, и за них требуют бессовестно высокую цену.

Господин Тодрос-младший принял нас весьма любезно, угощал лимонадом, кофе и сигаретами. Его комнату украшают портреты немцев, посещавших Луксор; среди них много князей и принцев».

Господин Булос Тодрос служил агентом прусского консульства. В молодые годы он изучил ремесло серебряных дел мастера. Благодаря знанию приемов обработки благородных металлов и необыкновенной способности работать руками он приобрел третью специальность: наряду со службой в качестве агента консульства и торговлей

древностями он занимался фальсификацией произведений искусства. Его гостеприимный дом, где он вместе с сыном занимался преимущественно изготовлением фальшивых скарабеев, находился рядом с развалинами храма Аменхотепа. В XIX в. остатки луксорских храмов были сплошь застроены жилищами, стойлами и амбарами, принадлежавшими арабам и коптам. Дом Тодроса с удовольствием посещали не только путешественники-немцы, чьи пожелания он всегда с усердием выполнял; его жилище представляло собой место встреч перекупщиков со всех концов света. Профессор Адольф Эрман (1854—1937), директор берлинского Египетского музея, создатель современной египетской филологии, также был частым гостем расторопного египтянина. Профессор вспоминает: «Ввиду своего положения Булос и Мохареб Тодросы чувствовали себя обязанными проявлять некоторую предупредительность в отношении берлинского музея. Таким образом, в течение ряда лет мы стали обладателями нескольких хороших вещей и при этом остались добрыми друзьями».

Эрман забавно изображает момент заключения сделки, напоминавший, скорее, торговлю на восточном базаре. Сначала Тодрос-старший изображал из себя пожилого сторожа лавки и клялся всеми святыми, что, кроме него самого, никаких древностей на складе нет. Когда что-то все-таки покупали, он начинал вытаскивать из-под софы ту или иную ценную вещь. Если сделка удавалась, он извлекал еще нечто заслуживающее внимания. «Его любимая шутка состояла в том, — рассказывает Эрман, — что вещь, которую желали купить, якобы принадлежит не ему, а «одному арабу»!»

Всякий, кто с середины и до конца XIX в. был замешан в торговле египетскими древностями, рано или поздно оказывался связан с хитрым коптом Булосом Тодросом. Голландский купец Ян Херман Инцингер, надеявшийся в сухом египетском климате излечить свой туберкулез и одновременно осуществить в Луксоре кое-какие денежные операции, был столь же частым гостем Тодроса, как и Чонси Марч, которого в 1833 г. Правление пресвитерианских иностранных миссий послало в Египет. Роль посланца пресвитериан Марч понимал по-своему: он видел свою миссию в собирании древностей. В 1906 г. его обширная коллекция скарабеев стала достоянием Британского музея. Связанный с Тодросом агент консульства Жюль де Моньи, более 20 лет обитавший во Французском доме, первым определил среди ювелирных изделий вещи царицы Ях-хотеп. Французский египтолог Гастон Масперо, с 1899 по 1914 г. бывший Генеральным директором государственной египетской Службы древностей, также поддерживал связь с Булосом Тодросом. Разбойники, грабившие усыпальницы «Города мертвых», поминальные храмы царей и цариц на западной окраине Фив, доставляли свои на-

ходки в дом Тодроса. Бей Мухаммед Мохасиб, начинавший карьеру слугой у английской леди, сделался превосходным укрывателем краденного; сначала он занимался мелкой торговлей, а затем, в 1880 г., организовал в Луксоре самостоятельное дело, связанное с памятниками древности. Совместно с Тодросом он поставлял на рынок те «товары», какие сегодня можно видеть в европейских и американских музеях.

Булос Тодрос умер в 1898 г., в комнате, стены которой украшали фотографии с благодарственными надписями могущественных владык и прославленных ученых. Наследники еще и сегодня торгуют подделками, которые были изготовлены самим Тодросом и его подмастерьями.

Практичный ум Булоса Тодроса унаследовал его сын Мохареб (рис. 58), скончавшийся в 1937 г. С фотографии на нас глядит феллах, прошедший огонь и воду, торговец во втором поколении. Он вел дела с такой ловкостью и коварством, что до сих пор среди местных жителей ходят самые невероятные слухи о его борьбе за рынок сбыта.

Дело семьи Тодрос продолжил сын Мохареба, Саким Харриб. Долгое время это имя было окутано покровом таинственности. Дом Сакима Харриба под № 44 находился на Стейшн-стрит, одной из деловых улиц в центре Луксора. Дорожка ведет к главному входу многоэтажного желтого корпуса. Фасад дома ничем не выделяется: на балконах громоздятся клетки со всякой живностью, на веревках, словно флаги, развешивается белье. Дом № 44 — самое обычное городское строение.

Меня давно интересовала деятельность клана Тодросов, поэтому в 1976 г. я вновь попытался навести справки об обитателях дома № 44 по Стейшн-стрит. Луксорские друзья сказали мне: «Это дом Сакима Харриба. Его дети учатся здесь же, им запрещено выходить из дому, поэтому они не могут отличать дыню от помидора!» Попытка нанести визит господину Тодросу не удалась, богатый, но скупой копт не желал общаться с незнакомыми ему людьми. Тогдашний префект полиции Шарати категорически запретил мне встречаться с Харрибом, поскольку последний с некоторого времени значился в черном списке Службы древностей и за ним велось наблюдение. Позже я узнал, что Саким Харриб слаб здоровьем и неохотно принимал гостей. Это могло соответствовать действительности, но могло быть и просто предлогом для отказа.

В 1978 г. я встретился с двумя известными западногерманскими археологами, которые, как мне стало известно, поддерживали связь с Харрибом. Один из них сообщил мне, что Харриб умер. Приехав летом в Луксор, я разыскал племянника таинственного Тодроса, которого также звали Саким Харриб. Сведения о смерти главы

клана оказались ложными. Произошла путаница с именами. Умер не Тодрос, а торговец древностями по имени Альберт Тоудрос, имевший лавочку поблизости от отеля «Луксор».

Новый префект полиции Ауяд сообщил мне, что недавно в возрасте 77 лет скончался Саким Харриб из клана Тодросов. Лишь после смерти удивительного копта я получил возможность осмотреть (в сопровождении офицера полиции) таинственное жилище. К сожалению, оказалось невозможным открыть склад Сакима Харриба, опечатанный Службой древностей. Мне удалось увидеть только личные апартаменты торговца, а также вдову и детей.

Насколько замкнутым и нелюдимым изображали покойного, настолько гостеприимной оказалась его супруга. Она настояла на том, чтобы мы осмотрели все помещения, хотя там царил невероятный беспорядок. Предугадав мой вопрос, вдова сказала: «Нет, у нас совсем нет денег! Я действительно не знаю, где муж хранил деньги».

Дети Харриба — взрослый сын (21 год) и дочь-подросток — казались нелюдимыми, подобно всем детям, жизнь которых протекала в стороне от сверстников; они робко глядели в приоткрытую дверь спальни на своего толстого 10-летнего брата, который кинул на пол два сырых яйца, чтобы накормить кошек, выскочивших из всех углов.

Подмигнув, я спросил полицейского офицера: «Нельзя ли пробраться в запертый склад через окно, выходящее в коридор?» «О, нет-нет-нет!» — испуганно воскликнул он и решительно замотал головой. Для него это было слишком опасно. Нашим взорам во всем своем «великолепии» предстала комната богача Харриба. Она была обставлена старой походной кроватью, колченогим стулом, американским сейфом; на полу в беспорядке громоздились книги. На декоративном шкафу лежала реликвия: красная феска отца. Среди всего этого хлама я не заметил никаких ценностей. Несмотря на это, в Луксоре распространился слух, будто в доме № 44 спрятаны древности на сумму по меньшей мере в миллион египетских фунтов.

Вечером, когда я рассказал префекту полиции Ауяду о своем посещении, он сообщил мне, что, пока компетентные лица из Службы древностей не проведут опись оставшегося имущества, склад останется под замком. Только тогда можно определенно сказать, что верно в ходящих теперь слухах и предположениях.

Поскольку я не знал лично Харриба Тодроса (рис. 59), передаю описание его нрава со слов человека, хорошо знавшего торговца.

Харриба, это я слышал неоднократно, изображают нелюдимым и тяжелым в общении человеком, с которым незнакомые ему иностранцы при первой встрече ладили с трудом; по отношению к старым деловым партнерам он не проявлял скептической насторо-

женности. У Харриба были очень крепкие нервы, вернее, их не было у него совсем; он придерживался превосходного правила восточной торговли: не торопиться с продажей, поскольку нетерпение покупателя растет с каждым часом, как, впрочем, и цена. Если заинтересованное лицо не соглашалось с установленной торговцем ценой (сильно превосходящей действительную), переговоры продолжались неделями; однажды до заключения сделки прошел чуть ли не год. Плату Харриб принимал лишь в иностранной валюте. Но иностранных валютных счетов, которыми издавна пользовались его коллеги-дельцы, он не признавал, да и вообще никаких личных счетов видеть не мог. Саким Харриб требовал, чтобы дорогие вещи оплачивались 250-граммовыми золотыми слитками.

Говорят, одевался он очень бедно. Неудивительно поэтому, что он терялся среди серой уличной массы, и даже соседи не всегда замечали его. Жена решительно ничего не знала о делах своего мужа и получала кое-какие указания лишь перед тем, как двери дома распахивались для приезжих иностранцев. Даже в личных апартаментах Харриба она бывала весьма редко.

В том, что, по восточным представлениям, обстановка дома казалась более чем скромной, я мог убедиться сам. В двух приемных, опечатанных еще в декабре 1978 г., стояла мебель, по-видимому, времен расторопного папаши Мохареба Тодроса, развешаны портреты знаменитых посетителей, здесь же висел портрет Вильгельма II, а также флаги некоторых государств.

Таинственный господин Харриб продавал здесь древности Египта всех периодов: скульптуру, свитки папируса, всякого рода украшения, амулеты, скарабеев и т. д. Особо драгоценные вещи он вытаскивал из-под софы, когда гость уже собирался уходить. После долгих препирательств заключалась наконец сделка — и при этом с самым неожиданным результатом. Если Харриб не надеялся получить крупную сумму, он не показывал свои сокровища даже старым своим клиентам. Никому этот скряга не оказывал столь распространенного в Египте гостеприимства: остатки спиртных напитков он сливал в бутылки, не стесняясь гостей. Отсутствие специальных знаний он восполнял всякого рода хитроумными трюками. В легендах о его богатстве, по-видимому, есть доля правды.

Осенью 1978 г. я со съемочной группой работал в Луксоре. Снимая дом № 44 по Стейшин-стрит, я получил возможность еще раз побывать в квартире Харриба: комнаты казались светлее и более прибранными; на столе лежала визитная карточка голландского торговца произведениями искусства ван Д. Вдова, находившаяся, похоже, в затруднительном финансовом положении, надеялась, что каирские власти разрешат открыть склад. «Тогда я тут же все продам, — решительно заявила она. — Один человек из Голландии уже был

здесь». «Разумеется, мадам, — поддержал ее копт, домашний учитель двух младших детей, — Все идет своим чередом».

Старик Булос Тодрос вел книгу почетных посетителей, где оставили автографы известные люди со всех концов света. Сын и внук продолжали эту традицию. Книга посетителей, без сомнения, могла бы прояснить очень многое, но в том лишь случае, если она когда-нибудь найдется.

Древности в современной упаковке

Многие арабские сказки заканчиваются словами: «Если это и не правда, то хорошо придумано». Однако какой бы сказкой ни показался мой рассказ, все в нем чистая правда и ничего, кроме правды.

Итак, дело происходило в начале 70-х годов нашего столетия. Жил-был в Каире инженер по имени Хани. В служебные обязанности его входила еженедельная инспекционная поездка по строительным объектам, где применялись технические новинки западноевропейских стран. В 70-х же годах на международном рынке произведений искусства появились прекрасные саркофаги, балдахины и маски мумий; на этих драгоценностях имелись штампы, печати и визы таможенных служб, разрешавшие отсылать их в заморские страны.

По правде говоря, выданные властями бумаги гласили, что речь идет всего лишь о вывозе фальсификатов, то есть подделок. Хорошие подделки, как известно, тоже находят своего потребителя, но выставлять их принято в особых заведениях, с тем чтобы сбыть малосведущим покупателям. Ни одна из тех вещей не попала на свободный рынок, все они словно по мановению волшебной палочки оказались в неизвестных частных собраниях. По весьма высоким ценам, разумеется.

Инженер Хани разъезжал по стране, заглядывал на строительные площадки, но при этом не мог удержаться от соблазна приобрести у местных феллахов ту или иную редкую вещь. Он покупал все, что при его знании дела казалось ценным, и грузил в свою машину.

Покупать труда не составляло, но вот с продажей дела обстояло гораздо хуже. Каирские торговцы затрепетали от страха при виде крупных египетских древностей. Как прекрасен, но как громоздок был товар инженера!

Хани, которому грезился уже звон золотых монет, оказался в довольно затруднительном положении. Товар не покупали, хранить его было негде. Задуманный способ разбогатеть не дал желаемых результатов: ни виллы, ни вообще более менее просторного жилища; поэтому пришлось с грехом пополам разместить добро в своей тесной квартире.

Кто знает, сумел бы Хани сбыть приобретенное, если бы его тестю, Ибрагиму Камелю, не пришла в голову прекрасная идея, достойная Али Бабы или Аладдина. Поистине царская мысль! Папаша Камель стал выше разговоров о своей доле и сразу взялся за дело. Он принялся изготавливать грубоватые подделки... из подлинных вещей: покрывал лаком древние изображения, а затем наносил обычными красками на саркофаги пестрые изображения. Он отделял одну часть саркофага от другой, обрабатывал каждую в отдельности, заглаживая при этом разломы, чтобы будущий владелец без труда мог сложить все это в единое целое. В ход шли не только краски, но и папье-маше. Маски он обтягивал холстом, и они становились как «новенькие». Старый Ибрагим Камель показал себя большим мастером превращений. Какой таможенник не усмехнется удовлетворенно при мысли о том, что его ловкий соотечественник снова надул этих тупых иностранцев?

Многочисленные посылки «фирмы» «Хани энд Камель» без всяких затруднений пересекали государственные границы. Покупатели в разных уголках мира отдавали содержимое посылок реставраторам, те удаляли лак, папье-маше и соединяли разрозненные части. Рынок поглощал первоклассные древности.

Так продолжалось бы до скончания века, если бы не семейный раздор. Один каирский торговец, игравший в этом деле роль посредника, взял в оборот и тестя, и зятя, стал нажимать на них, требуя большей доли участия. Затраты на работу по раскраске и оклеиванию оказывались убыточными. В конце концов «фирма» «Хани энд Камель» потерпела банкротство.

Ибрагим Камель не так давно умер в Каире. На складе, находящемся позади лавки известного всему городу торговца, стоит деревянный гроб из Асьюта; это — последнее произведение папаша Камеля, и оно совсем не плохо. В таких гробах могли покоиться на краю города в скальных гробницах областеначальники; гробу из Асьюта круглым счетом 3000 лет.

Восточные волшебники и не думали умирать. Вопреки всем сказкам они живут и здравствуют и по сей день.

План реконструкции Асуанского музея — это план его ограбления

Краткое пояснение для незнакомых с местными условиями: до острова Элефантина из Асуана можно добраться на пароме, отходящем от пристани, расположенной близ отелей «Филе» или «Катакт». Когда-то остров — «город, стоящий среди струй» — служил местом расположения прекрасно укрепленной столицы области. Ее повелители, сановники и военачальники похоронены на западном берегу в скальных гробницах, развалины которых сегодня привлекают сотни туристов. Здесь, у Асуана, Нил пробивает щит пустыни и за последними стремнинами порога свободно изливается в долину 25 километров шириной — житницу Египта, тянущуюся до самого Средиземного моря.

Преодолев 1-й порог, приезжие толпой устремляются в сторону Абу-Симбела — скалистой местности, где Рамсес II (1290—1224 гг. до н. э.) воздвиг два храма. Название Абу-Симбел не сходило с уст, когда выяснилось, что при строительстве Асуанской плотины древние сооружения могут уйти под воду. К счастью, тогда удалось осуществить смелый проект ЮНЕСКО: храмы выпилили из толщи скал и собрали вновь на окрестных холмах.

Остров Элефантина испытал ярость времен и завоевателей, некогда величественные городские сооружения и храмы в настоящее время являют взору лишь груды руин. Камбиз, царь персов и мидян (522 г. до н. э.), ослепленный гневом, повелел снести храмы XVIII династии¹. Римские императоры Клавдий и Веспасиан расширили храм Хнума²; иудейские наемники воздвигли здесь святилище Яхве³, что вызвало недовольство жрецов Хнума. В результате оно было уничтожено. В период египетского господства Нектанеб II

продолжил около 400 г. до н. э. восстановительные работы в храмах, а Александр Македонский после одержанных побед прислал сюда даже своих каменщиков и ремесленников, показывая тем самым свою благосклонность к искусству. У входа в один из залов можно видеть изображение завоевателя в одеянии фараона.

На Элефантине следует посмотреть две достопримечательности: для ниломера (определителя уровня воды в Ниле) достаточно поверхностного осмотра, а вот небольшой Асуанский музей требует более пристального внимания.

Ниломер, расположенный прямо у пристани, является прекрасным примером сообразительности древних египтян. Они построили колодец, выложили его каменными плитами и соединили с рекой. На плитах нанесена вертикальная шкала для определения уровня воды в Ниле. Вода — это плодородие земли. Таким образом, по количеству воды в реке во время разливов в летний сезон дождей определяли размер податей, получаемых при хорошем урожае. Сегодня, как и прежде, разлив Нила происходит почти всегда между 15 и 18 июня; у Асуана Нил поднимается примерно на семь метров от обычного уровня.

На этом острове длиной в добрых два километра находится небольшой Асуанский музей. Он дает хорошее представление об истории Египта, начиная от додинастических времен и кончая периодом греко-римского господства. Экспонаты помещаются в четырех залах, архитектурные фрагменты установлены во дворе и в парке музея. Вход фланкируют фигуры Сатис, затем посетитель через первое помещение со статуями властителей и божеств проходит к золотому гробу с мумией священного овна.

В 1976—1977 гг. в музее производилась необходимая реконструкция, причем было сооружено 13 новых кондиционеров, которые улучшили вентиляцию помещения. Этими работами занималась фирма, название которой осталось неизвестным, поскольку к подряду имели отношение высокопоставленные лица. Такие случаи бывают не только в Египте.

В феврале 1977 г. власти установили, что в здании произошла кража, время совершения которой определить не удалось. Не существовало даже полного представления о всех похищенных экспонатах, за исключением нескольких предметов, о которых майор полиции Ауяд сказал, что изъяты они у некой «важной персоны». 4 августа майор Ауяд прочел мне рапорт о краже, из которого следовало, что похищенные вещи нужны были для чьих-то коллекций. Возникло подозрение, что воры стремились к четко поставленной цели. Подозрение это подкреплялось тем обстоятельством, что, совершая преступное деяние, воры работали совершенно спокойно, а следовательно, могли прихватить с собой любые экспонаты. Но нет

же, они, словно по списку, крали вполне определенные вещи! Похищенные предметы обладали не только исторической и научной ценностью; они сами по себе представляли хорошее помещение капитала. Позднее я узнал, что часть украденного добра найдена, а некоторые второстепенные участники этого хорошо подготовленного преступления попали за решетку. Однако имена тех, по поручению кого они действовали, майор Ауяд не назвал.

Расследование на месте происшествия показало следующее: из 13 кондиционеров ко времени совершения кражи 12 были закрыты. Их каналы имели одинаковые диаметры. 13-я шахта не соответствовала принятым нормам, она имела диаметр, позволявший пролезть через нее человеку среднего роста и веса.

Таким образом, уже в самом начале работы, то есть при разработке плана, была предусмотрена кража. Шерлок Холмс наверняка пришел бы к неоспоримому заключению, которое здесь никто не решился высказать откровенно: разработка кондиционера и его строительство, осуществляемое ворами и укрывателями, осуществлялись под руководством одного шефа! Крупные взятки передавались из одних грязных рук в другие. Операция была отлично продумана.

Все мои попытки получить дополнительные сведения окончились неудачей: на задаваемые вопросы следовал лаконичный ответ, что в деле замешана «важная персона». На расследование кражи в Асуанском музее и любую информацию о ней было наложено вето, выполняемое более свято, чем воля столь почитаемых в Египте богов.

Судя по всему, законы писаны не для всех.

Неприятное слово «Дендера»

*Боги, что были прежде и снят теперь
в своих пирамидах,
и знатные, славные люди, ушедшие в
пирамиды, —
все они строили себе храмы,
но нет у них пристанища.
Скажи, за что такое наказание?*

*(Песнь арфиста¹ из гробницы
царя Антефа)*

Главный инспектор луксорского отделения Службы древностей Мухаммед эль-Согхайер дал мне рекомендательное письмо к своему коллеге Шандавилю из города Кена. После нескольких часов поисков я нашел наконец отделение Службы древностей этого провинциального центра, расположенного на берегу Верхнего Нила. Комнаты Службы древностей располагались на третьем этаже скромного здания на улице Саада Загхалия.

Обстановка маленькой приемной была располагающей. Как и во всех других служебных помещениях, на стене, позади письменного стола, висел портрет тогдашнего президента Египта Анвара Садата (везде он висел косо). Я надеялся на благожелательный прием, но под настороженным взглядом инспектора Шандавиля мои надежды сильно поостыли, как это обычно и случается со мной в служебных помещениях. Я видел, что он владеет английским языком. Однако позвали молодого сотрудника перевести мою просьбу. Укоренатого инспектора начал дергаться ус, когда я попросил сообщить мне о краже в крипте храма Хатор в Дендере, одном из наиболее хорошо сохранившихся культовых сооружений начала новой эры. Кража в дендерском храме относится ко времени между декабрем 1972 г. и осенью 1973 г.

Услышав название «Дендера» — инспектор стал сдержанным и даже, пожалуй, неприязненным: он демонстративно не смотрел на меня, что у арабов считается оскорбительным. Шандавиль обрушил на переводчика каскад слов, так что бедный малый, похоже, с трудом находил подходящие английские эквиваленты, чтобы как-то смягчить резкие выражения своего начальника. На мои вопросы Шандавиль

не отвечал. Не оставалось сомнений, что он о Дендере ничего не будет рассказывать. На инспектора не подействовали ни разрешение Государственного информационного центра в Каире, ни удостоверение представителя прессы, в других случаях действовавшее как магическое «Сезам, откройся!». Начальник полиции Кены не сообщил мне ничего нового. Он заявил: «Мы разрешаем вам то же, что и всем туристам. О происшествии в Дендере в 1973 г. лучше не спрашивайте».

Эти беседы происходили 26 ноября 1978 г. В тот же день я отыскал в Дендере храм богини Хатор. Начальник гафиров Фахкри побоялся показать мне ограбленную крипту, ибо Шандавилль запретил открывать ее кому бы то ни было.

Кирпичная стена окружает территорию храма размером 280 × 290 метров; греки называли эту местность Тентира (Дендера). Храм посвящен богине любви и радости Хатор и ее супругу богу Гору, изображавшемуся с головой сокола. Господствующие здесь греческие элементы смягчают строгость египетской постройки. Долгое время Тентира представляла собой один из центров культа Афродиты (которая имеет много общего с Хатор)².

В здание храма попадаешь через северные ворота, несколько в стороне возвышается мощный фасад величественного колонного зала. 24 хаторические колонны³ несут его перекрытие. Наполовину открытая северная часть храма от самого архитрава⁴ затянута провололочной сеткой, протянутой до портала; она защищает храм от птиц.

В ограждении имеется одна-единственная решетчатая дверца. Только через нее можно проникнуть в следующий, малый колонный зал; несколько отходящих от него помещений, прежде служивших сокровищницами и складами, заперты массивными железными перекладинами. Свет мягко падает через восемь потолочных проемов, освещая цветочные капители⁵ колонн, сложенных из гранита и песчаника. Храм богини Хатор имеет лишь один вход, который одновременно является и единственным выходом.

К малому колонному залу примыкают два небольших помещения. Из первого, где находился жертвенник, на крышу храма ведет винтовая лестница; через второе — Серебряный покой⁶ — мимо так называемого «места рождения богини», попадаешь в главное святилище. К святилищу ведет узкий коридор, от которого ответвляются проходы в двенадцать маленьких камер. В отдельном помещении стоял наос⁷ со скульптурой Хатор.

Из этого помещения можно спуститься в крипту — подземные камеры и погребальные сооружения; после ограбления 1972—1973 гг. открыто лишь одно погребальное сооружение.

Редкие посетители Дендеры подвергаются тяготам очень неудобного спуска; крипты тесны, да и рой летучих мышей тоже не всем по

душе. Тем не менее двенадцать камер, в которые так трудно попасть, составляют важную достопримечательность храма Дендеры. Они расположены друг над другом тремя ярусами; камеры нижнего яруса разрушены грунтовыми водами. В верхние можно проникнуть лишь через узкие лазы, сделанные на половине высоты их стен. С поздней осени 1973 г. лазы закрыты железными дверями, ключи от которых хранятся у господина Шандавиля.

Что же влекло сюда воров? Дело в том, что и в других египетских храмах есть крипты, но только в Дендере они украшены замечательными изображениями. Скульпторы изваяли здесь прекрасные фигуры и символы в технике врезного рельефа, они проработаны до мельчайших деталей. Подобные рельефы были признаком особой изысканности и большого богатства. Поскольку в криптах храма, вероятно, могли храниться большие ценности, древние строители сделали их труднодоступными и скрытыми от посторонних глаз.

Каменные плиты в несколько квадратных метров невозможно отделить от кладки, тем более спрятать или унести под широкой галабеей. Такую кражу надо готовить долгое время, заручившись поддержкой гафиров. В Дендере ограбление было совершено под руководством опытных людей, принимавших во внимание каждую находку. Здесь действовала организация грабителей, что свидетельствует о продуманности системы конспирации, посредством которой укрыватели краденого и спекулянты от искусства добывают ценности и продают их на черном рынке.

Расследование дендерского дела велось крайне медленно. Стало известно, что некоторые из украденных объектов неожиданно объявились в Европе, т. е. на самом большом из черных рынков произведений искусства. Египетские власти знали об этом, но были не в состоянии воспользоваться полученными сведениями.

Директор одного западногерманского музея, поддерживавший добрые отношения с людьми, торгующими произведениями искусства, сообщил египетским властям весьма интересные сведения. Так, например, ему стало известно, что один из дендерских рельефов предлагали на рынке. Если бы торговцы черного рынка не мстили за любое «нескромное вмешательство» в свои дела, то руководитель музея наверняка напал бы на след грабителей; он сделал бы вид, что ведет переговоры о покупке и в конце концов разоблачил бы происки кампании преступников, действовавшей в Дендере. Но порядочные люди боятся возмездия и поэтому не делают полученную информацию достоянием гласности. Так, например, весной 1978 г. я получил анонимное письмо следующего содержания: «Советую вам прекратить поиски. Надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь...» Дела на черном рынке произведений искусства идут своим чередом под неусыпным и зловещим оком мафии. Недаром один мой знакомый

из Кёльна посоветовал мне: «Напишите свою книгу лет через 50. К тому времени субъектов, которых вы заденете, уже не будет в живых».

Ограбление в Дендере готовилось людьми, которые ко всему прочему имеют длинные руки. В конечном счете вся эта история стала действовать египтянам на нервы. Ни один разговор со специалистами не обходился без вопроса: «Не известно ничего нового об этом деле?» Все хотели знать, только ли в Европе, или где-нибудь еще находятся похищенные рельефы. Специалисты-египтологи расспрашивали меня о путях, которые могли бы привести к спрятанным драгоценностям.

Госпожа Зейнаб эль-Курди, доцент кафедры египтологии Каирского университета, в разговоре со мной изложила свою версию ограбления в Дендере; французский профессор истории искусств Франсис Дюма из Университета Поля Валери, Монпелье, прислал мне целый доклад об этом происшествии. Сведения, полученные из различных источников, в общем, совпадали с тем, что удалось установить мне самому. Далее следует краткое изложение событий.

В начале октября 1973 г. инспектор Шандавиль обратился к профессору Дюма с вопросом, не слышал ли он что-либо об ограблении храма в Дендере; Дюма ответил отрицательно, и тогда инспектор попросил его осмотреть крипты. Когда именно Шандавиль получил первое сообщение о происшествии и сразу ли он начал полицейское расследование, узнать не удалось.

К осмотру крипт господин Дюма, а затем и госпожа Курди, в это время готовившая научную работу о богине Хатор, приступили в ноябре. «Курди спросила меня, осматривал ли я крипту № 1-восток? Она разыскивала один рельеф и никак не могла найти его. Я ответил ей, что под лестницей, ведущей из крипты № 2-восток в крипту № 1-восток, все фигуры выломаны. Вообще же крипта № 1-восток пострадала более всего. Во всех остальных имеются лишь незначительные повреждения» (Дюма).

Госпожа Курди немедленно сообщила обо всем инспектору Шандавилю, который приехал в Дендеру и убедился в факте ограбления. «На этот или на следующий день с официальной миссией прибыл инспектор отделения Службы древностей в Луксоре доктор Рамадан Саад. Он сделал вывод, что ограбление произошло, по-видимому, в период между декабрем 1972 г. и сентябрем 1973 г., хотя в начале 1973 г. мы вместе с ним осматривали ограбленные крипты, и тогда все было в хорошем состоянии» (Дюма).

В заключение своего доклада Дюма писал: «Через несколько дней полиция допросила нас, и я сообщил им о тех событиях, которые изложил вам в письме».

Имеются сведения, что Шандавиль узнал о хищении, самое

позднее, в середине октября 1973 г., но счел нужным осмотреть место происшествия лишь через месяц. Отсюда можно заключить, что до этого момента не было предпринято никаких шагов и, таким образом, грабители имели достаточно времени для переправки ворованного добра за границу. Более пятнадцати фрагментов рельефов похищено из крипт храма, несколько из них видели в Европе. Доктор Гиргис из Службы древностей (Абаасия) полагает, что всего украдено около двадцати фрагментов.

Одному западногерманскому профессору показали фотографию фрагмента из Дендеры, предлагая купить его. Профессор сообщил об этом компетентным лицам в Египте. К расследованию подключился Интерпол, но, судя по всему, были проведены самые поверхностные розыски. По мнению специалистов, часть ворованного добра осела в Швейцарии и Германии, другие вещи попали на международный черный рынок и растеклись по частным коллекциям.

Может возникнуть вопрос: каким образом удалось похитить тяжелые рельефы, находившиеся под замком?

В 1972—1973 гг. храмовый комплекс охраняли восемь гафиров (рис. 60—61), получавших месячное жалованье 21—25 египетских фунтов — слишком мало, чтобы устоять перед искушением. Служба отнимает у этих людей много времени и требует большого внимания. Гафиры со сворой цепных псов совершают постоянные обходы всего комплекса.

Фахкри, начальник стражи, уже больше десяти лет состоял на этой службе. Он был арестован вместе со своими людьми, следствие с допросами и проверками двигалось медленно и затянулось почти на четыре года. В один прекрасный день Фахкри освободили: он отказался сообщить мне, продолжают ли находиться в заключении остальные гафиры. «Не знаю», — уклончиво ответил он. В конце концов он не выдержал и попросил оставить его в покое: «Господин Шандавиль нагнал на меня страху!» Его помощник дал дружеский совет: «Спросите инспектора города Кена, нам ничего не известно об этом деле».

Нанятых мной помощников — Мухаммеда и Ахмеда из Луксора — в день нашего отъезда из Дендеры допросили в префектуре полиции. Им задали один-единственный вопрос: оплачиваем ли мы их работу? Мухаммед солгал, сказав «нет»; Ахмед же признался, что получил от меня 15 фунтов. Позже в луксорском отеле «Савой» Ахмед признался, что он вынужден был отдать эти 15 фунтов полицейскому. «Почему?» — удивился я. «Чтобы иметь возможность снова поехать вместе с тобой в Дендеру», — ответил он с улыбкой.

Офицер луксорской полиции Хенне «милостиво» разрешил Мухаммеду и Ахмеду сопровождать нас. Это позволение стоило мне ручных часов, карманного фонарика армейского образца и четырех

флаконов французских духов. Офицеру показалось этого мало, и через два дня он снова потребовал бакшиш. Не имея уже ни гроша в кармане, я отдал ему свою последнюю хлопчатобумажную рубашку цвета хаки, паркеровскую шариковую ручку и содержимое походной аптечки. *«Every time at your service!»** — сказал на прощанье этот разбойник в полицейском мундире.

* «Всегда к вашим услугам!» (англ.).

Сохраните пирамиды!

Может быть история, которую я сейчас поведаю, в чем-то не вполне достоверна, во всяком случае, я не хотел бы, чтобы одного достопочтенного учителя из ФРГ лишили пенсии. Он не крал серебряные ложки и не делал безнравственных намеков жене своего начальника — он «всего лишь» любитель египетских древностей. Давайте поговорим об учителе Х., который недавно оставил свою меблированную квартиру в небольшом уютном городке.

Учитель Х. — столь же незаметная фигура, как и тысячи его коллег в провинции. Он носит потертый пиджак и брюки из магазина готового платья, экономит на еде. Тем не менее, даже если бы ему пришлось питаться только селедкой и картофельной шелухой, он все равно не отказался бы от удовольствия любоваться своими сокровищами. Иногда он кладет в сторону красный карандаш, которым отмечает ошибки в тетрадях учеников, его взор с наслаждением скользит по драгоценностям, и учителя охватывает чувство, знакомое всем страстным коллекционерам: «Боже мой, как прекрасно! И все это — мое!» Учитель Х. может по праву гордиться своей коллекцией, поскольку даже крупные специалисты считают ее одной из самых уникальных и богатых.

Этот несколько чудаковатый господин владеет собранием чрезвычайно ценных терракот, а также рельефом из фиванской гробницы Кенамуна времен XVIII династии (1554—1305). К сожалению, мне не удалось выяснить, идет ли речь о фрагменте из гробницы № 162 в Дра абу-эль-Негга или из гробницы № 93 в Шейх-Абд-эль-Курна. Дело в том, что учитель Х. неразговорчив, а в Луксоре мне нежелали отпереть ни ту, ни другую гробницу. Один профессор из ФРГ, обследовавший этот рельеф, не удостоил меня беседой, сославшись на занятость.

* * *

У учителя Х. есть последователь, который стоит ближе к источнику ценностей, — это господин Мухаммед эль-Согхайер, главный

инспектор Службы древностей в Луксоре. Его собрание знатоки также расценивают как уникальное и весьма богатое. Господин Эль-Согхайер — попечитель некрополя Западных Фив и памятников Карнака и Луксора; он, как и учитель из ФРГ, очень любит египетские древности. Когда по утрам в кабинет инспектора в новом Луксорском музее приносят чай, его занимает единственная мысль: как сохранить свои сокровища?

Между учителем Х. и главным инспектором, несомненно, есть разница. Если старательный учитель стирает пыль с собранных им предметов всего раз в месяц, то пунктуальный господин Эль-Согхайер печется о своих сокровищах ежеминутно. В этом ему помогает пять младших инспекторов. Их начальник Эль-Согхайер — один из самых влиятельных людей в Луксоре, ведь в его распоряжении находятся 50 гафиров Карнака и Луксора и 75 стражников на западном берегу Нила. За несение круглосуточной службы они получают от 18 до 20 египетских фунтов. Это на руку не только главному инспектору, но и ряду заинтересованных лиц...

Собрание Эль-Согхайера пользуется заслуженной славой. В него входят 64 известных погребальных сооружений Бибан-эль-Молука, прославленной Долины царей, и 70 гробниц в Бибан-эль-Харим, Долине цариц. Кроме этих, с позволения сказать, официальных экспонатов, имеются и частные погребения на склонах ливийского скального массива; по приблизительным оценкам, их около 500. Кроме того, главному инспектору доверена охрана 20 завершенных и недостроенных поминальных храмов (среди них храмовые сооружения Карнака и Луксора).

В отличие от учителя Х., который не придает значения своей внешности, грозный повелитель 125 сторожей, пяти инспекторов, четырех тайных агентов и 95 являющихся по первому требованию луксорских полицейских производит впечатление человека преуспевающего и следящего за модой. Интересно, знаком ли он с учителем Х.? Скорее всего, нет, ведь для главного инспектора Эль-Согхайера он всего лишь мелкая сошка. Между тем вполне возможно, что школьному наставнику эль-Согхайер знаком. Разве можно это знать наверняка?

* * *

В Фивах сменяется день за днем, а ученые, коллекционеры и «рыцари наживы» отправляются «подкормиться» в Верхний Египет. Там они скупают в душных погребальных камерах и темных склепах вещи раз в десять дешевле их обычной цены. Фиванскому черному рынку приходит конец. Не потому, что сюда не поступает больше

товара или Служба древностей закрыла на замок стовратные Фивы. Нет, это результат того, что короли торговли и отчаянные грабители усыпальниц не вырастили себе на смену профессионально подготовленной молодежи. А ведь это крах надежд бесшабашных укрывателей, торговцев и прочих негодяев.

* * *

Хасани, один из старейших членов древней гильдии торговцев, иногда садится в плетеное кресло перед маленькой лавкой, расположенной под колоннадой отеля «Зимний дворец». Однако торговлей занимается не он, а его сын, очень толковый человек. Время от времени он обслуживает старых клиентов. Если предстоит заключение хорошенькой сделки, Хасани-младший проводит гостей в задние комнаты с кондиционером. Этот предприимчивый торговец использовал туристический бум в своих интересах. Он организовал экскурсии в Долину царей.

Покойный Сайед Мулатхам когда-то был одним из самых честных торговцев древностями в Луксоре (рис. 64). Завсегдатаями лавки на углу улицы Эль-Марказ были известные египтологи и агенты различных музеев. От царившего некогда в лавке блеска сегодня не осталось ничего. В настоящее время это запущенное пыльное помещение, владельцем которого стал наследник Мулатхама, кандидат юридических наук, одетый в солдатскую униформу. Этот человек, по-видимому, давно пристрастился к алкоголю и наркотикам. Его внешний вид производил довольно тягостное впечатление: глаза опухли от пьянства и их белки стали почти желтыми, руки тряслись. В беседе со мной он вспоминал о славных временах, когда один немецкий ученый снимал у него квартиру. «Да, это было время прекрасных сделок с немцами», — сказал он с сожалением.

Хозяйка дома подала чай и поставила на стол коробку «древнего»хлама, который супружеская чета хотела обменять на диафильмы. «Эти вещи можно удачно продать!» — заверяли они.

Вокруг нового хозяина лавки с улицы Эль-Марказ вертелись мелкие торговцы. Они, как и их патрон, не имели ни малейшего понятия о настоящих древностях. Они в розницу продавали фальшивки простодушным туристам, которые сдвигали на спину широкоугольные камеры, чтобы освободить руки: надо ведь заплатить за ту дрянь, которая вместе с фотографиями должна остаться на долгую память о поездке в Египет. Если бы они знали, как их надувают...

* * *

Торговец Альберт Тоудрос отошел в мир иной летом 1978 г. С тех пор хозяйкой лавочки, расположенной рядом с отелем «Луксор»,

стала мадам Тоудрос. Каким спросом в Египте пользуются различные подделки, свидетельствует лавка мадам Тоудрос. Ее хозяйка, всегда язвительная с покупателями, дошла до того, что выставила на продажу летом 1978 г. голландский деревянный башмак (рис. 65) с резным узором. Стоимость этого «образца староисламской обуви» — 150 египетских фунтов.

Я позволил себе заметить, что подобную грубую обувь из ясеня до сих пор производят и носят на моей родине, во Фрисландии, за тысячи километров от Луксора. На мое замечание мадам с улыбкой ответила: «Вероятно, ваши люди заимствовали этот образец у арабов». Можно предположить в конце концов, что немцы поразительно наивны, но что их деревянные туфли происходят из Египта — это уж слишком.

Источники древностей на западном берегу Нила, между Ком-эль-Самаком и Эль-Тарифом, все более истощаются. Патриархи вроде Али Абд эр-Расула устали от грабежа, последние свои годы они проводят на мягких подушках, наслаждаясь обретенным благополучием. Молодые люди вроде Мухаммеда Рафеи любят больше виски, чем связанное с риском дело отцов. Иногда, правда, они с неохотой включаются в торговлю: сбывают за гроши подделки, полученные из третьих рук.

Только в Абу-ль-Негга старых клиентов изредка ублажают подношением какой-либо древней вещицы. Здесь еще чтят древние обычаи Западных Фив и с готовностью произносят магические слова: «Всегда к вашим услугам!»

Веселый толстяк Мухаммед Хуссейн без ума от своего тарахтящего мопеда, на котором он, хорошенько выпив, носится от Эль-Тарифа до отеля «Марсам» и обратно. Но когда речь заходит о том, чтобы раздобыть кое-что из древностей, от этого хвастуна не дождешься ничего, кроме посулов. Хотя сумки у сиденья его мопеда и набиты какой-нибудь мелочью, однако в них нет ни единой вещи, которая внешне напоминала бы подлинную. Насколько мне известно, за весь 1978 г. он продал единственную подлинную ценность — высохшую ногу мумии, да и то полученную как комиссионные от любителя виски Рафеи.

* * *

В 1939 г. один из номеров лондонской газеты «Таймс» вышел под огромным заголовком «Вандализм в Фивах!». Тогда в течение года было ограблено шесть погребальных камер либо самими охранниками, либо с их помощью. В Дейр-эль-Медине неизвестные лица проникли в запертую гафирами гробницу № 217, относящуюся

к периоду XIX династии (1305—1196 гг. до н. э.), и вырубili несколько кусков росписи. Гробницу Аменхотпесиса — пророка¹ времен правления Тутмоса IV (1439—1403 гг. до н. э.) — обокрали как раз в те часы, когда гафиры должны были исполнять служебные обязанности. Сторожа́м из Абд-эль-Курны не пришлось утруждать себя, открывая усыпальницу, они проникли туда через расщелину в скале и вырубili изображение Аменхотпесиса, нанесенное на штукатурку. Какой-то любитель древнеегипетских древностей, должно быть, щедро вознаградил грабителей.

Предприятия такого рода в наши дни почти невозможны, однако некоторые люди, главным образом европейцы, все еще предпринимают попытки добраться до столь желанного и весьма ценного добра. Фрагменты стенных росписей, выполненные в технике фрески, идут по цене от 9000 до 20000 западногерманских марок. Счета некоего господина С., нелегального торговца польского происхождения, оплачиваются в Западной Германии. Посвященные знают адрес торговца и ценят его деловые предложения. Господин С., будучи по профессии египтологом, использует полученные знания в торговых делах. Занявшись однажды египтологией, он остался в результате без куска хлеба. Именно тогда у него и появился интерес к черному рынку. Как сообщил мне один из сотрудников каирского Национального музея, господин С. заказывает фотографии объектов, которые необходимо украсть. Его клиенты могут не беспокоиться, ведь подбор произведений искусства производится по каталогу. Господин С. знает толк в подобных делах.

Заинтересовавшись этой таинственной личностью, я позвонил господину С. и попросил показать мне что-нибудь из его собрания. Мой абонент спокойно ответил: «Я вас не знаю и по телефону не имею возможности давать какие-либо справки. Может быть, мы встретимся в Х.? Росписи, гробницы? Да, возможно... Какого рода и в какую цену? Дорогой мой, о чем вы спрашиваете? Это же междугородная связь! Позвоните мне, когда будете в нашем городе».

Вскоре я узнал, что предприимчивый господин С. расширил сферу своей деятельности до королевства Непал. Здесь он сможет устроить громадный склад товаров.

* * *

Между Саккара и Асуаном есть еще много безнадзорных памятников культуры, фиванский же некрополь охраняется надежно. Несмотря на ничтожную оплату, 75 сторожей западного берега Нила — верные люди. Самое большее, что они могут себе позволить, — это наняться в качестве подсобных рабочих. Эти люди — вне подозрения.

Если время от времени проходимцам-чужестранцам все-таки удавалось провести ученых-египтологов и Службу древностей, на то есть (пользуясь социологической терминологией) системно-имманентные причины.

В Службе древностей много людей случайных, имеющих плохую подготовку, да к тому же еще и плохо оплачиваемых. Недостаток знаний они восполняют преувеличенным служебным рвением, которое часто приводит к тому, что представители Службы древностей становятся жертвами светского обаяния и интеллигентности «яйцеголовых». Последние тесно связаны с мафией грабителей. Внешне весьма обаятельные и интеллигентные, они мастера на выдумку.

Нынешний глава сторожей некрополя Западных Фив Маарбуд Нагди не унаследовал от своего отца Маарбуда Абдаллаха никаких добродетелей. Нагди — весьма сомнительная личность, он наверняка связан с грабителями. Этот человек искусно использует свою благородную внешность, хотя не умеет ни читать, ни писать, что нередко приводит его в крайне затруднительное положение. Так, например, он теряется при виде любой бумаги, на которой что-нибудь написано или напечатано. Подчиненные посмеиваются над своим бурно выражающим эмоции начальником; тем не менее его занесенной над головой палки вполне достаточно, чтобы двери запертых помещений вдруг открылись.

Путеводитель 1877 г. сообщал: «...В Египте если даже кто-то совершенно глух, бакшиш возвращает ему слух». Нагди же отнюдь не глухой.

* * *

В Египте наша съемочная группа занималась вполне невинным делом. В нашу программу входила съемка фильма о гробнице № 66 в Бибан-эль-Харим, Долине цариц. Усыпальница царицы Нефертари, супруги Рамсеса II, властителя XIX династии (1305—1196 гг. до н. э.), относится к числу погребальных сооружений, которые производят наиболее глубокое впечатление. Ученые озабочены тем, что скала над указанной усыпальницей «дышит» и понемногу уничтожает драгоценные росписи.

Мы пытались получить необходимое письменное разрешение на посещение гробницы Нефертари, однако, несмотря на содействие пресс-центра в Каире, все три наши попытки не увенчались успехом.

Неделю спустя в отделении Службы древностей Эль-Курны нам понадобилось всего пять минут (без единого пфеннига), чтобы получить разрешение посетить усыпальницу Нефертари. К нашей группе присоединились две радостные голландские студентки, которые так же, как и мы, потерпели неудачу в Каире.

Таким образом, в тщательно охраняемый некрополь можно попасть через разные лазейки. К сожалению, ими нередко пользуются нечестные люди.

Что стоят законы, если они бессильны в борьбе с грабителями? Чем, собственно говоря, рискует пойманный с поличным вор? Денежным штрафом от 60 до 200 западногерманских марок! Полковник полиции Каира Халиб Ибрагим справедливо сетует на то, что такую ничтожную сумму может сегодня выложить любой воришка. Действительно, грабители усыпальниц прекрасно понимают, что при таком ничтожно маленьком штрафе их ожидает весьма заманчивая прибыль. До тех пор пока чиновники Службы древностей не разгадают всех трюков и уловок грабителей и не будут ясно представлять себе ситуацию на международном черном рынке, любой закон против хищений древних памятников будет бессилён.

* * *

То, что египетские власти с успехом могут разыскивать скупщиков древностей, если за дело берутся профессионально подготовленные люди, доказывает случай с голландской супружеской четой Таадмаспор.

Весной 1978 г. один западногерманский археолог сообщил мне, что в Луксоре были задержаны супруги Таадмаспор. Дело в том, что, как только на черном рынке Египта всплывает тот или иной товар, сведения о нем молниеносно распространяются среди заинтересованных лиц. Здесь быстро становится известно, что творится в тени пирамид.

Сообщением о деле Таадмаспор я смог заняться только летом 1978 г. 3 августа я спросил у майора Ауяда, знаком ли он с супругами Таадмаспор. Ауяд встал из-за стола и взял с полки дело голландцев. «Да, мы поймали этих негодяев», — сказал он без особой радости. «Но ведь это прекрасно, майор!» — воскликнул я. Ауяд нахмурился и, не глядя на меня, произнес: «К сожалению, мы вынуждены были освободить эту парочку».

14 апреля луксорская полиция арестовала мужа и жену Таадмаспор, но вскоре освободила их. В Египте нет закона, согласно которому можно упрятать за решетку воришек-иностранцев. Самое большее, что им грозит, — это строгое предупреждение и конфискация ворованного добра. Можно, правда, занести имена грабителей в черный список нелегальных торговцев произведениями искусства. Этим дело и кончится. Некоторые иностранцы злоупотребляют гостеприимством египтян. Майор Ауяд вынужден был, к своему сожалению, освободить пленников. «Это старая песенка! — говорит он. —

Подобные господа нагло смеются над нами... Мои люди не видят смысла в своей работе». Перед египетской полицией стоит проблема: следует ли отпускать задержанного на свободу, если улики против него налицо?

Доктор Салех из Египетского музея в Каире рассказывает: «Нам знаком некто Д., известный голландский торговец произведениями искусства. Его не раз уличали в хищениях памятников прошлого. Однако теперь господин Д. сам закупок не производит, а поручает это делать неизвестным нам агентам. Если мы нападаем на их след и подвергаем агентов аресту, на следующий сезон господин Д. засылает новых людей. Это просто заколдованный круг...»

Супруги Таадмаспор трижды совершали незаконные операции, причем в 1978 г. они проявили редкую изобретательность.

Тайный агент полиции, работавший на западном берегу, получил сведения, что двое голландцев занимаются поисками древностей и несколько раз встречались с укрывателями краденого в Дра абу-ль-Негга. Агент следовал по пятам за этими людьми. Когда от него было получено сообщение, что товар куплен голландцами, майор Ауяд отдал приказ обыскать номер, который занимала супружеская чета. Подозрения оправдались. У голландцев был обнаружен бронзовый ибис, рельеф периода Птолемеев, высеченный на плите из песчаника, а также фрагмент росписи из гробницы, изображавший богиню Исиду. Господин и госпожа Таадмаспор имели по два билета на самолет и поезд на один и тот же день. Для того чтобы вывезти незаконно приобретенный товар, они подготовили два варианта побега из Египта.

Преступники, воспользовавшись безнаказанностью, без затруднений покинули страну.

* * *

В 1976 г. Ибрагим эль-Навави, куратор каирского Национального музея, вылетел в США для подготовки выставки экспонатов из сокровищницы Тутанхамона. На обратном пути Навави посетил Музей изящных искусств в Сан-Франциско. Он не поверил собственным глазам, когда увидел рельеф из мастабы Хетепка (Древнее царство, 2635—2135 гг. до н. э.), находящейся в Саккара; эту вещь разыскивала Служба древностей.

Каким же образом этот важный памятник древнеегипетского искусства попал в Сан-Франциско? В 1976 г. египетские археологи закончили обследование погребального сооружения Хетепка, после чего оно было открыто для широкой публики. Через полтора года два рельефа оказались вырубленными из гробницы. Благодаря розыскам одна из плит была найдена в непосредственной близости от

мастабы. Воры зарыли ее в песок, не найдя, по-видимому, покупателя.

Музей изящных искусств в Сан-Франциско приобрел вторую плиту за 50 000 швейцарских франков у одного австрийца, торговца произведениями искусства. Спустя семь месяцев рельеф был возвращен в Египет. Об участниках совершенного преступления — ворах и перекупщиках — ничего не известно. Плита имела 1,30 метра в высоту, 60 сантиметров в ширину и 20 сантиметров в толщину. Это было делом рук не туристов, а воров-профессионалов. Ибрагим эль-Навави рассказывал мне: «Как только мы потребовали вернуть похищенные вещи, американская сторона поставила условие: вы получите назад этот объект, если предоставите взамен какой-либо экспонат из вашего собрания. Как в вашей стране называют подобные предложения? Разве это «культурный обмен», когда VI династия идет в обмен на XII?»

То, что днем раньше Эль-Навави получил подарок от нью-йоркского Метрополитен-музея (причем без условия ответных поставок), не утешило его. В тот день в Египет возвращалась плита из песчаника с изображением Эхнатона, фрагмент из святилища Атона в Карнаке. В 1957 г. эта плита была похищена из Карнака; в Метрополитен ее продал один американский торговец. Почти 20 лет пролежала она в запаснике музея.

Почему, собственно говоря, Эль-Навави должен был благодарить американцев за их подношение? В цивилизованных странах воровскую добычу всегда возвращают владельцу. Перераспределение культурных ценностей посредством грабежа не сближает народы.

* * *

В 1973 г. Служба древностей совершила один несколько запоздалый шаг: все гробницы фиванского некрополя, в том числе и погребальные сооружения «Эль-Каба», находящиеся в 124 километрах южнее Луксора, имеют запоры от случайных посетителей. Запоры были поставлены после проведения общей инвентаризации. Результаты ее были малоутешительными, но не настолько, чтобы закрыть на продолжительное время значительную часть древних погребальных сооружений. В настоящее время двери гробниц снова открыты, что сразу же отразилось на витринах европейских магазинов, торгующих произведениями искусства. В продаже вновь появились рельефы и живопись из гробниц Фив и Саккара, а также из провинциальных некрополей Верхнего и Нижнего Египта.

Усиление охраны привело лишь к тому, что сфера деятельности грабителей переместилась из центра в глубокую провинцию. Там обосновались ныне стратеги черного рынка, которые с помощью

прекрасно организованной службы оповещения осуществляют руководство грабежами. Они представляют серьезную опасность для Египта.

*Безвестные «ваятели» трудятся
не покладая рук!*

В царском погребении близ Эль-Амарны — т. е. труднодоступном сооружении, расположенном в пустынном ущелье, — в начале 70-х годов XX в. были сильно повреждены рельефные изображения Эхнатона, Нефертити и их дочерей (рис. 66). Фрагменты их, невосполнимые и бесценные, были частично вырублены. Грабители оставили после себя только зияющие дыры.

Чтобы добыть нужный, по всей вероятности, заказанный кусок рельефа, в стене проделывают канавку вокруг него, подпиливают рельеф снизу, а затем окончательно вырубают. В храме Аменхотепа III в Эль-Кабе наглядно можно видеть, какие катастрофические последствия имеет эта варварская работа.

В начале 70-х годов полиция буквально *in flagrante** настигла банду грабителей в храме Эль-Каба. По заданию каирской мафии она вырубала часть стенового рельефа. Как это часто случается, воры оказались хорошо вооружены и начали стрельбу. Полиция открыла ответный огонь; в результате перестрелки один из грабителей был убит. Украсть ничего не успели, но уже подготовительные работы привели к полному уничтожению значительной части погребального сооружения. Несомненно, что грабители работают по каталогам и на основе заказов.

В 1928 г. рабочие каменоломен Мо'аллы в 25 километрах южнее Луксора случайно натолкнулись на усыпальницу областеначальника Анхтифи. В середине 70-х годов грабители «работали» в этой усыпальнице неделями. Действуя по строго намеченному плану, они вырубали лишь законченные живописные композиции, так как на черном рынке такие вещи идут по особо высокой цене. Стены погребальной камеры лишились своей удивительной росписи, произведения египетских мастеров Первого переходного периода (2134—2040 гг. до н. э.) исчезли навсегда

* * *

Иногда сообщения о разрушении исторических памятников привлекают внимание египетской общественности... и даже парламента. В 1977 г. обсуждался проект нового закона об охране архитектур-

* На месте преступления (лат.).

ных памятников Египта, состоящий из 43 параграфов. В конце концов, кажется, этот новый закон так и не вступил в силу. Грабеж и торговля древностями продолжают.

8 декабря 1978 г. западноберлинская газета «Тагесшпигель» сообщила: «Луксорский храм ограблен!» Нападению грабителей подвергся поминальный храм Аменхотепа III (1403—1365 гг. до н. э.) в Западных Фивах, хотя он уже был ограблен. От храма Аменхотепа III осталось несколько каменных блоков и две колоссальные фигуры фараона, увезти которые до сих пор не осмелился ни один проходимец. Попытка грабежа в Фивах представляла собой акт мести, об этом я узнал из письма, написанного по-немецки, которое мой египетский друг прислал из Луксора 11 января 1979 г.: «Охранник обнаружил среди руин поминального храма Аменхотепа следы, оставленные грабителем, — масло и копоть. Возможно, тот хотел раздобыть какую-то деталь с помощью огня. Охранник доложил о случившемся инспектору, но последний не реагировал.

Говорят, что происшествие было подстроено: и масло, и огонь, и следы — все для того, чтобы отомстить инспектору Йахе и охраннику».

Совершенно очевидно, что эти сведения соответствуют действительности: инспектор Йахе плохо ладит с людьми в Западных Фивах. Молодчикам из Эль-Курны это надоело, и они найдут способ избавиться от неприятного человека в «верхах».

* * *

Если пирамида Хеопса просуществовала до наших дней, то этим мы обязаны итальянскому дипломату, сеньору Эмо. В 1548 г. он вместе с физиком Просперо Альпини прибыл в Египет. Альпини нашел в лице турецкого наместника Ибрагима-паши человека, способного на любое преступление ради денег и золота. Последний разрешил итальянцу взорвать пирамиду Хеопса при помощи большого порохового заряда, чтобы наконец овладеть «золотым наследием древних фараонов». Бесполезное, по его мнению, каменное чудовище, закрывавшее своим телом сокровенные клады, должно было обратиться в груду развалин.

Сеньор Эмо умолял турецкого наместника сохранить пирамиду. Итальянский дипломат волновался не только за судьбу одного из семи древних чудес света; огромный взрыв мог поднять на воздух часть Каира, прославленной Кахиры². «Сохраните пирамиду!» — взывал он к паше. В наше время призыв сберечь для потомков египетские пирамиды звучит весьма актуально. Только солидарность мировой общественности может помочь сохранить стране на Ниле остатки ее великого прошлого. Полиция Египта бессильна в борьбе

против международного синдиката грабителей, занимающегося хищением произведений искусства. Известные полицейские эксперты открыто признают, что даже Интерпол «не в состоянии предпринять эффективных мер против преступников». Члены мафии свободно въезжают в страну и так же свободно вывозят ценности через границу. Они располагают современной техникой связи, почти неограниченными денежными средствами для доставки на черный рынок ходового товара. Мафия в Египте ведет активную разведку мест, где их могут ожидать богатые находки; с помощью своих быстро реагирующих «служб тыла» они в состоянии обеспечить воров, торговцев и укрывателей как убежищем, так и приборами или оружием. То, что торговцы черного рынка не могут взять с собой в кабину самолета, все равно беспрепятственно пересекает границы. Даже если в руки египетских сыщиков благодаря упорству, терпению и удаче попадает ворованное добро, они не получают радости от успеха: в конце концов они вынуждены будут выпустить воров на свободу.

При всем том египтяне вполне серьезно пытаются положить конец деятельности собственных и иностранных грабителей усыпальниц. Но все усилия окажутся пустым звуком, пока ответственные лица Службы древностей не получают соответствующей подготовки, а полицейские инспекторы и гафиры не станут получать большее жалованье; может быть, тогда у них выработается иммунитет против подкупа.

Ответственные лица в Каире, Александрии, Луксоре, Асуане и бог знает где еще должны оказаться толковее тех темных личностей, на которых они вынуждены возлагать обязанности охраны древностей. Но они не имеют никакого представления о технологии этого древнего грабительского ремесла, никаких сведений о том, как идут дела на рынке. Если государства, делающие немало для сохранения культуры своих народов, не окажут помощи Египту, эта бедная страна вынуждена будет лишь бессильно наблюдать за продолжающейся столетиями деятельностью разных банд. Упрек в упускаемой возможности помочь делу касается и ученых, и кураторов музеев всего мира. Они, отдавшие свои сердца Египту, обязаны вспомнить мудрость, известную старым феллахам: «Куст зеленеет прекраснее всего на той земле, где его взрастил Аллах».

Памятники египетской культуры — по крайней мере последнее — должны остаться на своих исконных местах в стране на Ниле. Таково было желание творцов великих произведений искусства и архитектуры, фараонов и их богов.

«Мы обрцаемся с этим миром так, будто у нас в чемодане есть про запас еще один», — сказала известная американская киноактриса Джейн Фонда.

Автор благодарен за помощь и поддержку:

Профессору *Мухаммеду Бакру*, Университет Загазиг.
Профессору *Абд эль-Кадеру*, Каир.
Доктору *Мухаммеду Салеху*, Египетский Национальный музей.
Доктору *Виктору Гиргису*, Служба древностей, Каир, Абаасия.
Доктору *А. Рагазигу*, Служба древностей, Каир, Абаасия.
Хасану Эшери, директору Египетского Национального музея.
Ибрагиму эль-Навави, куратору Египетского Национального музея.
Доктору *Дие Абугази*, Египетский Национальный музей.
Доктору *Зеенаб эль-Курди*, Каирский университет.
Мухаммеду эль-Согхайеру, Департамент древностей, Луксор.
Матаму Баальбушу, Служба древностей, Каир, Абаасия.
Эдсайеду Али Хигази, Департамент древностей, Луксор.
Сотрудникам пресс-центра в городах Каир, Кена и Луксор.
Друзьям *Ахмеду, Исааку Якобу, Абд эль-Рахману, Хозни, Раджабу,*
Мухаммеду Сайеду, Али и Иемени.
Десяти европейским ученым, пожелавшим сохранить инкогнито.

Хронологическая таблица

Датировки приблизительные; названы только самые важные события, а также наиболее значительные владыки Египта.

3100 г. до н. э.	<i>Переход к историческим временам.</i> Объединение Верхнего и Нижнего Египта в единое государство. Основание Мемфиса. Царские погребения близ Саккара и Абидоса.
2686 г. до н. э.	<i>Древнее царство.</i> III—VI династии. Фараонов хоронят в пирамидах. Строительство гизехских пирамид. Наиболее значительные фараоны: Джосер, Снофру, Хеопс, Хефрен и Микерин.
2181 г. до н. э.	<i>Первый переходный период.</i> VII—VIII династии. Гибель Древнего царства — перелом в политическом и духовном развитии страны. Междоусобная борьба. Осквернение и уничтожение усыпальниц, поминальных храмов и пирамид.
2050 г. до н. э.	<i>Среднее царство.</i> XI—XII династии. Объединение страны. Подъем культуры. Строительство усыпальницы Ментухатеп в Дейр-эль-Бахари и гробниц чиновников вокруг нее. Влияние Египта распространяется на Азию и Нубию. Амон — главное божество страны. Фараоны: Аменемхет I, Сенусерты I, II, III и др.
1785 г. до н. э.	<i>Второй переходный период.</i> XIII—XVII династии. Распад государства, упадок искусства. Обострение социальных противоречий. Египет под властью гиксосов.
1580 г. до н. э.	<i>Новое царство.</i> XVIII—XX династии. Изгнание гиксосов, объединение страны. Расширение Египта до Евфрата и вглубь Нубии. Долина царей — место царских погребений. Строительство храмов в Луксоре и Карнаке. Наиболее значительные владыки: Яхмос, Тутмосы I, II и III, Аменхотепы II, III и IV, царица Хатшепсут, Сети I, Рамсесы II и III, Мернептах.

1085 г. до н. э.	<i>Позднее время. XXI—XXX династии. Политическая борьба. Захват Египта персами.</i>
525 г. до н. э.	<i>Персидский царь Камбиз провозглашен фараоном Египта.</i>
332 г. до н. э.	<i>Захват Египта Александром Македонским. Основание города Александрии.</i>
305 г. до н. э.	<i>Египет под греческим (македонским) владычеством: с 305 по 30 г. до н. э. правит династия Птолемеев.</i>
30 г. до н. э.	<i>Октавиан (Август) присоединяет Египет к своим владениям; начало римского господства. Упадок египетского искусства.</i>
284—395 гг. н. э.	<i>Разрушение Фив. Конец древнего периода египетской истории. В IV в. языческие храмы закрываются, их разрушают христианские монахи.</i>

Комментарий

Все началось с мумий

¹ Сохранность тела после смерти считалась если и не необходимой, то весьма желательной для дальнейшего существования. В ранний период из тела умершего удалялась часть внутренностей, а затем оно заворачивалось в просмоленные и пропитанные гипсом ткани; позже его стали подвергать все более сложной обработке, длительность которой достигала примерно двух с половиной месяцев. Внутренности помещались в особые сосуды (канопы), сердце после бальзамирования либо вкладывалось на прежнее место, либо заменялось особым амулетом; многочисленные амулеты вкладывались и во все произведенные разрезы. Техника мумификации достигла большого совершенства: некоторые тела до сих пор не утратили эластичности; состояние тканей настолько хорошее, что позволяет вести различные медико-биологические исследования.

Похоронный обряд существенно зависел от эпохи, а также от особых обстоятельств. У некоторых мумий отделена и затем вновь пришита голова (это, возможно, отражает гораздо более древний обычай, когда тело расчленялось); у других отрубленные стопы ног вложены в грудную клетку — чтобы покойный не осквернил пол загробного судилища. Иногда мумию (или части ее) одного лица находят в гробнице другого.

² В начале 40-х годов VII в. Египет был завоеван и вошел в состав Арабского халифата. *Дирхем* — арабская денежная единица, о достоинстве которой можно судить по таким сведениям: в IX—X вв. (когда покупательная способность ее, вероятно, была выше) «считалось, что для скромного существования супружеской четы необходима сумма в 300 дирхемов в год» (А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., с. 305). Таким образом, указанная цена не может считаться особенно высокой.

³ *Мемфис* (греческое название) находился на месте современной Митрахины, близ Каира. Первоначально, по крайней мере со времен I династии, здесь стояла крепость Белые Стены (Инбу-хедж), которую заложил, по преданию, объединитель страны, царь Менес. Впоследствии город получил название Мен-Нофр, по имени пирамиды (и столицы) Пиопи I, царя VI династии. Город имел большое значение как культовый центр, где почитался бог Птах. В средние века его руины служили каменоломней при строительстве Каира.

⁴ В начале XVI в. Египет входит в состав Турецкой империи, номинально оставаясь частью ее до конца прошлого столетия. *Паша* — титул военных и гражданских чиновников высокого ранга — везиров, правителей областей и т. п.

⁵ Династия (Царский дом) — группа царей, объединенных скорее происхожде-

нием из одной области, чем кровным родством. По крайней мере до конца XVIII династии наследование власти велось по женской линии: законным царем считался тот, что был женат на царевне.

Египетский аукцион

- ¹ Государственное учреждение, ведающее охраной и исследованием памятников культуры.
- ² Речь идет о «ломаной» пирамиде — 2-й усыпальнице царя Снофру, основателя IV династии: первая — ступенчатая — располагалась близ города Тат-Санофре (современный Медум), другая имела вид усеченной пирамиды, на которую поставлена правильная с иным наклоном граней, и находилась в Хай-Санофре Южном (современный Дашур); третья — первая правильная пирамида — сооружена в Хай-Санофре Северном (также близ Дашура); все три имели высоту более 100 м и строились почти одновременно.
- ³ Это утверждение (выведенное чисто умозрительно) явно противоречит тому, что известно о египетском законодательстве. Хотя своды законов Древнего Египта не сохранились (вероятно, они писались на коже), имеются различные документы, позволяющие судить об этом вопросе. Судя по этим документам, в отношении скупщика краденого закон, как правило, проявлял умеренность: обвиняемый мог настаивать на том, что не знал о происхождении приобретенных им вещей; при разборе одного из подобных дел подсудимого полностью оправдали, так как он доказал суду, что оплатил серебро, полученное от грабителей. Можно думать поэтому, что укрыватель не представлял большой опасности для общества и вряд ли был столь значительным лицом.
- ⁴ По-египетски город назывался Уасет; слово «Фивы» возникло, видимо, как результат искажения греками египетского наименования одного из храмовых комплексов либо квартала, которое напоминало им название столицы Беотии. Впервые слово это встречается у Гомера.
- ⁵ До Позднего периода общего рынка в стране не существовало, торговля велась эпизодически и имела мелочной характер; денежные отношения оставались настолько не развитыми, что не выделился даже всеобщий эквивалент стоимости. Примерно до XI в. до н. э. египетский язык даже не имел слов «торговец», «торговый агент» и т. п. Само понимание собственности также сильно отличалось от привычного нам: по крайней мере для эпохи Древнего царства (но, вероятно, и много позже) оно было несравненно более глубоким и личным. Чрезвычайно знаменательно, что принадлежность той или иной вещи кому-либо передавалась словами «от плоти его», т. е. прочно связывалась с самим человеческим существом. В подобных условиях похищение предметов погребального инвентаря вряд ли всегда преследовало лишь материальную цель: оно, можно думать, имело также и сакральный смысл приобщения к участи другого, более удачливого человека.
- ⁶ Разорение усыпальниц имело место (как далее замечает и сам П. Элебрахт) и в другие времена: известно, например, что Рамсес II использовал в качестве каменоломни одну из пирамид Снофру. В знаменитом «Поучении гераклеопольского царя, имя которого не сохранилось, своему наследнику Мерикара» предшественник Мерикара заклинает последнего: «Не разрушай гробниц, не разрушай, не разрушай. Вот поступил я так, и согласно деяниям моим поступил со мной бог... Не повреждай памятника чужого, добывая себе камень в Туре. Не воздвигай себе гробниц из обломков чужих надгробий...» В эпохи упадка центральной власти жрецы крупнейших религиозных центров пользовались очень большой властью.

- ⁷ *Файюм* — оазис Ливийской пустыни с озером. При царях XII династии здесь была создана огромная система оросительных сооружений, позволившая заметно увеличить площадь обрабатываемых земель. Колоссальные статуи Аменхета III возвышались здесь среди водохранилища.
- ⁸ *Амарна* — название арабского города, находящегося примерно на том же месте, что и древний Ахетатон, — столица преобразователя египетской религии Аменхотепа IV (Эхнатона).
- ⁹ Прямых сведений о торговле краденым не сохранилось, зато от эпохи Рамесидов известны многочисленные документы судебных процессов над гробничными ворами.
- ¹⁰ Справедливости ради надо заметить, что завоеватели не всегда только разоряли страну, как можно понять из данного утверждения. Долина Нила издавна представлялась окружающим народам источником всякой премудрости. Сравнительно недавно в Суазах найдено изваяние, изображающее персидского царя в виде египетского бога Атума; надпись, сохранившаяся на постаменте, содержит фразу, в которой сквозит восторг и ужас перед свершившимся: «Вот каменная статуя, которую царь Дарий повелел изготовить в Египте того ради, чтобы в будущем тот, кто увидит ее, знал, что перс владел Египтом». Ахеменидское государство было первой в истории мировой державой, провозгласившей в целом вполне терпимое и благожелательное отношение к культурным традициям десятков народов и племен, в том числе и египтян. При Дарии I реставрировались египетские храмы и был восстановлен канал, соединявший Нил с Красным морем.

Представители греческой — точнее, македонской — династии Птолемеев (правивших Египтом после смерти Александра до 30 г. до н. э.) тщательно поддерживали мнение о том, будто они — законные наследники древних царей.

Римляне сделали эту страну житницей Италии: в Вечном городе назревал бунт, когда штурмы прерывали сообщение с Египтом и прекращался подвоз хлеба. Строили они в Египте довольно много; Дендерский зодиак, о котором идет речь ниже, сооружен при римлянах. Великолепная колоннада, ведущая к храму Исиды, как и некоторые другие постройки на о. Филе, возведены при Августе, Тиберии и Траяне.

- ¹¹ Восстание в Египте около 340 г. до н. э. подавил Артаксеркс III (358—337 гг. до н. э.); персидские цари образуют XXVII (а не XXX) династию властителей Египта.
- ¹² Надо иметь в виду, что разрушение и похищение собственности противника в древнем мире имело несколько иное значение, чем более привычное для нас. «Описания военных кампаний... изобилуют сообщениями о награбленной добыче, но особенно пространны перечни трофеев в тех случаях, когда главному противнику удавалось скрыться. Создается впечатление, что победитель не просто тешит душу, перечисляя захваченные сокровища, или скрывает подобным многословием досаду на то, что враг ускользнул из рук; этим он скорее намекает на связь сокровищ с судьбой бывшего их владельца и на нанесенный отторжением этого добра тяжкий урон самой личности беглеца...

Из покоренного города в столицу победителей нередко везли и землю. «Уменьшение страны» противника и «доведение ее до небытия» осуществлялось как реальными, так и «сверхреальными» средствами» (И. С. К л о ч к о в. Духовная культура Вавилонии. М., 1983, с. 56—57).

- ¹³ Диодор, посетивший страну в 60—58 гг. до н. э., сообщает, что в Египте (по крайней мере его времени) существовала каста воров, признанная властями; поэтому утверждение об отсутствии черного рынка в дохристианскую эпоху по меньшей мере спорно.

- ¹⁴ Египтяне очень рано научились имитировать различные камни стеклянными пастами (так называемыми смальтами).
- ¹⁵ М. Мансур, известный каирский ювелир и торговец древностями, в 20-е годы приобрел более сотни скульптурных портретов и рельефов с изображениями Эхнатона, Нефертити и членов их семьи. В 1947 г. большая часть этого собрания попала в США и была изучена специалистами, многие из которых высказали сомнение в подлинности предметов.
- ¹⁶ Время царствования Эхнатона отмечено расцветом особого стиля в изобразительном искусстве. Появляются и темы, до того времени немислимые. Например, сестра царицы, Бенре-мут, неоднократно изображена присутствующей на царских приемах и даже при богослужении, сопровождаемая двумя карликами-шутами, наряженными в служебные облачения высших сановников государства, правителей Верхнего и Нижнего Египта.

3000-летняя культура. Сокровища в земле...

- ¹ *Та-Кемет* — Темной землей — (т. е. орошаемой, возделанной — в отличие от Красной земли, пустыни) — называли свою страну сами египтяне: греческое слово *Aigyptos* происходит, видимо, от искаженного Хеку-Пта — названия г. Мемфиса.
Снофру (или Снефру, Санофру). — основатель IV династии: Хеопсом, Хефреном и Микерином греки называли Хуфу, Хафра и Менкаура.
- ³ *Сын Ра* (Солица) — неперенное определение, следующее за личным именем царя в его титулатуре.
- ⁴ Этим, по мнению древних, наносился страшный, непоправимый ущерб «душе» покойного.
- ⁵ О царе не следовало упоминать прямо: фараон, т. е. «[тот, кто] в большом доме», — слово, получившее распространение во времена Нового царства (хотя встречается оно уже в текстах V династии); в европейские языки проникло через Библию.
- ⁶ Распространенность сложных защитных приспособлений в египетских усыпальницах сильно преувеличена. Опускающиеся каменные заслоны обнаружены лишь в гробнице Сенусертнахта — скульптора, архитектора и верховного жреца Птаха в Мемфисе времен Сенусерта I. Чаше ограничивались сооружением ходов, шахт и т. п., которые куда не вели.
- ⁷ *Мастаба* — букв. скамья (*араб.*) — надгробное сооружение, прямоугольное в плане, с характерным наклоном стен. *Погребальная камера* и другие помещения обычно находились глубоко под землей; к ним вели вертикальные шахты.
- ⁸ Во времена Нового царства разрушение гробницы, имя владельца которой сохранилось, считалось преступлением и перед моралью, и перед законом. Но это допускалось, если имя его оказывалось утраченным: тогда покойного рассматривали как уже приобщившегося к божеству и «раздающего камень» людям.
- ⁹ С пресечением XII династии распад государства вскоре возобновился. В страну вторгаются кочевники Палестины, большей частью ханааней. Около середины XVII в. до н. э. один из предводителей азиатских воинских контингентов захватывает Мемфис и коронуется как царь Египта, основывая XV династию. Египтяне называли этих царей гиксосами; эпитет этот означает «цари-иноземцы» (греческие авторы поняли это как название народа). Их столица располагалась в Аварисе, в Восточной Дельте.

- ¹⁰ Создание типа скальной гробницы традиция приписывает одному из величайших архитекторов Египта, Имхотепу. Подземные помещения ее достигали иногда внушительных размеров; расположение и даже название их в большой мере повторяют план и наименование помещений усыпальниц Древнего и Среднего царств.
- ¹¹ Над Ливийскими предгорьями, подходящими к Фивам, возвышается, подобно пирамиде, острая вершина Рог.
- ¹² «Место красоты», «Место истины», — обычные названия кладбища. Для египтянина «будущее существование непрерывно продолжает эту жизнь в ее мирных и часто радостных формах. «Душа» изменений не претерпевает, тело сохранено мумифицированием, гробница есть дом; было удачно замечено, что древний египтянин парадоксально отрицает реальность смерти» (S. M o s c a t i. The Face of Antient Orient. Chicago, 1963, p. 301).
- ¹³ Известны многочисленные гробницы людей самого низкого звания, работавших в царских усыпальницах Дейр-эль-Бахари.
- ¹⁴ Луксор — современный город, находящийся на территории древних Фив. В древности храмовый комплекс Амона в Луксоре назывался Ипет-Ресит.
- ¹⁵ Аменхотеп IV осуществил едва ли не первую попытку введения монотеистической мировой религии: египетское многобожие он заменил почитанием единого божества — Атона (Солнечного диска); личное имя сменил на Эхнатон (Угодный Атону), а столицу — Ахетатон (Горизонт — или Небосклон — Атона) выстроил вдали от обычной области размещения столиц Нового царства. Храмы иных божеств были закрыты; культ мертвых — предмет вечных забот каждого египтянина — был если и не отменен, то запущен.
Люди традиционного общества могли не любить Эхнатона еще потому, что он был царем сомнительной законности: его Великая жена, знаменитая Нефрет-нефру-атон Нефертити, по всей видимости, не принадлежала к царскому роду. По крайней мере сестра ее никогда не называется дочерью царя.
- ¹⁶ Фивы именует Стоватрыми уже Гомер; здесь 100 — одно из так называемых риторических чисел, в древней литературе часто играющих роль синонима понятия «множества».
- ¹⁷ Скальная гробница Тутмоса IV — один из совершенных образцов сооружения подобного рода.

Охота за древностями началась

- ¹ Пятый царь (204—180 гг. до н. э.) македонской династии, которую основал один из диадохов (наследников) Александра, Птолемей Лаг.
- ² Т. Юнг был одним из крупнейших физиков начала XIX в. и вообще необычайно одаренным человеком. Тем не менее ему удалось понять значение лишь считанных иероглифов; несмотря на это, потом еще долго велась недостойная полемика о приоритете. Шампольон почти сразу перестал отвечать на довольно грубые нападки Юнга, со своей стороны всегда отмечая роль последнего в решении проблемы дешифровки. Во «Вступительной речи к курсу археологии» Шампольон говорил:
«Тщетно английские путешественники, побуждаемые, быть может, скорее духом национального соперничества, нежели правильно понятыми интересами науки, хотели умалить значение работ, выполненных Французской комиссией. Полезные изыскания доктора Юнга скорее, чем все эти необоснованные нападки, обеспечат Англии благородное участие в развитии египетских исследований».
- ³ Едва ли не самый важный шаг к пониманию природы египетской письменности — открытие наличия фонетических знаков — Шампольон сделал 14 сентя-

бря 1822 г. Только человек самых независимых суждений мог заняться проблемой дешифровки древнеегипетской письменности в такое время, когда, кроме древней Греции и Европы нового времени, везде мерещилось варварство. Например, крупный немецкий философ И. Г. Гердер, ученик Канта, пишет, даже не побывав в стране: «Ни у одной статуи, ни у одного египетского храма нет легкости греческого искусства, нет радости, светлого облика; о подобных целях искусства у них не было представления, и не было у них стремления к подобным целям... Тщетно искать тайн в глубинах пирамид, тщетно искать сокровенной в обелисках мудрости; если даже и расшифровать начертанные на них иероглифы, что сможем прочесть мы в них, — наверное, летопись давно уже забытых и неинтересных событий или похвалу их основателям? ...Иероглифы — это первая неуклюжая попытка ребенка, ребяческого рассудка найти знаки для выражения мысли; у самых неразвитых дикарей Америки было сколько угодно иероглифов; разве не сумели мексиканцы передать с помощью своих иероглифов и самую неслыханную для них новость — прибытие в их страну испанцев? А египтяне долго придерживались такого несовершенного способа письма и в течение целых столетий рисовали их на стенах и камнях, затрачивая невероятные усилия, — какая же бедность представлений, какая неподвижность рассудка! Сколь же тесен был круг знаний нации, ее обширной ученой касты, что в течение тысячелетий довольствовались своими птичками и черточками!» Т. Юнг примерно такого же мнения о египтянах.

- 4 Существует арабская легенда, что при этом аль-Мамун нашел ровно столько золота, сколько потратил на свою нелегкую затею.
- 5 Турецкий наместник Египта, паша Мухаммед-Али происходил из Албании. Энергичными действиями он добился почти полной независимости страны от Турции, основав так называемую Албанскую династию. Титул хедива (повелителя — *перс.*) его наследник Исмаил-паша получил от султана лишь в 1867 г.
- 6 В усыпальницах нередко находят мумии или кости священных животных.
- 7 Перифраза библейской строки о Нимруде, которую П. Элебрахт цитирует.
- 8 *Скарабей (греч.)* — жук, считавшийся египтянами воплощением бога утреннего Солнца Хепри (позже его изображали в человеческом облике с головой в виде жука). Выполненные из различных материалов, они служили амулетами, печатями и своего рода памятными медалями. На хеб-седном скарабее Аменхотепа III имеется перечень крупных зверей, убитых этим великим охотником за время своего царствования, в том числе «...львов — ужасных, страшных львов пустыни — сто два...».
- 9 Монт — египетский бог войны; центр его культа находился в Гермонте.
- 10 Коптами называют тех египтян, которые сохранили приверженность к христианству монофизитского толка после завоевания Египта арабами-мусульманами. В настоящее время коптский язык является языком богослужения, общедоступный язык коптов — арабский, так как и у египтян-мусульман. Копты составляют примерно $\frac{1}{10}$ населения современного Египта.
- 11 А. Эрман — крупнейший немецкий египтолог; заложил основы современной египетской филологии.

Шейх-Абд-эль-Курна

- 1 Египтяне знали низкий, выпуклый, а также врезной рельефы; стенные росписи они выполняли в технике, напоминающей фреску. Между рельефами и живописью в Египте не существует большой разницы, так как рельефные фигуры непременно окрашивали, а в живописи некоторые детали — например, амулеты на человеческой фигуре — делали рельефными.

- ² Одаренный фальсификатор-египтянин нередко ставит в крайне затруднительное положение даже знающего эксперта. В начале 60-х годов Британский музей открыл выставку подделок, так или иначе попавших в экспозицию; среди них встречались удивительные вещи, иногда баснословной стоимости.
- ³ Сравнительно мягкий камень, широко употреблявшийся в художественном ремесле; бывает разных цветов.
- ⁴ Везир (древнеегип. *чати*) являлся вторым лицом в государстве; должность эта особенно часто упоминается, начиная с периода правления XVIII династии, когда границы Египта сильно расширились. Из носивших такой титул особенно известен Рехмира, везир Тутмоса III.
- ⁵ Доминик Виван Денон (1747—1825) — французский дипломат, гравер и живописец. Во время египетского похода Бонапарта сопровождал генерала Дезе, захватившего Верхний Египет.

«Месье, привезите мне из Египта обелиск!»

- ¹ Первое значение греческого слова обелиск — копьецо; вертел, скорее, переносное. Обелиск был символом солнечного божества; пирамидальная вершина колонны, покрытая золотом или медью, считалась местом пребывания его в полдень. Плиний пишет: «Цари, как бы соперничая друг с другом, делали из камня столбы, которые называли обелисками, и посвящали их Солнцу. Они изображали его лучи, что и значит их египетское название». На самом же деле обелиск изображал священный камень Бен-Бен, на который, согласно одному из мифов, поднялось Солнце, родившееся из водного хаоса. Найдены громадные — более 50 м — составные обелиски Древнего царства, игравшие в это время роль главных культовых изображений. Со времен Среднего царства их стали помещать перед фасадами храмов, часто — парами. Нередко стояли они и у входов в усыпальницы. Сохранился маленький (примерно в 16 см) бронзовый обелиск Позднего периода, который служил приношением в храм.
- ² Ассурбанипал (или Ашшурбанапал, 668—626 гг. до н. э.) — царь, при котором Ассирийская держава несколько десятилетий не имела соперников на Ближнем и Среднем Востоке. Частично сохранилась громадная «библиотека» Ашшурбанапала, насчитывавшая сотни тысяч клинописных табличек; некоторые тексты царь переписывал своей рукой.
- ³ Сооружение обелиска представляло собой заметное событие; первый из ряда величайших архитекторов Нового царства, Инени отмечает это в своей автобиографической надписи. На постаменте одного из обелисков царицы Хатшепсут в зале Тутмоса I карнакского храма значится, что «она сделала их как ее памятник отцу ее Амону, владыке Фив, главе Карнака, воздвигнув ему два великих обелиска из вечного южного гранита с верхушками из лучшего всех стран электра, которые видны на обоих берегах реки. Лучи их затопляют обе земли, когда Солнце восходит между ними, когда оно поднимается на небосводе». Плиний передает, что один из обелисков Она (Гелиополя греков) был «высотой в 120 локтей, но чудовищной толщины — в одиннадцать локтей с каждой стороны. Сооружение это строило, говорят, 120 тысяч человек...» — число, без сомнения, невероятно преувеличено.
- ⁴ Подобного обвинения Шампольон не заслуживает. Его знаменитая «Вступительная речь к курсу археологии» содержит, например, такое утверждение: «...Если Египет — в эпохи значительно более ранние, нежели исторические времена нашего Запада, — был свидетелем исчезновения первых своих творений в области скульптуры, живописи и архитектуры и заменил их произведениями этих же видов искусства, но уже достигших известного развития, разрабо-

тавших известные каноны и отмеченных печатью величественной простоты, которая вызывает беспредельное восхищение, если... Египет не сохранил никаких следов происхождения собственной цивилизации, то все-таки именно в этой стране мы должны искать истоки цивилизации Греции и ее искусства, а следовательно — истоки нашей современной цивилизации».

С зарядом пороха в храме Хатхор

- ¹ Осирис почитался в Египте как царь загробного мира и судья мертвых; изображался в виде спеленутой мумии, обычно — короне Атеф.
- ² Хатхор (Хатор) — богиня любви, рождений, веселья, в поздний период отождествлялась с Исидой. Ее священным животным была корова, и сама Хатхор в человеческом облике изображается часто или в венце из стилизованных рогов с диском Солнца между ними, или с коровьими ушами. Храм Хатхор в Дендере был весьма чтимым. Сохранился текст песнопения, с которым во время празднеств торжественные процессии поднимались на крышу святилища.
- ³ Дендерский зодиак (карта созвездий, по которым движется Солнце) вскоре после открытия вызвал появление огромной литературы и привлек к себе всеобщее внимание. Авторы ряда работ, ему посвященных, относили создание зодиака к XIII—XV тыс. до н. э. Лишь через много лет Шампольон доказал, что он выполнен в римский период истории Египта.
- ⁴ По некоторым данным, на выпиливание каменных плит и доставку их к берегу Нила ушло 38 дней, но дело обошлось без пороха.

В связи с прибытием зодиака в парижском журнале появилась статья, приписывавшаяся Шампольону, которая содержала самое резкое осуждение затеи Сольние и Лелоррена.

В склепах священных Аписов

- ¹ Серапеумами (лат., от греч. *серапейон*) назывались храмы бога Сераписа, культ которого был установлен в конце IV в. до н. э. с целью введения единообразия в религиозных представлениях греческих и египетских подданных государства Птолемеев. Главный Серапеум находился в Александрии. Египтяне отождествляли Сераписа с Осирисом и с Аписом, воплощением бога Птаха; греки — с владыкой царства теней Аидом. В создании культа принимал участие египетский жрец Манефон (греческое имя, производное, по-видимому, от египетского Мер-не-Тхути), к трудам которого восходит принятое до сих пор деление истории страны на периоды правления 30 династий.

Культ Сераписа получил самое широкое распространение, дойдя до Черноморского побережья, Галлии и даже Британии; о римском Серапеуме упоминает Катулл.

- ² В Саккара гробницы Аписов расположены в двух подземных галереях, 100—350 метров длиной. Как выбор очередного Аписа (животное должно было удовлетворять множеству требований), так и его кончина считались настолько важными событиями, что многие документы из Саккара датируются годами жизни того или иного Аписа. Другими священными быками египтян были Мневис и Бухис, но их культ никогда не достигал такой распространенности.
- ³ О. Мариетт, помимо Серапеума в Саккара, обследовал одним из первых Большой храм Рамсеса II в Абу-Симбеле.
- ⁴ Генрих Бругш — немецкий египтолог, внесший огромный вклад в расшифровку древнеегипетской письменности; ему принадлежит одна из первых книг по грамматике языка и 7-томный словарь; его книга «Египет. История фара-

онов» переведена на русский язык в 1880 г. Занимался труднейшей проблемой египетской скорописи (демотики).

- 5 Бравый артиллерист несколькими строками выше назван кавалеристом; но барон, вероятно, был военным специалистом широкого профиля.
- 6 Демотикой называется вид иероглифического курсивного письма, в котором используются те же знаки, что и в собственно иероглифике, но сильно измененного начертания. Употребительны также многочисленные сокращения, почему демотику Тураев удачно сравнивает со стенографией.

Демотическим языком называют египетский язык позднего периода истории страны.

- 7 Сфинкс с головой человека обычно изображает царя; но бывают еще и овноголовые сфинксы — с головой барана, священного животного Амона, а также Хнума.
- 8 Речь идет о собрании египетских древностей, хранившемся в крепости Каира.
- 9 Мамлюки (*араб.* — невольники) — первоначально воины-рабы из тюрок, а также представителей кавказских народов в Египте.

Охотники из клана Абд эр-Расула

- 1 Гастон Масперо — крупнейший французский египтолог, обладавший необыкновенной интуицией; он был вторым директором Каирского музея. В. В. Павлов в книге «Египетский портрет I—IV веков», пишет: «Каирский музей особенно чтит память этого замечательного ученого. Я мог в этом убедиться, работая в Каирском музее в 1957 г. На мой вопрос, почему такой-то памятник отнесен в этикетке к такой-то эпохе, я всегда получал неизменный ответ: так думал господин Масперо». Переведены его книги: «Древняя история народов Востока», М., 1911; «Египет», М., 1915.
- 2 На главной площади Каира эт-Тахрир находится Египетский музей; его здание выстроено в 1902 г. и теперь не вмещает множество новых интереснейших экспонатов. Перед входом — памятник Огюсту Мариетту.
- 3 Так называются надписи на стенах внутренних помещений пирамид V—VI династий в Саккара (в гизехских пирамидах никаких текстов не обнаружено). Они содержат всевозможные магические и ритуальные формулы, возникновение которых отстоит на много столетий от их письменной фиксации. Так, в них имеется упоминание о еще не объединенной стране, и даже говорится о ритуальном каннибализме, в исторические времена немыслимом.
- 4 Г. Картер пишет о Дауд-паше: «Один из наших старых рабочих рассказывал нам однажды об одном приключении из времен своей юности. Он был профессиональным вором и, захваченный на работе в области этой профессии, предстал перед мудиром. Был жаркий день, и в первое мгновение он был объят страхом, ибо увидал, как мудир приятно возлежит в большом глиняном сосуде с водой. Из этого необыкновенного сидения правосудия посмотрел на него Дауд, только посмотрел, — и когда глаза его прошли через меня насквозь, то я почувствовал, как мои кости сделались во мне водяными. Потом он спокойно сказал мне: «Ты являешься передо мной в первый раз: ты свободен, но берегись, очень берегись, как бы не явиться во второй раз». И я так испугался, что отказался от моего промысла, и уж больше не являлся к нему».
- 5 Так называемые *канопы*; иногда их заменяли маленькие антропoidные гробики, как в усыпальнице Тутанхамона. Во времена Древнего царства внутри гробов нередко просто завертывали в ткань.
- 6 Египтяне носили парики начиная со времен Раннего царства (I и II династии);

- «моды» на них, как и на прически, менялись, хотя и не слишком сильно.
- ⁷ Сыновей Гора четверо; П. Элебрахт упоминает их ниже.
- ⁸ *Балдахин* называется своего рода футляр, в который помещался саркофаг с мумией; обычно их несколько. Он имеет простую прямоугольную форму. Кроме того, балдахинами называют и переносные палатки, употреблявшиеся во все времена египетской истории; сохранилась палатка царицы Хетепхерес, матери Хуфу.
- ⁹ Недавнее рентгенологическое обследование царских мумий показало, что они буквально начинены амулетами, врезанными в толщу мышц. Древние грабители, видимо, хорошо знали свое ремесло.
- Тутмос III — один из величайших фараонов Нового царства, сильно расширил границы страны, совершив множество походов в Сиропалестину, описание которых сохранилось на стенах храма в Карнаке (анналы Тутмоса III).
- Яхмос I — освободитель страны от владычества гиксосов, основатель XVIII династии; археологами найдено его оружие — боевой топор и кинжал.
- Рамсес II — фараон XIX династии, едва ли не самый известный царь во всей египетской истории, при котором страна в последний раз достигла большого процветания. Рамсес строил по всей стране: на юге, где в Абу-Симбеле известны Большой и Малый пещерные храмы (второй посвящен богине Хатор и царице Нефертари), в Фивах; в Дельте же, на месте г. Таниса, располагалась его столица, носившая наименование «Дом амонона любимца Рамсеса, славного победами». Совсем недавно храм его времени обнаружен и в западной части Дельты.
- ¹⁰ Царица Хатшепсут — Великая жена Тутмоса II, после смерти супруга заняла престол, что противоречило тысячелетним традициям управления страной. В официальных изображениях предстает со всеми атрибутами царской власти, включая и накладную бороду. Надписи именуют Хатшепсут в мужском роде; скажем, на потолке ее скальной гробницы в Бабин-эль-Молуке значится: «Да живет Гор (следует обычная титулатура), царь Верхнего и Нижнего Египта Макара, любимый Амоном...» Взойдя на престол, Тутмос III постарался истребить все следы Хатшепсут — что, к счастью, не удалось: известно несколько ее статуй (некоторые из них почти неотличимы от изображений самого Тутмоса III), а также замечательный поминальный храм в фиванском некрополе.
- ¹¹ Булак — один из районов Каира.
- ¹² Г. Эберс — крупный немецкий египтолог, ученик Лепсиуса и Бругша, автор многочисленных трудов; найденный в фиванском некрополе медицинский папирус, изданный им, до сих пор носит наименование «папирус Эберс».
- ¹³ Аменхотеп II, царь XVIII династии; известен его карнакский храм, построенный в связи с церемонией «Возрождения» царя (хеб-сед).
- ¹⁴ Тутмос IV — фараон XVIII династии; сохранилась его скальная гробница в Долине царей.

*Али Абд эр-Расул —
король западного берега*

- ¹ Мернептах наследовал престол Рамсеса II, став царем лет под 60. Ему пришлось отражать нашествие ливийцев и «народов моря» (т. е. одну из волн переселения народов, которое уничтожило, в частности, минойскую Грецию).
- ² Ушебти — обычно небольшие статуэтки, почти неременная часть погребального инвентаря. Предполагалось, что они оживут в результате выполнения определенных магических действий и заменят своего владельца в ином мире на тех или иных работах, первоначально — царских. Со времен Нового царства

ушебти придают вид спеленутой мумии (иногда на ней видны нарисованные орудия труда), а лицу — сходство с чертами лица покойного; по-видимому, их роль несколько меняется. Существуют документы этого периода о продаже таких фигурок, оформленные точно так же, как при продаже рабов, каковыми они и считались.

- 3 Второй антропийный гроб Тутанхамона оставлен в его усыпальнице; остальные находятся в Каирском музее.

Али Абд эр-Расул.

*Как Самсон из Курны чуть не потерял
одну из прядей своих волос*

- 1 Рамессеум — поминальный храм Рамсеса II в Западных Фивах.

Доктор Джузеппе Ферлини —

человек, который приказал снести пирамиды

- 1 Речь идет о государстве, находившемся на территории современного Судана. Древние египтяне обычно называли эту страну Кушем, арабские авторы — Нубией. Эфиопия — название греческое.
- 2 Город Мероэ был столицей нубийского государства VI в. до н. э. — IV в. н. э. Мероитское царство находилось под заметным влиянием северного соседа; письменность (в сильно искаженном виде), титулатура царей, дворцовый ритуал, элементы культа и пр. были заимствованы из Египта. Даже г. Напата — один из главных культовых центров страны — именовался, подобно египетским Фивам, Уасет. Пирамиды Мероэ частично сохранились; время от времени появляются сообщения об их исследовании и реставрации. В 1976 г. на стене одной из нубийских пирамид обнаружен чертеж другой, стоящей неподалеку.

Ловцы сувениров

- 1 Большой взрыв — термин современной релятивистской космологии.
- 2 Гизе теперь представляет собой левобережный район Каира.
- 3 В темных помещениях усыпальниц обычно гнездится несметное множество летучих мышей.
- 4 Маркиза — легкий тент с фестонами.
- 5 Одно из лучших учебных заведений США; крупный исследовательский центр.
- 6 Гор (Хор) первоначально почитался в образе сокола как божество неба; позже изображался человеком с головой сокола. В таком облике он представлялся сыном Осириса и Исиды. Гор был покровителем царя, считавшегося земным воплощением его. В г. Бехбете (Эдфу) находился культовый центр этого божества.
- 7 Пилоны — башни, прямоугольные в плане, стены которых имеют характерный легкий наклон.
- 8 Речь идет о так называемых Анналах царя Настасена — важнейшем памятнике истории Мероитского царства конца IV в. до н. э. Стела из серого гранита обнаружена графом В. фон Шлиффеном в Новой Донголе; первоначально она была установлена вместе с другими памятными стелами в храме Амона у Гебель Баркала (древняя Напата). 68 строк текста нанесены с обеих сторон плиты; над ними с лицевой стороны изображен Настасен перед богом Амоном (две сцены). Египетский язык памятника уже сильно искажен, так что прочтение его затруднено. Стела опубликована впервые Р. Лепсиусом, а затем Г. Масперо, Г. Бругшем, Э. Баджем и др.; современный перевод: И. С. К а ц н е л ь с о н. Сб.: Древний Восток, I. М., 1975, с. 61—75.

- ⁹ *Картушем* называют рамку, в которую заключались имена и титулатура царей и цариц: первоначально это «царское кольцо» было круглым и изображало Солнце; впоследствии оно приобрело характерную вытянутую форму.
- ¹⁰ Любимое заклинание разбойника Али Бабы, своеобразный ключ от пещеры, где хранились приобретенные им ценности.
- ¹¹ Один из обширной серии распространенных в свое время путеводителей, называвшихся бедекерами — от фамилии составителя.
- ¹² Религия современных японцев — своеобразное соединение представлений позднего буддизма с элементами собственно японского учения, синто.
- ¹³ Аниматорами (букв. одушевителями) называют кукловодов, занятых в съемках кукольных мультфильмов.

«Отец черепов», или Первое путешествие мистера Баджа в Египет

- ¹ В 1881 г. части Каирского гарнизона подняли восстание. В начале февраля 1882 г. было сформировано новое национальное правительство. Оно ликвидировало англо-французский финансовый контроль. Великобритания спровоцировала военный конфликт с Египтом. В 1882 г. началась англо-египетская война. Египет был оккупирован.
- ² Э. Бадж — крупнейший английский востоковед, занимавшийся историей Месопотамии, Египта и Нубии.
- ³ *Фустат* (араб. лагерь) — город, возникший на месте стоянки войска Амра, полководца халифа Омара, завоевавшего Египет после 640 г. По преданию, суровый воин, покидая эти места, приказал оставить свой шатер, потому что на нем свила гнездо голубка; вокруг него и возникло поселение. Теперь Фустат входит в южный район Каира.
- ⁴ Стелы с надписями, содержащими ритуальные формулы и жизнеописание владельца, известны со времен Раннего царства. Такие памятники нередко ставили еще при жизни человека: скажем, если он уезжал в дальние края и мог не вернуться. Сохранились стелы не только царей и сановников, но и людей самого низкого положения, возможно даже рабов. Найдено несколько заупокойных стел, поставленных хозяевами их любимым собакам.
- ⁵ XXVI династия — последний собственно египетский царский дом перед персидским завоеванием.
- ⁶ 600 год — дата слишком ранняя, если речь идет именно о мусульманских памятниках.
- ⁷ Филе — остров у 1-го нильского порога, который греки со времен Геродота (по-видимому, не добравшегося туда) называли «жемчужиной Египта». Сохранившиеся здесь храмовые сооружения относятся главным образом к греко-римскому времени; древнейший в ансамбле храм — царя XXX династии Нектанеба II, посвященный Исиде. Рядом с Филе расположены острова Биге и Эль-Хесе, на которых также имелись интересные памятники. Все три острова затоплены после возведения Асуанской плотины.

Второе путешествие мистера Баджа в Египет

- ¹ Куянджик — поселение в верхнем течении Тигра, где в конце 40-х годов прошлого века экспедицией Лэйярда раскопан дворец ассирийского царя Синаххериба (704—681 гг. до н. э.).
- ² Обитатели древней Месопотамии писали главным образом на глиняных табличках, которые в зависимости от важности текста либо высушивали на

солнце, либо обжигали. Количество известных сейчас клинописных таблечек составляет несколько миллионов, из них опубликовано около 500 тысяч. Такого обилия сведений, которые они содержат, нет ни для одной страны древнего мира.

- ³ Вавилонская поэма о Гильгамеше — одно из первых крупных произведений древневосточной литературы: создание ее относится, видимо, к XXIII—XXII вв. до н. э. Найдено несколько версий текста (см. «Эпос о Гильгамеше». Перевод с аккадского И. М. Дьяконова. М.—Л., 1961). Как теперь известно, исторический Гильгамеш (Бильгамес) принадлежит к I династии Урука, правившей городом в XXVII — XXVI вв. до н. э.
- ⁴ В 1887 г. близ деревни Тель-эль-Амарна обнаружены остатки государственного архива, перенесенного Эхнатоном в свою новую столицу из Фив. Сохранилось около 400 клинописных таблечек, содержащих дипломатические и пр. документы, а также отдельные вавилонские мифологические тексты.
- ⁵ Имеются папирусы самых различных эпох, начиная с I династии. На них находят официальные документы (обычно отличавшиеся от других направлением строк относительно волокон материала), частные сообщения, литературные произведения и пр. Общий объем сохранившихся текстов довольно велик.
- ⁶ «Книга мертвых» (название условное) повествует о долгих странствиях «души» в ином мире. Сохранилось довольно много списков этого сборника, содержащего до 180 «глав» — текстов ритуального и магического содержания; отдельные экземпляры отличаются более или менее заметно. Излагаются различные концепции «потустороннего» мира. Полный текст Книги мертвых стоил довольно дорого, но части ее (достаточные для загробного благополучия) мог приобрести каждый. Имелись и другие подобные сборники, называемые теперь «Книгой врат», «Книгой пещер» и т. п.
- ⁷ Гонцы известны в Египте с древнейших времен; они постоянно используются и в средние века (составляя тогда нечто вроде цеха). Европейский путешественник нового времени М. Ванслеб говорит о них: «Кто в Александрии хочет стать посыльным, должен пробежать с огнем в корзине, устроенной наподобие жаровни и укрепленной на высоте человеческого роста на палке, обитой множеством железных колец, 27 миль по дороге на Розетту и вернуться в тот же день в город до захода солнца». Старинная профессия дожила, таким образом, до конца прошлого века.
- ⁸ Тронное (или солнечное, оканчивающееся на -ра) имя входит в «великое имя» царей, начиная с конца Древнего царства. До этого одни цари принимали солнечное имя, уничтожая всякую память о личном, другие не использовали его. В полном виде «великое имя» состояло из пяти элементов: 1) «горовского» имени, т. е. утверждающего, что царь есть земное воплощение бога Гора, 2) формулы, упоминающей «Обеих Владычиц», т. е. богинь — покровительниц Верхнего и Нижнего Египта, 3) «золотого горовского имени», т. е. наименования царя Золотым Гором (а может быть — Гором Золота), 4) тронного имени и 5) личного имени. В надписях первое, горовское имя часто вписывается в так называемый *serex*, схематическое изображение дворца с сидящим на нем соколом Гора. Два последних имени обрамляются «царским кольцом» (картушем).
- ⁹ Теодор Граф — венский антиквар, тонкий знаток египетского искусства, один из первых оценивший фаяyumские портреты (на рынке древностей в Каире их сочли фальсификациями).

Продает здесь кто-нибудь недорого бусы?

- ¹ С этим именем связаны знаменитые папирусы Честер-Битти Британского музея, содержащие такие тексты, как Поэма Пентаура, сказку о Правде и Кривде.

- ² У. М. Флиндерс Питри — крупный английский археолог, работавший в Египте, Сиропалестине и на Синайском полуострове, где он нашел первые образцы так называемой протосинайской письменности — одной из самых ранних алфавитных систем. Первый вел раскопки у столицы Эхнатона.

Убийство в Саккара

- ¹ Маски, закрывавшие лицо мумии или составлявшие часть крышки антропоидного гроба, известны в Египте со времен первых династий. Около рубежа нашей эры появляются расписные маски из штукатурки и писавшиеся на досках энкаустикой или темперой надгробные портреты, по месту нахождения (в 1887 г.) названные фаяюмскими.

Абу-Сир-эль-Мелек, современный центр массового грабежа

- ¹ Серебро (и электр, естественный сплав серебра с золотом) до Нового царства ценилось в Египте значительно дороже золота; серебряных вещей найдено сравнительно мало.
- ² Так называемые чехлы (или футляры), т. е. покрытые штукатуркой и расписанные льняные и другие покровы мумий, известны с Раннего царства до греко-римского времени.

Склад товаров

- ¹ Тот — писец богов, бог мудрости; изображался в виде человеческой фигуры с головой ибиса. Главное святилище его находилось в Шмуне (Гермополе), совр. Эль-Ашмунейн.
- ² Египтяне обожествляли ряд нильских рыб, например оксиринха, давшего имя одному из номов страны, в главном городе которого стоял его храм. Ловить такую рыбу запрещали даже при Птолемеях.
- ³ Нейт почиталась в Са (Саисе, Нижний Египет) первоначально как богиня войны, часто изображалась поэтому с луком и стрелами в руках. Позже вместе с Исидой, Нефтидой и Селкис играла значительную роль в культе мертвых как их защитница в потустороннем мире.
- ⁴ Пекторали — нагрудные украшения или, скорее, амулеты; их носили на шнурке, цепочке или пришивали к одежде.
- ⁵ Драхмы Птолемея I Сотера — т. е. монеты времени первого царя македонской династии (305—282 гг. до н. э.). Сами египтяне до персидского времени монет не знали: в период Нового царства золото и серебро имело хождение в виде тонких проволочек, свернутых кольцами; при заключении сделок их взвешивали.
- ⁶ Бес — божество, изображавшееся уродливым кривоногим карликом в накиннутой львиной шкуре со свисающим хвостом. Он почитался в Египте (по крайней мере со времен Среднего царства) как защитник от злых сил, покровитель рожениц, хранитель женской красоты и семейного благополучия. Поклонение Бесу распространилось далеко за пределы долины Нила: его изображения находят в Закавказье, Средней Азии и даже на Алтае.
- ⁷ Уджат (т. е. вылеченный) — глаз Гора, который ему повредил Сет, но излечил Тот. Со времени Древнего царства его изображения считались могущественными амулетами. Уджат мог быть и правым и левым глазом; в первом случае его связывали с Солнцем, во втором — с Луной. Символ этот играл заметную роль и в культе мертвых.

- ¹ Близ оазиса Сива несколько лет тому назад найдено место, где, видимо, погибло войско Камбиза.
- ² Оракул Амона в оазисе Сива, который посетил Александр, признал в нем сына бога (Плутарх сообщает, что приветствовавший царя египетский жрец, плохо зная язык, просто оговорился). Поначалу Александр спокойно воспринял это известие, но через некоторое время он разослал по городам Греции предписание чтить себя как бога. Согласно Элиану, «каждый народ по-своему отнесся к приказу царя, а лакедемоняне вынесли постановление: если Александру угодно быть богом, пусть будет [...] Умирая, царь повелел похоронить его тело в Египте».
- ³ Амасис — предпоследний царь XXVI династии.
- ⁴ Сет (Сетх, Сутех) — божество, к которому в разные периоды истории относились различно. В Раннем и Древнем царствах Сетх — убийца Осириса — считался богом грозным и, скорее, враждебным египтянам. Тем не менее царь именуется «Гором» и «Сетхом», и царицы этого времени носят титул «зрящая Гора и Сетха». Властители Среднего царства пишут в первом имени своей титулатуры только «имя Гора», собственные же имена периода Нового царства, такие, как Сети или Сетнахт, указывают на то, что теперь представление об этом божестве изменилось. Рамсес II на Брачной стеле из Абу-Симбела называет Сетха своим «отцом». Иноземные божества, культы которых появились в Египте после завоевания Переднего Востока, тоже часто назывались Сутехами.

Наследие богини Сахмет

- ¹ Сахмет (Сехмет) — богиня войны, иногда отождествлялась с фиванской Мут. В ярости способна наслать любые бедствия.
- ² Приведенные слова трудно связать с каким-то определенным текстом, а общность утверждения кажется сомнительной. Известны триады божеств, игравшие роль «семей»: например, Осирис, Исида и Гор; Сахмет, Птах и Нефертум и др. Существовали также восьмерки (огдоады) и девятки (эннеады) божеств, причем число членов их непривычным для нас образом отнюдь не обязательно равнялось восьми и девяти. Но имелись и божества, ни в какие объединения, по всей видимости, не входившие. Надо заметить, что в Древнем Египте никогда не существовало общей, обязательной для всех религии; крупные религиозные центры отличались друг от друга направлением богословской мысли. Значительная часть египетских богов не имела культа, и представления о них оставались самыми неопределенными.
- ³ Пта (Птах) — один из творцов мира, покровитель искусства. Изображался в виде спеленутой мумии, в голубом головном уборе без украшений и со скипетром или посохом, имеющим форму иероглифического знака «сила», в руках. Со времен Среднего царства часто отождествляется с Осирисом, Сокаром и другими богами.
- ⁴ Мут вместе с Амоном и Хонсом образует фиванскую триаду. В ранний период воплощением Мут был коршун; позже она почиталась в человеческом облике, голову ее украшал хохолок из перьев коршуна, но чаще — Двойная корона.
- ⁵ Кошка считалась одним из священных животных, за ее убийство можно было поплатиться жизнью. Сохранилось множество их мумий.
- ⁶ Священное озеро — водоем естественного происхождения или, чаще, искусственный, который существовал почти у каждого храма.

Американец в Луксоре

- ¹ Речь идет, видимо, о гробнице Тутанхамона, так как его храмы присвоены Эйе и Харемхебом. Но египтяне нередко называют усыпальницу часовней, т. е. маленьким храмом.
- ² Это венец Нижнего Египта; венцом Верхнего была высокая Белая корона. Корон насчитывалось множество: Двойная корона объединенной страны (совмещение Белой и Красной), корона Атеф (похожая на Белую, с двумя страусовыми перьями по бокам), Голубой (или Синий) шлем — непременная часть царского боевого доспеха — и другие.

Короны были божествами; при дворе имелись жрецы, отправлявшие их культ, причем найдены даже тексты связанных с этим культом песнопений.

- ³ Переходные времена оставляют после себя сравнительно мало памятников; поэтому о каком бы периоде ни шла речь, находка такого рода представляет значительный интерес.

План реконструкции Асуанского музея — это план его ограбления

- ¹ Камбиз повелел снести храмы потому, что они наверняка стали центрами восстания, поднявшегося в Египте под конец его правления. Храмы владели тогда огромными богатствами и играли чрезвычайно важную роль в жизни страны, будучи не только культовыми, но также и хозяйственными, административными и др. центрами. Камбиз резко сократил объем даров, поток которых изливался на них в период правления XXVI династии: до его указа об этом ценности, получаемые египетскими храмами, превышали денежные подати, которые весь Египет платил при Дарии. Можно думать, что сам Камбиз для наиболее почитаемых святынь позже ввел некоторые послабления, а при Дарии I его реформа была еще смягчена.
- ² Храм Хнума находился на Элефантине, где ему поклонялись вместе с богинями Сатис и Анукис, которые составляли с ним местную триаду. Священным животным Хнума был баран, и сам он изображался в виде человека с головой барана. В поздний период Сатис часто отождествляется с Исидой. Хнум — один из великих египетских богов; существует версия сотворения мира, согласно которой он лепит людей из глины на гончарном круге.
- ³ Иудейское военное поселение возникло на о. Элефантине, вероятно в начале VI в. до н. э.; гарнизон нес сторожевую службу на границе с Нубией. До нас дошло множество текстов из этого поселения. Иудеи утратили свой язык, но сохранили религию, поэтому на острове стоял храм Яхве. Позже иудейский храм подвергся разрушению.
- ⁴ Нектанеб II — последний царь XXX династии, правивший в 360—343 гг. до н. э.; энергично, но безуспешно противостоял новому персидскому нашествию.

Неприятное слово «Дендера»

- ¹ Песнь арфиста (по-видимому, XXI в. до н. э.) дошла в двух списках времен Нового царства. Текст столь древний неминуемо должен быть как-то ритмизирован: с уверенностью показано, что вся египетская «проза» вплоть до I тыс. до н. э. — это либо чистые стихи, либо, самое меньшее, проза ритмическая (см. статью И. М. Дьяконова в: «Поэзия и проза Древнего Востока». М., 1973, с. 549).
- ² Отождествление греческих богов с иноземными известно с очень раннего времени. Уже Гомер считает олимпийцев божествами общими для всех, а не только местными. Боги иных народов отождествлялись по своим функциям с эллинскими, а несовпадение имен естественным образом относили на счет

различия языков. Хатор сопоставлялась с Афродитой, поскольку обе считались богинями любви. Подобное явление отмечается и у многих других народов древнего мира.

- ¹ Хаторическая колонна имеет капитель, по форме близкую к кубу, на гранях которого изваяны маски Хатор — женские лица с коровьими ушами.
- ⁴ *Архитрав* — кровельная балка, лежащая на колоннах.
- ⁵ Один из типов египетской колонны имел капитель в виде бутона или цветка лотоса; в поздний период хаторическая капитель помещалась иногда над цветочной, как, скажем, в храме Исида на о. Филе.
- ⁶ *Серебряный покой* назван так, возможно, потому, что в периоды расцвета главные святилища страны имели помещения, полы которых выкладывали золотыми или серебряными пластинами.
- ⁷ *Наос* — ковчег в виде храма архаического времени для небольшой статуи божества, выносившейся из святилища при всякого рода процессиях.

Сохраните пирамиды!

- ¹ *Пророк храма* — один из жреческих титулов.
- ² Точное название города, данное ему основателем, фатимидским полководцем Джаухаром ас-Сакали, — Миср-ал-Кахира. «Египет победоносный». В древности здесь стояла египетская крепость Вавилон.

Хронологическая таблицы

Датировка событий древней истории представляет собой труднейшую и не всегда разрешимую проблему, поскольку от самих египтян остались лишь разрозненные сведения о прошлом страны.

Кроме того, некоторые даты не совпадают с теми, которые указаны Элебрахтом в тексте (скажем, начало I Переходного периода, Среднего и Нового царств и др.).

Что касается восходящего к Манефону деления истории Египта на время правления 30 династий, два Переходных и Поздний периоды, то теперь в него введены существенные дополнения. Две первые манефоновские династии принято называть Ранним царством; из Позднего времени выделяют III Переходный период, а повторный захват страны персами обозначают как время правления XXXI династии.

Автор комментария благодарен египтологу Н. М. Постовской за ценные консультации.

Литература

В немецком издании этой книги П. Элебрахт прилагает список литературы на западноевропейских языках. Для настоящего перевода представляется целесообразным дать краткий перечень научных и научно-популярных работ по египтологии, изданных на русском языке, который, естественно, не исчерпывает всей литературы.

- Авдиев В. И. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Т. I—II. М., 1948—1959.
- Берлев О. Д. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕГИПТЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА: СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЦАРСКИХ ДИНАСТИЙ. М., 1978.
- Бикерман Э. ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО МИРА. М., 1975.
- Богословский Е. С. «СЛУГИ» ФАРАОНОВ, БОГОВ И ЧАСТНЫХ ЛИЦ. М., 1979.
- Гонейм З. ПОТЕРЯННАЯ ПИРАМИДА. М., 1959.
- ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979.
- Картер Г. ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА. М., 1959.
- Кацнельсон И. С. ТУТАНХАМОН И СОКРОВИЩА ЕГО ГРОБНИЦЫ. М., 1976.
- Керам К. БОГИ, ГРОБНИЦЫ, УЧЕНЫЕ. М., 1960.
- Кинк Х. А. ЕГИПЕТ ДО ФАРАОНОВ. М., 1964.
- Кинк Х. А. КАК СТРОИЛИСЬ ЕГИПЕТСКИЕ ПИРАМИДЫ. М., 1967.
- Кинк Х. А. ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ ХРАМ. М., 1979.
- Коростовцев М. А. ПИСЦЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. М., 1962.
- Коростовцев М. А. ВВЕДЕНИЕ В ЕГИПЕТСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ. М., 1963.
- Коростовцев М. А. РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. М., 1976.
- Коцеюковский А. Л. ТЕКСТЫ ПИРАМИД. Т. I. Одесса, 1917.
- КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. М., 1976.
- Лапис И. А., Матье М. Э. ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ СКУЛЬПТУРА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА. М., 1969.
- Лауэр Ж.-Ф. ЗАГАДКИ ЕГИПЕТСКИХ ПИРАМИД. М., 1966.
- Лурье И. М. ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ПРАВА XVI — X ВЕКОВ ДО Н. Э. Л., 1960.
- Масперо Г. ЕГИПЕТ. М., 1915.
- Матье М. Э. ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ. М. — Л., 1956.
- Матье М. Э. ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Л., 1961.
- Матье М. Э. ВО ВРЕМЕНА НЕФЕРТИТИ. М., 1965.

- Морэ А.* ВО ВРЕМЕНА ФАРАОНОВ. М., 1913.
- Павлов В. В.* ОЧЕРКИ ПО ИСКУССТВУ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. М., 1957.
- Павлов В. П.* СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. М., 1957.
- Перепелкин Ю. Я.* ПЕРЕВОРОТ АМЕН-ХОТПА IV. Ч. I. М., 1967.
- Перепелкин Ю. Я.* ТАЙНА ЗОЛОТОГО ГРОБА. М., 1968.
- Петровский Н., Матвеев В.* ЕГИПЕТ — СЫН ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. Л., 1959.
- Попов И. В.* РЕКА НИЛ. Л., 1958.
- Савельева Т. Н.* КАК ЖИЛИ ЕГИПТЯНЕ ВО ВРЕМЕНА СТРОИТЕЛЬСТВА ПИРАМИД. М., 1971.
- Струве В. В.* ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА. М. — Л., 1941.
- Тураев Б. А.* БОГ ТОТ. ЛЕЙПЦИГ, 1898.
- Тураев Б. А.* ЕГИПЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Т. I, М., 1920.
- Фингарет С. И.* ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА. Л., 1970.
- Флиттнер И. Д.* В СТРАНЕ ПИРАМИД. М. — Л., 1936.
- Херст Г.* НИЛ. М., 1954.
- Чабб М.* ЗДЕСЬ ЖИЛА НЕФЕРТИТИ. М., 1961.

Содержание

Предисловие	3
От автора	7
Все началось с мумий	8
Египетский аукцион	13
3000-летняя культура. Сокровища в земле	24
Охота за древностями началась	28
Шейх Абд-эль-Курна	38
«Месье, привезите мне из Египта обелиск!»	45
С зарядом пороха в храме Хатхор	51
В склепах священных Аписов	55
Охотники из клана Абд эр-Расула	62
Али Абд эр-Расул — король западного берега	72
Али Абд эр-Расул. Шейх Али и полиция	78
Али Абд эр-Расул. Как Самсон из Курны чуть не потерял одну из прядей своих волос	81
Доктор Джузеппе Ферлини — человек, который приказал снести пирамиды	84
Ловцы сувениров	90
«Отец черепов», или Первое путешествие мистера Баджа в Египет	109
Второе путешествие мистера Баджа в Египет	118
«Продает здесь кто-нибудь недорого бусы?»	129
Убийство в Саккара	132
Абу-Сир-эль-Мелек, современный центр массового грабежа	135
Склад товаров	142
Туристы в роли воришек	151
Наследие богини Сахмет	154
Американец в Луксоре	158
Луксор, Стейшн-стрит, 44	164
Древности в современной упаковке	170
План реконструкции Асуанского музея — это план его ограбления	172
Неприятное слово «Дендера»	175
Сохраните пирамиды!	181
Хронологическая таблица	194
Комментарий	196
Литература	214

Петер Элебрахт

ТРАГЕДИЯ ПИРАМИД

ИБ № 12811

Редактор В. П. ТЕРЕХОВ

Художник В. К. БИСЕНГАЛИЕВ

Художественный редактор В. А. ПУЗАНКОВ

Технический редактор Е. В. ДЖНОЕВА

Корректор М. А. ТАГИ-ЗАДЕ

Сдано в набор 27.12.83. Подписано в печать 8.06.84. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 13,5+3,0. печ. л. вклеек. Усл. кр. отт. 45,0. Уч.-изд. л. 15,07. Тираж 100.000 экз. Заказ № 2143. Цена 1 р. 70 к. Изд. № 37911.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

1. Выдающееся произведение «придворного искусства» времен V династии (около 2400 г. до н. э.) — 30-сантиметровая скульптурная группа из гизехского некрополя. 25 мая 1914 г. продана с аукциона, проходившего в парижской галерее Ж. Пети, за 28 500 франков ~~за 28 500~~

2

2. Украшенная иероглифами стена погребальной камеры в Бибан-эль-Молуке со следами разрушения охотниками за древностями

5. Нагди эль-Маарбуд Абдаллах из Эль-Тарифа — глава сторожей
фиванского некрополя.

4. К концу XIX в. в страну на берегах Нила хлынули сотни туристов.

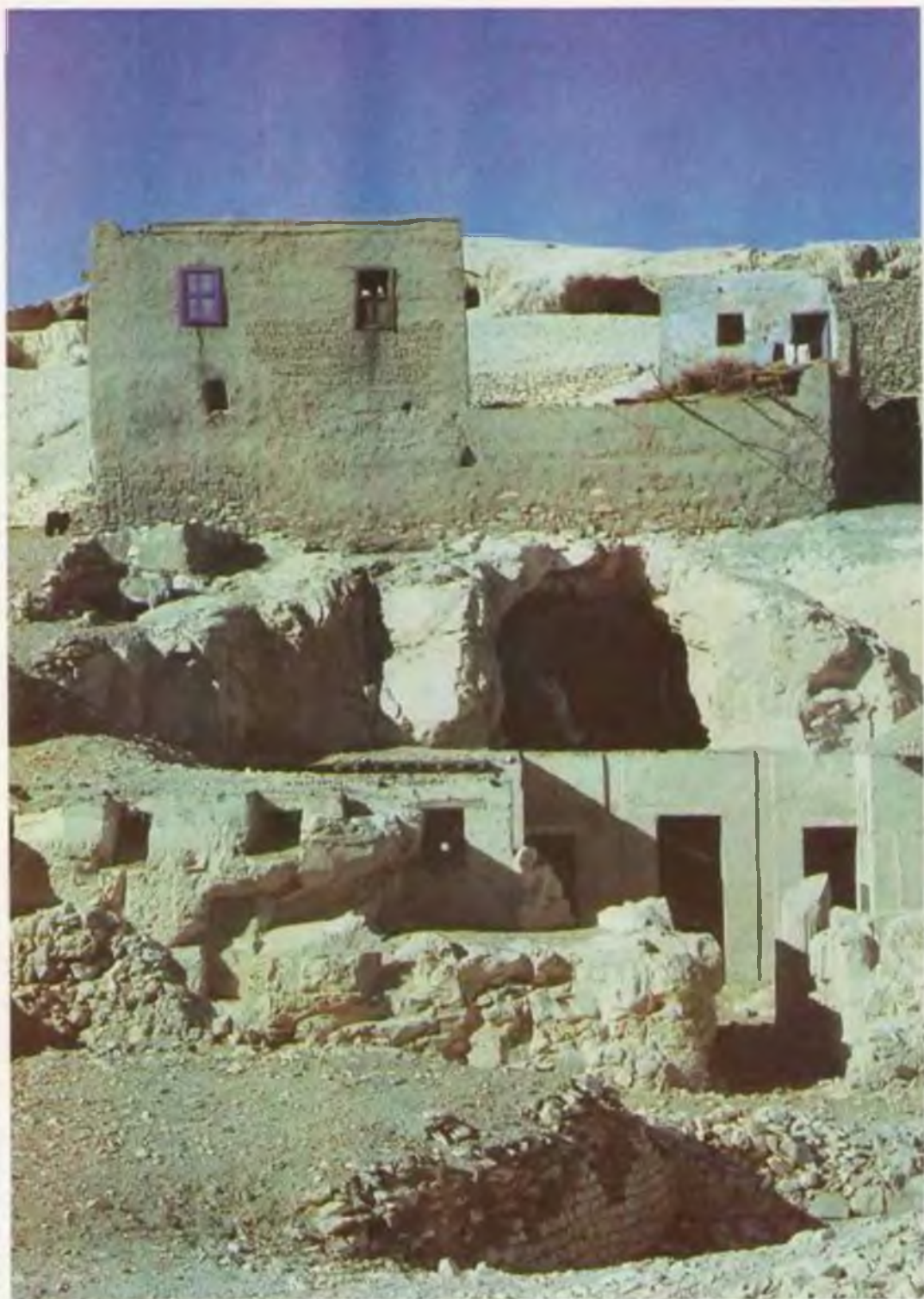

5. шустрый мальчонка из Эль-Курмы: «Великий Рамсес был таким же сильным, как и мой отец!»

6. 77-летний шейх Абдулль Мавруд Абдаллах из Эль-Тарифа, Западные Филы. В юности он работал у Говарда Картера носильщиком корзин и был некогда главой сторожей филианского некрополя

8

8. В Фиванском некрополе: старое разбойничье гнездо над погребальными камерами предков.

9 Это - гробничное жилище в финикийском некрополе туристы не посещают.

10. Старожил из Эль-Курны, как и все его соседи, говорит: «Никто не может выжить меня из моего дома!»

11. Разоренная семейная усыпальница в Дейр-эль-Медине, Западные Фивы.

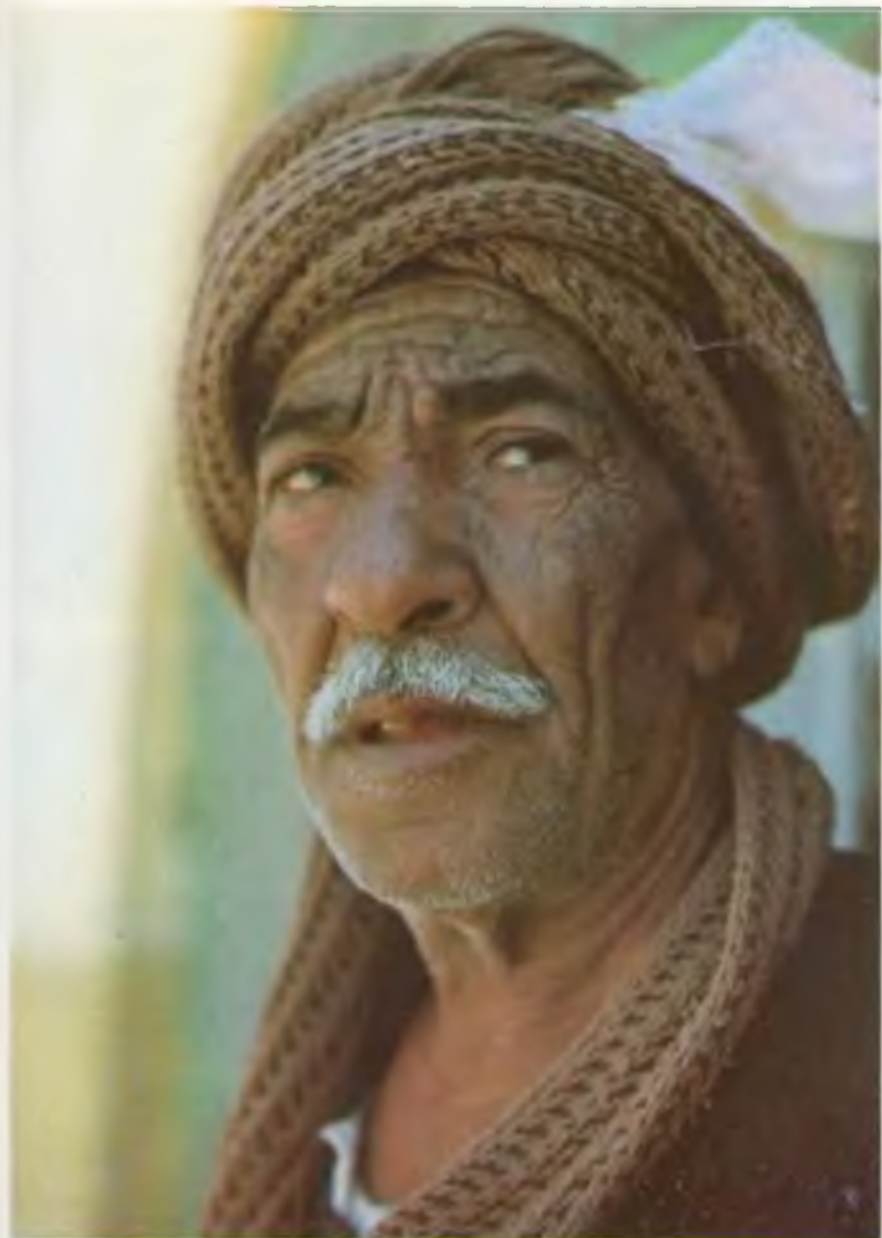
12. Луксорский обелиск на площади Согласия в Париже.

13

13. Взорванный грабителями гранитный саркофаг священного Аписа в мемфисском Серапеуме.

15. Шейх Али Абд эр-Расул из Эль-Курны.

16

18

16. Шейх Али Абд эр-Расул 28 лет назад.

17. Йемени Абд эр-Расул в октябре 1978 г.

18. Отель «Марсам».

19

20

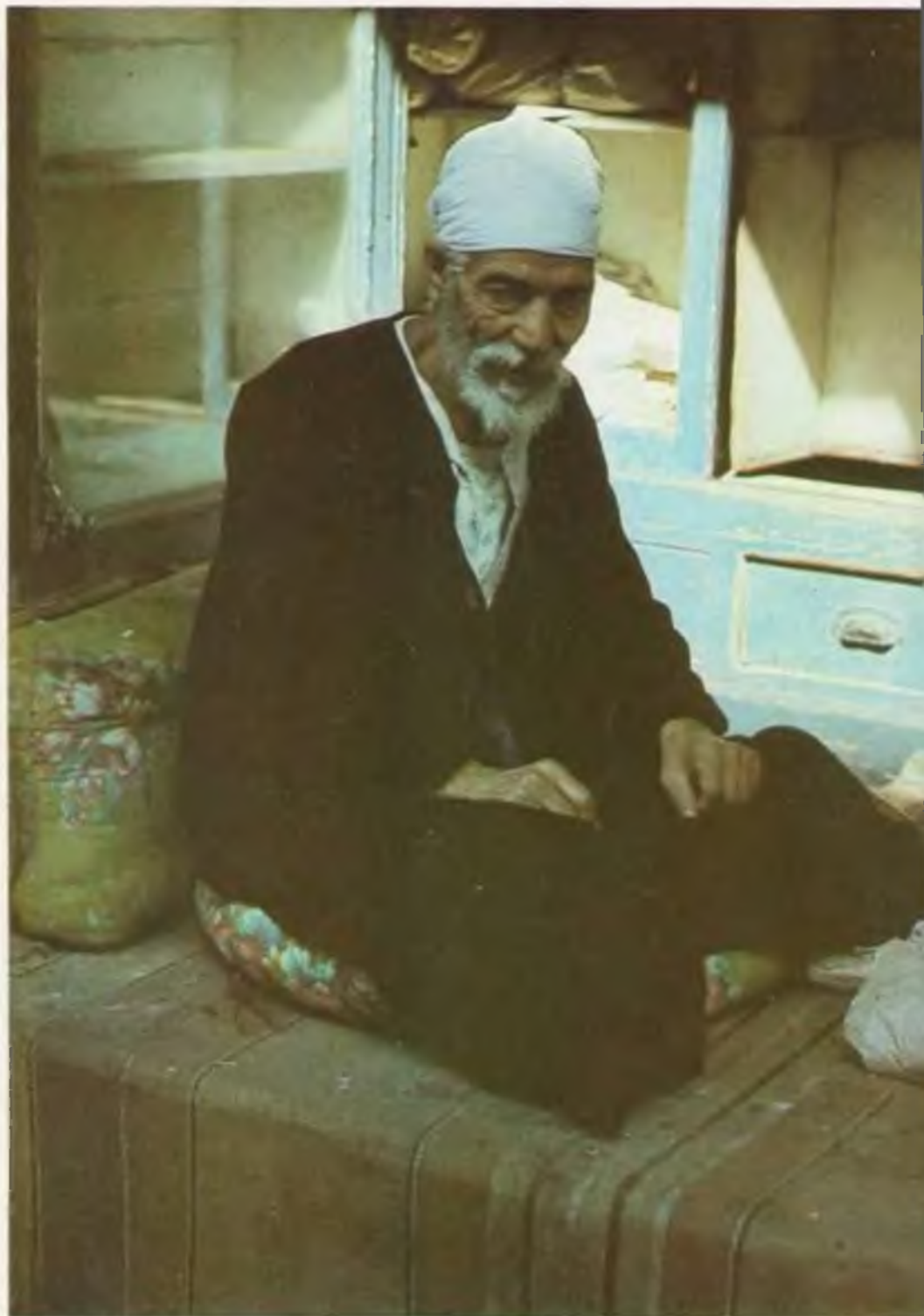

21

19. В марте 1961 г. Али Расул принимал участие в поисках сокровищ в усыпальнице Сети I. Надзор за работами осуществлял главный инспектор Абд эль-Хафез.

20. Поиски сокровищ увенчались успехом.

21. Братья Расулы в камере, где находился саркофаг Сети I.

22

22. Каирский сказитель.

23

24

23. «Малеш!» — сказал шейх Али Абд эр-Расул и снова пришел в хорошее расположение духа

24. Пирамиды Мироз, поля деятельности д-ра Джузеппе Ферлини

26. Этому драгоману 80 лет. 70 из них он отдал служению славному
прошлому Египта.

27

28

27. «К пирамидам!» С этими словами туристы устремились в Египет в конце XIX в.

28. Мумифицированная человеческая нога, за которую торговец просил 80 египетских фунтов.

29

30

29. Японские туристы из Осаки в Египте.

30. Рельеф из Тель-эль-Амарны, XVIII династия. Подделка, которую предлагают торговцы произведением искусства.

31

31. Ювелирные украшения из усыпальницы царицы Амишаскете, открытой Джузеппе Ферпини в 1634 г.

32. Рамассан из Зигуинчора за работой.

33. В этой маленькой мастерской на западном берегу Нила вполне легально изготавливают подделки.

34. Глиняные черепки из «рабочего поселка» в Дейр-эль-Медине пользуются большим спросом у коллекционеров.

35

36

35—36. Рельефы из мастерской по изготовлению подделок. Предназначались для западноевропейского рынка, хранились на складе одной каирской лавки древностей.

37

38

37. Голова мумии священнослужителя, хранившаяся в усыпальнице Сети II, Бибан-эль-Молюк. Примерно так выглядели черепа, которые Бадж послал антропологам.

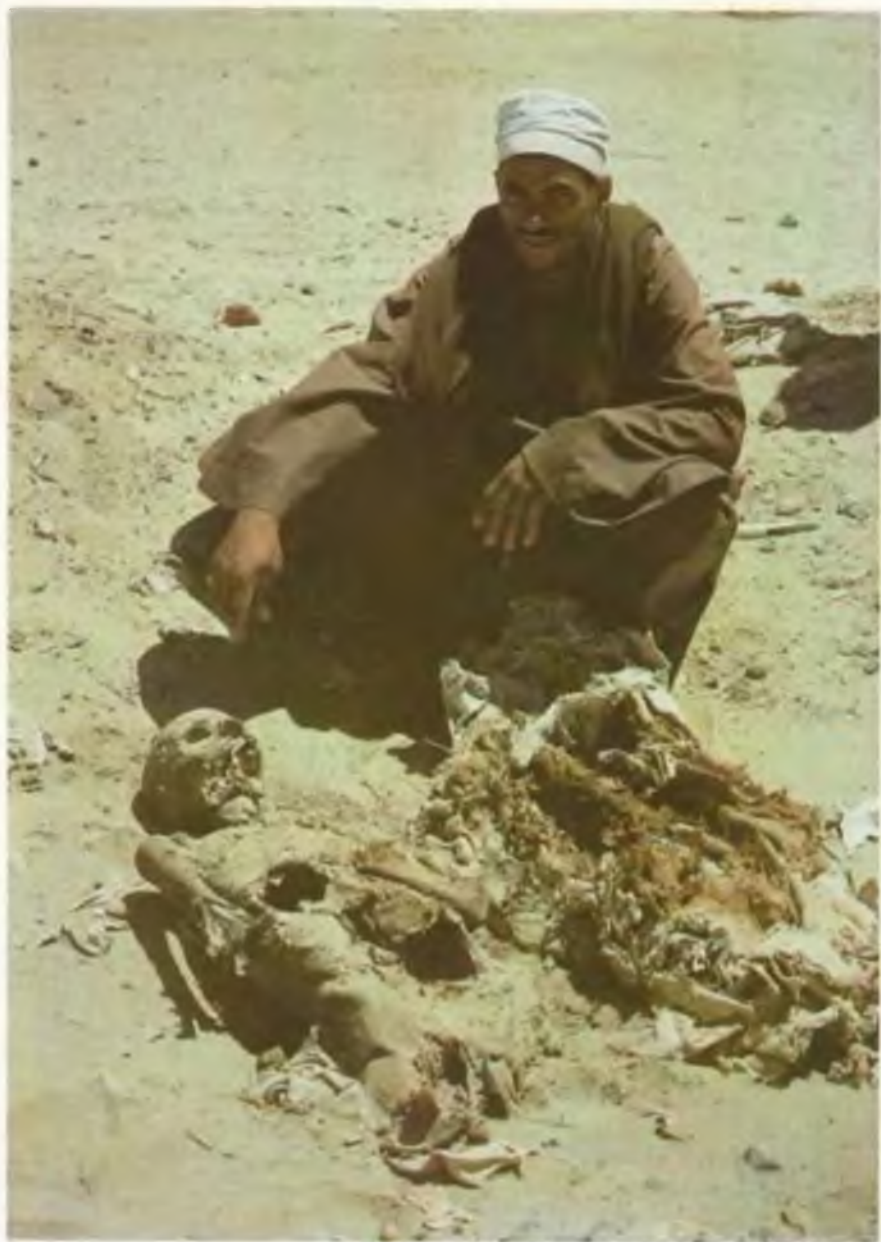
38. Эрнст Альфред Томпсон Уоллес Бадж.

39. Газета - Санди телеграф - от 24 марта 1975 г.

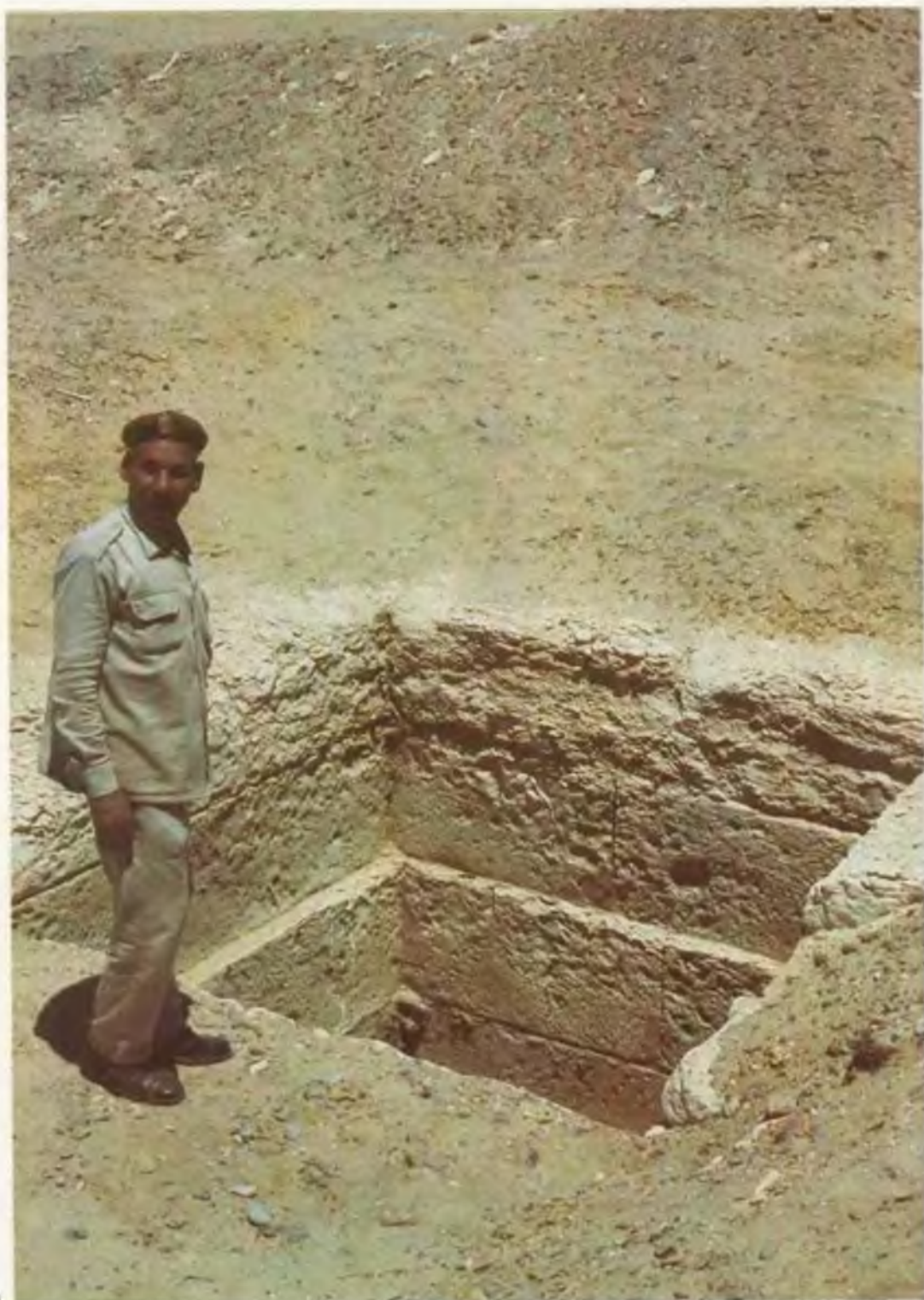

40. Там, где не копают и не ищут, ветер иногда обнажает следы прошлого.
Нужно лишь нагнуться.

42. Кладбище Абу-Сир-эль-Мопса в 1978 г

43

43. Здесь в марте 1973 г. в перестрелке с полицией один из грабителей был застрелен.

44. Один из сторожей Абу-Сир-эль-Мелека.

45

45. Два гроба, относящиеся примерно к 400 г. до н. э., из Абу-Сир-эль-Менеа. В 1978 г. выставлены на продажу в Европе.

46

46. «Древности! Прекрасные египетские древности!» — кричат на разных иностранных языках торговцы из Долины царей.

47

47. Каирский торговец древностями сетует: «На рынке нет больше ничего! Дело приходит в упадок».

48

49

48. Этот фрагмент — нижняя часть стелы Псамметиха III — один хаирский торговец хотел продать в Швейцарию как оригинал. Однако как выяснилось, это оказалась подделка.

49. Рельеф, относящийся примерно к 1360 г. до н. э. с изображением Аменхотепа IV. Выставлен на продажу как оригинал из Карнака.

50

51

50—51. Подделки, предназначенные для продажи на западноевропейском рынке.

53

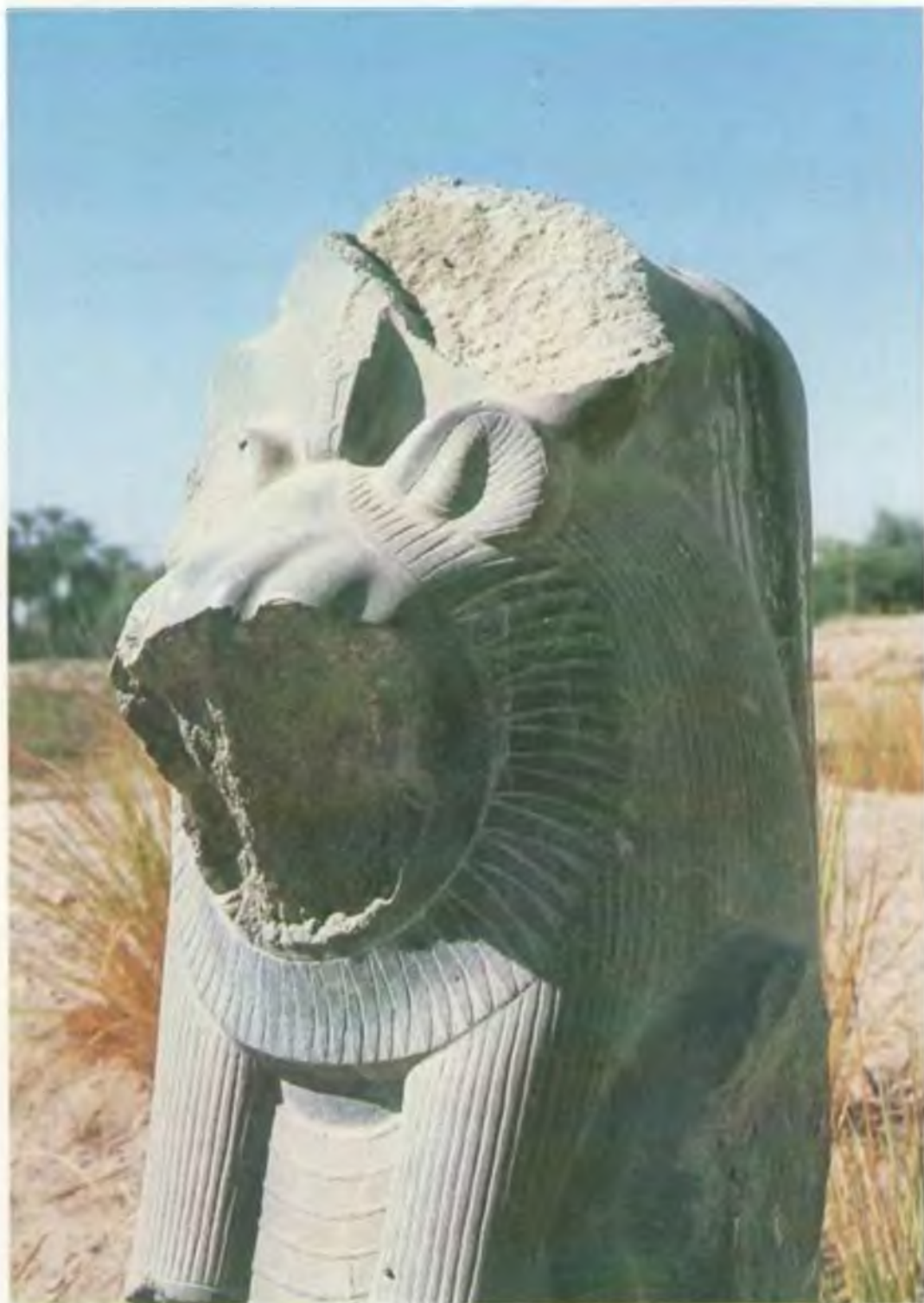

54

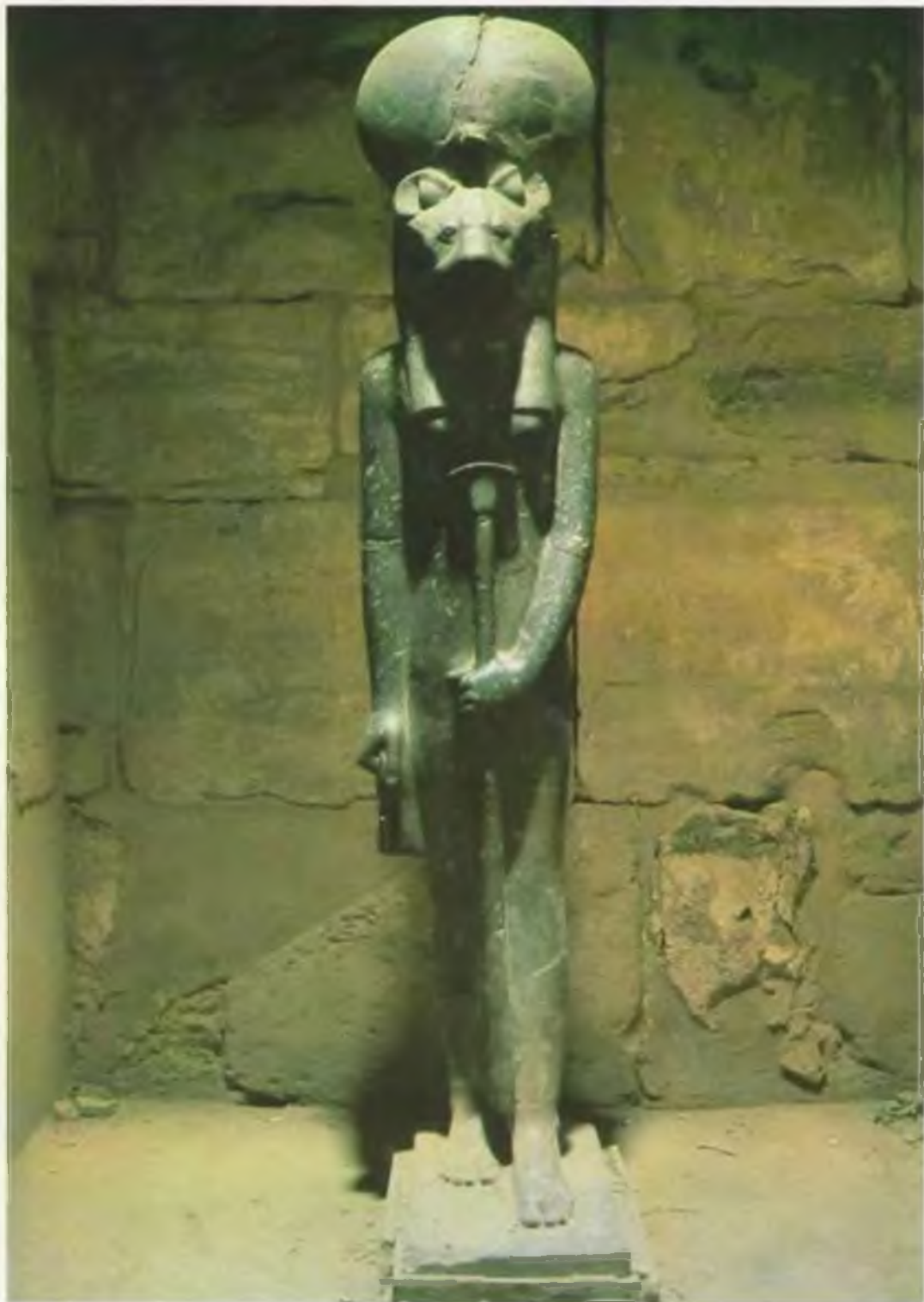

53. Витрины почти пусты. Но если заглянуть подальше...

54. Следы бывшего великолепия: обломки статуй богини Сахмет около храма Мут.

55. Торс статуи богини Сахмет. Подобные разрушенные фигуры стоят вокруг руин храма Мут в Карнаке.

56. Статуя богини Сахмет из Карнакского храма бога Птаха.

57. Один из сторожей фиванского некрополя с фонарем в руках ведет туристов во тьму прошлого.

58

59

60

61

58. Мохареб Тодрос. 1937 г.

59. Заки Мохареб Тодрос по прозвищу Харриб.

60—61. Дав гафира дендерского храма Хатор: «Ограбление? Ничего не знаем об этом! Ничего не слышали!»

62 - Древности - из мастерской фальсификатора.

63

65

63. Хадш Али Мухаммед Ахмед — один из лучших гафиров фиванского некрополя.

64. Сайед Мулатхам — один из честнейших торговцев древностями в Луксоре.

65. 150 египетских фунтов и этот образец обуви времен раннего ислама — ваш.

66. Грабители уже готовы были изъять часть врезного рельефа на стене царской усыпальницы в Амарне. Снимок показывает состояние на осень 1973 г.

67

67. Абу-Сир-эль-Мелех. Историческое прошлое Египта приходится охранять с карабинами в руках.